

International
Association Israel-Azerbaijan
"Azlz"

Lomonosov Moscow
State University
Faculty of History

Association of
Immigrants from Belarus
in Israel

הפקולטה למדעי הרוח
ע"ש לטר וואלי אנטין
The Lester and Sally Entin
Faculty of Humanities

המרכז לחקר התרבות
ע"ש גולדשטיין - גורן
Goldstein - Goren
Diaspora Research Center

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ХОЛОКООСТЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Международная конференция, Тель-Авив, 21-22 ноября 2019 г.

Сборник научных докладов

Tel Aviv University. Faculty of Humanities
The Goldstein-Goren Diaspora Research Center
With the participation of
International Association of Israel-Azerbaijan "Aziz"
Euro-Asian Jewish Congress
Association of Immigrants from Belarus in Israel
M.V. Lomonosov Moscow State University History Department

Preserving the memory of the Holocaust in the post-Soviet space

The international conference, November 21-22, 2019

Conference reports

Tel Aviv, 5781 / 2020

Тель-Авивский университет
Научно-исследовательский центр диаспоры
им. Гольдштейна-Горена

при участии:

Международная ассоциация Израиль-Азербайджан «АзИз»
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
Всеизраильское объединение выходцев из Беларуси
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ХОЛОКООСТЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Международная конференция, 21-22 ноября 2019 г.

Сборник научных докладов

Тель-Авив, 5781 / 2020

Редакционный совет:

Профессор Симха Гольдин (председатель),

Лев Спивак (сопредседатель),

Михаил Альшанский (сопредседатель),

Д-р Леонид Смиловицкий (научный редактор),

Д-р Константин Бондарь (ответственный секретарь)

Дизайн и вёрстка: Шауль Симан-Тов

В оформлении обложки использована картина Марка Житницкого

«Последний путь евреев Минского гетто» (1973 г.)

Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве.
Сборник докладов. Под научной редакцией Леонида Смиловицкого.
Тель-Авив, 2020. 260 с.

Сборник докладов подготовлен на основе материалов, представленных в рамках международной научной конференции «Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве», состоявшейся 21-22 ноября 2019 г. в Центре диаспоры имени Гольдштейна-Горена на гуманитарном факультете Тель-Авивского университета при участии Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз», Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси, исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В научный сборник вошли доклады исследователей из Израиля, Германии, Франции, России, Украины, Беларуси, Молдовы, Азербайджана по истории Холокоста, антисемитизма, европейской диаспоры и еврейского народа. Предназначен для специалистов в области изучения истории XX века, всеобщей истории, истории Катастрофы восточно-европейского еврейства, истории России и стран постсоветского пространства, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется историей.

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:

smilov@zahav.net.il или на WhatsApp: +972544305871

ISBN 978-965-92805-6-8

© Международная ассоциация Израиль-Азербайджан «АзИз»

© Тель-Авивский университет. Научно-исследовательский

центр диаспоры им. Гольдштейна-Горена

Оглавление

Предисловие	9
Приветствия	
<i>Симха Гольдин</i> , директор научно-исследовательского центра диаспоры имени Гольдштейна-Горена	17
<i>Салхат Аббасова</i> , руководитель сектора стран Америки и Израиля Государственного комитета Азербайджанской Республики по работе с диаспорой	21
<i>Марк Ифраимов</i> , депутат Кнессета от партии «Наш дом Израиль»	23
Выступления	
<i>Ирина Реброва</i> (Германия) «Город разрушен. Все евреи расстреляны»: его-документы свидетелей Холокоста на Северном Кавказе	25
<i>Георгий Шепелев</i> (Франция) Устные свидетельства о Холокосте как исторический источник (из опыта полевой работы в Восточной Беларуси и Западной России)	40
<i>Александр Фридман</i> (Германия) Холокост на территории Беларуси в немецкой историографии	72
<i>Леонид Смилович</i> (Израиль) Холокост в Беларуси – геноцид евреев или белорусов?	93
<i>Владимир Месамед</i> (Израиль) Холокост в народной и исторической памяти в Узбекистане	112

<i>Арон Шнеер</i> (Израиль)	
Память о Холокосте как инструмент внутренней и внешней политики	126
<i>Хаим Бен Яаков</i> (Израиль)	
Память о Холокосте в России и Украине: внутриполитические и геополитические аспекты	136
<i>Моисей Беккер</i> (Азербайджан)	
Сохранение памяти о Холокосте советских евреев в Азербайджане	145
<i>Анатолий Подольский</i> (Украина)	
Культура памяти о жертвах Холокоста в современной Украине: тенденции и перспективы ...	153
<i>Борис Забарко</i> (Украина)	
История и память о Холокосте в Украине	168
<i>Ирина Шихова</i> (Молдова)	
Места памяти о Холокосте на территории Республики Молдова	177
<i>Давид Зельвенский</i> (Израиль)	
Увековечение памяти евреев – участников Второй мировой войны в военно-историческом музее «Энергия мужества» (г.Хадера)	187
<i>Григорий Рейхман</i> (Израиль)	
Осмысление документов личного происхождения (фронтовые письма, дневники) в контексте сохранения памяти о Холокосте и героизме советских евреев	201
<i>Илья Васильев, Михаил Эдельштейн</i> (Россия)	
Две пьесы о Собиборе (по материалам переписки Александра Печерского с Залманом Якубом)	216
Участники конференции	229
Фотоотчет о конференции (Григорий Рейхман)	243

Table of Content

Preface	13
Greetings	
<i>Simha Goldin</i> , Director of the Goldstein-Goren Diaspora Research Center	19
<i>Salhat Abbasova</i> , Head of the Sector of the Americas and Israel of the State Committee of the Republic of Azerbaijan on work with the Diaspora	21
<i>Mark Ifraimov</i> , Knesset Member of “Israel Our Home” Party	23
Reports	
<i>Irina Rebrova</i> (Germany)	
“The city is destroyed. All the Jews were shot”: ego-documents of Holocaust witnesses in the North Caucasus	25
<i>Gueorgui Chepelev</i> (France)	
Oral history as a source of study of the Holocaust. Case of Russia and Belarus	40
<i>Alexander Friedman</i> (Germany)	
Holocaust in Belarus in German historiography	72
<i>Leonid Smilovitsky</i> (Israel)	
Holocaust in Belarus – the genocide of the Jews or the Belarusian people?	93
<i>Aron Schneer</i> (Israel)	
Holocaust memory as a tool of domestic and foreign policy	112

<i>Chaim Ben Yaakov</i> (Israel)	
Knowledge of the Holocaust in Russia and Ukraine: Domestic and Geopolitical Aspects	126
<i>Vladimir Mesamed</i> (Israel)	
Holocaust in the people's and historical memory of Uzbekistan	136
<i>Moses Becker</i> (Azerbaijan)	
Holocaust memory in Azerbaijan	145
<i>Anatoly Podolsky</i> (Ukraine)	
Holocaust remembrance culture in modern Ukraine	153
<i>Boris Zabarko</i> (Ukraine)	
History and memory of the Holocaust in Ukraine	168
<i>Irina Shikhova</i> (Moldova)	
Holocaust Memorials in Moldova	177
<i>David Zelvensky</i> (Israel)	
The Hadera WWII Museum in preserving the Holocaust Memory	187
<i>Gregory Reikhman</i> (Israel)	
Holocaust in the correspondence of Soviet Jews: from the personal to the tragedy of a people	201
<i>Ilya Vasilyev and Mikhail Edelstein</i> (Russia)	
Two plays about Sobibor (based on the correspondence between Alexander Pechersky and Zalman Yakub)	216
Participants of the Conference	236
Pictures from the conference (by Gregory Reikhman)	243

Предисловие

Семьдесят пять лет, прошедшие после окончания Второй мировой войны, составили целую эпоху в истории человечества. Эти десятилетия понадобились не только для того, чтобы залечить раны, возродить мирную жизнь, но и найти ответ на вопрос, как подобное могло случиться. Известно, что в Советском Союзе, в отличие от всего остального мира, тема Холокоста замалчивалась. Но даже спустя четверть с лишним века после распада СССР и образования на постсоветском пространстве независимых государств, правда о Холокoste до конца не сказана, подходы в его освещении колеблются, оценки трагического прошлого не выработаны, а собранные сведения требуют углубленного анализа и осмысления.

Как известно, историю сначала пишут победители, потом историю пишут побежденные, если они останутся живы. За ними историю пишут люди, не имеющие к этому корыстного интереса, а потом историю пишут дети побежденных, а за ними – дети победителей, и всегда это разная история. Задача академической науки состоит в том, чтобы не только подвести общий знаменатель, но и дать правдивые ответы о том, что было, чтобы эта трагедия народов больше не повторилась.

В жизнь вступило новое поколение людей, которому нужно объяснить, как стал возможен Холокост, почему ненависть к евреям, антисемитизм и юдофобия послужили нацистам инструментом достижения их главной цели – установления мирового господства. Память о Холокосте – это противоядие ненависти на национальной почве, нарушению гражданских свобод и демократических прав, дискриминации национальных меньшинств.

Организаторы конференции поставили цель выяснить, что представляет собой память о Холокосте на постсоветском пространстве и как это отражено в действиях государственных

учреждений, академической науке, работе общественных организаций.

Среди поднятых в докладах проблем нужно назвать важнейшие: осмысление Холокоста как составной части национальной трагедии в России, Украине, Беларуси, странах Балтии и Молдове, на Кавказе и Средней Азии и трудности на пути этого осмысливания; отношение других народов к трагедии евреев; место Холокоста в образовательном, культурном, историческом, нравственном, юридическом пространстве в бывших советских республиках после обретения ими независимости; место событий Холокоста в народной памяти и уровень знаний современных граждан постсоветских стран об этой трагедии; наконец, усилия, необходимые для того, чтобы память о Холокосте не разъединяла, а объединила народы, пережившие нашествие нацистов.

Десятилетия, минувшие после окончания войны с нацистской Германией, не снизили актуальность этой темы, а наоборот, позволили беспристрастно подойти к осмысливанию и осознанию ее глобального значения. Организаторы конференции задались целью создать коллективный портрет темы памяти Холокоста на всем пространстве бывшего СССР. Современные знания о геноциде евреев на оккупированной территории Европы, включая Советский Союз, неизмеримо выросли за эти десятилетия. Упал «железный занавес», кончились холодная войны, открылись архивы, были написаны книги и защищены диссертации, сняты кинофильмы, написаны художественные произведения. Места массовых расстрелов были обозначены памятниками, а люди, спасавшие евреев с риском для жизни, удостоены почетного звания «праведника народов мира». Но все это не сняло остроты трагедии Холокоста. Эта острота особенно актуальна в наши дни, когда в ряде мест на территории СНГ и Балтии, Украины и Закавказья допускается героизация нацистских пособников и отрицание Холокоста в целом. Важно было сравнить накопленный опыт в изучении этих тем и поделиться сделанными выводами.

Для поиска ответов на поставленные вопросы были приглашены 16 участников из 11 стран (Израиля, Германии, Франции, Польши, России, Украины, Беларуси, Латвии, Литвы, Молдовы, Азербайджана). Большинство участников в

странах своего проживания являются ведущими специалистами по теме истории Холокоста.

Среди них исследователи среднего и старшего поколения, много сделавшие в теме изучения истории Холокоста. Это умудренные опытом ученые, такие как Арон Шнеер, Владимир Месамед и Леонид Смиловичкий, которые посвятили долгие годы изучению судьбы советских евреев на разных этапах их истории, включая Вторую мировую войну.

Новое поколение исследователей представляли Ирина Реброва, Ирина Шихова, Георгий Шепелев, Илья Ленский, Александр Фридман, Милда Якулите-Васил, Ольга Богомазова, Александра Щепан. Все они получили свое образование в эпоху Перестройки, а ученую степень – уже в университетах Европы и работают сегодня в научных учреждениях Европейского Сообщества. Свои знания о Холокосте молодые исследователи почерпнули из архивных документов, рассказов, воспоминаний, интервью людей, переживших войну на оккупированной территории, участников партизанского движения, бойцов и командиров Красной Армии и их родных, находившихся в эвакуации.

В работе конференции приняли участие общественные деятели: Лев Спивак – генеральный директор Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз», Михаил Альшанский – председатель Всеизраильского объединения выходцев из Беларуси, Эли Валк – председатель Объединения выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле, Хаим Бен Яаков – Генеральный директор Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, Марк Ифраимов – депутат Кнессета от партии «Исраэль байтейну» («Наш дом Израиль»). С докладами выступили музейные работники (Давид Зельвенский, Ирина Шихова, Илья Ленский) и люди, пережившие Холокост, – Борис Забарко (бывший узник Шаргородского гетто) и Борис Млынский (бывший узник Минского гетто).

Местом проведения стал Тель-Авивский университет, флагман израильской науки. Это крупнейшее высшее учебное заведение Израиля, в котором накоплен огромный опыт по проведению документальных исследований в гуманитарных сферах, написаны важные исторические исследования, работают сотни профессоров, преподавателей, научных сотрудников и обучаются тысячи студентов.

Некоторые из участников конференции неоднократно посещали Израиль, работали в его архивах, научных центрах и библиотеках (Анатолий Подольский, Моисей Беккер, Ирина Шихова, Ирина Реброва, Милда Якулите-Васил, Илья Ленский, Александр Фридман), а другие приехали в Израиль впервые (Оксана Солопова, Ольга Богомазова, Александра Щепан, Георгий Шепелев).

Сборник включает в себя большинство докладов, сделанных на конференции (12 из 16). К сожалению, часть из них не была включена в Сборник по причинам, независящим от его составителей. Видео- и аудиозапись докладов и хода дискуссий доступна в Интернете по адресу:

www.youtube.com/playlist?list=PLXcYI6zK5mW_llcY0rMCu8cc6QqNlNPDI.

Публикуемые версии докладов отредактированы и снабжены библиографическими ссылками на цитируемые источники. Сборник включает краткие сведения о научных биографиях участников конференции. Завершает Сборник фотопортаж Григория Рейхмана.

Организаторы конференции выражают искреннюю благодарность декану гуманитарного факультета, Центру диаспоры имени Гольдштейна-Горена и ректорату Тель-Авивского университета за моральную поддержку и необходимую организационную помощь. Особую признательность мы выражаем Международной Ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз» за финансовую поддержку и обеспечение проведения этого научного форума.

От составителей

Preface

The 75 years that have passed since the end of the Second World War constitute a whole era in the history of mankind. It took these decades not only to heal wounds and to restore peaceful life, but also to find answers to the question: How this could have happened? It is known that in the Soviet Union, unlike the rest of the world, the topic of the Holocaust was not discussed. However even a quarter of a century after the collapse of the USSR and the formation of independent states in the post-Soviet space, the truth about the Holocaust is not fully stated. Its coverage fluctuates, conclusions regarding the tragic past are not worked out, and the collected information requires in-depth analysis and reflection.

As is well known, the winners write the history first, and then the losers write the history – if they survive. After them it is written by people, who do not have a vested interest in this, and then the children of the vanquished write the history, and the children of the victors follow them and it is always a different story. The task of academic science is not only to bring a common denominator, but also to give truthful answers about what happened so that this tragedy of nations would not be repeated.

A new generation of people has been born, which needs to know how the Holocaust became possible. Why did the hatred of the Jews, anti-Semitism and Judeo-phobia serve the Nazis as a tool to achieve their main goal – to establish world domination? How did other nations of the world express their attitude to this? Holocaust remembrance is an antidote to the revival of hatred on a national basis, the violation of civil liberties and democratic rights, and discrimination of national minorities.

How is the memory of the Holocaust reflected in the actions of state institutions, academic science and the work of public organizations in the post-Soviet space? Can we assume that the tragedy of the Holocaust has become an integral part of the national tragedy in Russia, Ukraine, Belarus, the Baltic States and Moldova,

Caucuses and Middle Asia? If so, how does this manifest itself, and if not, why not? What is the place of knowledge about the Holocaust in educational, cultural, historical, moral, legal aspects? What place does the tragedy of the Jews in the years of the Second World War take in people's memory? What do ordinary people know and remember about the Holocaust? What needs to be done so that knowledge about the Holocaust does not dissipate, but instead, helps unite the nations that survived the Nazi invasion?

Decades after the end of the war with Nazi Germany did not reduce the relevance of this topic, but on the contrary, allowed an impartial approach to understanding and awareness of its global significance. The conference organizers set out to create a collective portrait of the Holocaust theme throughout the entire territory of the former USSR. Modern knowledge about the genocide of Jews in the occupied territory of Europe, including the Soviet Union, has grown immeasurably over these decades. The Iron Curtain fell, the Cold War ended, archives opened, books were written and dissertations were defended, films were made, and works of art were written. Places of mass executions were marked by monuments, and people who saved Jews at risk for their own lives in the occupied territory were awarded the honorary title of "the righteous of the peoples of the world." But all this did not alleviate the Holocaust tragedy.

These issues are especially relevant today, when in a number of places in the CIS and Baltic countries, Ukraine and the Caucasus, the heroization of Nazi accomplices and the denial of the Holocaust as a whole are allowed. It was important to compare the experience gained in this matter and share the conclusions made.

To search for answers 16 scholars from 11 countries were invited (Israel, Germany, France, Poland, Russia, Ukraine, Belarus, Latvia, Lithuania, Moldova, and Azerbaijan). Most participants in their countries of residence are leading experts on the history of the Holocaust.

Among them are people born 25 or more years after the end of the war, researchers of the middle and older generation who have done a lot in the subject of studying the history of the Holocaust during the Second World War. Among them are experienced scholars such as Aron Shneyer, Vladimir Mesamed and Leonid Smilovitsky, who have devoted many years to studying the fate of

Soviet Jewish Jews at different stages of their history, including World War II.

The new generation of researchers was represented by Irina Rebrova, Irina Shikhova, Gueorgui Chepelev, Ilya Lensky, Alexander Fridman, Milda Jakulytė-Vasil, Oksana Bogomazova and Alexandra Szczepan. All of them received their education in the era of Perestroika, and their academic degrees at European universities and today they work in scientific institutions of the European Community. Young researchers gathered their knowledge about the Holocaust from archival documents, stories, memoirs, interviews of people who survived the war in the occupied territory, members of the partisan movement, soldiers and commanders of the Red Army and their relatives who were evacuated.

The conference was attended by public figures: Lev Spivak – Director General of the Israel-Azerbaijan “AzIz” International Association, Mikhail Alshansky – Chairman of the Association of Immigrants from Belarus in Israel, Eli Valk – Chairman of the Association of Natives of Latvia and Estonia in Israel, Haim ben Yaakov, Chief Executive Officer of the Euro-Asian Jewish Congress, Mark Ifraimov, a member of the Knesset from the “Israel Beiteinu” (“Our Home is Israel”), museum workers (David Zelvensky, Irina Shikhova, Ilya Lensky) and the Holocaust survivors including Boris Zabarko (former prisoner of the Shargorod Ghetto) and Boris Mlynsky (former prisoner of the Minsk Ghetto).

The conference venue was Tel Aviv University, the flagship of Israeli science. This is the largest institution of higher education in Israel, which has accumulated vast experience in conducting documentary research in the humanitarian fields, has supported the writing of important historical studies, and has hundreds of professors, teachers, researchers and thousands of students studying.

Some of the conference participants visited Israel several times, they worked in its archives, research centers and libraries (Anatoly Podolsky, Moses Bekker, Irina Shikhova, Irina Rebrova, Milda Yakulite-Vasil, Ilya Lensky, Alexander Fridman), and some came to Israel for the first time (Oksana Solopova, Olga Bogomazova, Alexandra Szczepan, Gueorgui Chepelev).

The collection includes most of the reports made at the conference (12 of 16). Unfortunately, some of them were not

included in the Collection for reasons beyond the control of its compilers. However, this did not prevent the constructive and fruitful work of the scientific forum. Video and audio recordings of reports and discussions were held, which can be found publicly available on the Internet at:

www.youtube.com/playlist?list=PLXcYI6zK5mW_lLcY0rMCu8cc6QqNINPDI.

The published versions of reports were edited and provided with bibliographic references to cited sources. The collection includes brief information on the scientific biographies of the conference participants. The collection of photographs of the conference by Gregory Reikhman completes the collection.

The organizers of the conference express deep gratitude to the Dean of the Faculty of Humanities, the Goldstein-Goren Diaspora Research Center and the administration of Tel Aviv University for moral support and necessary organizational assistance. We express special gratitude to the Israel-Azerbaijan “AzIz” International Association for financial support for this event and for ensuring the holding of this scientific forum.

From the compilers

Приветствие директора Центра исследований диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета проф. Симхи Гольдина

Как директор Центра исследований диаспоры имени Гольдштейна-Горена я имел честь приветствовать представительную группу ученых со всего мира, собравшихся на международную конференцию «Сохранение памяти о Холокосте на постсоветском пространстве», состоявшуюся в Тель-Авивском университете 21-22 ноября 2019 г.

Центр исследований диаспоры занимается изучением истории и культурного наследия еврейского народа во всех регионах диаспоры и является составной частью гуманитарного факультета Тель-Авивского университета. В задачи Центра входит подготовка и координация работы для изучения истории и культуры еврейского народа в диаспоре; инициатива в области исследовательских проектов по изучению диаспоры и содействие их осуществлению, а также публикация и распространение результатов исследований.

Кроме того, Центр исследований диаспоры предоставляет гранты для поддержки изучения еврейских общин, проводит конференции и симпозиумы с участием ведущих международных экспертов и публикует ряд академических периодических изданий по истории и культуре евреев всего мира. Размещение Центра в Тель-Авивском университете делает его частью крупнейшего академического сообщества Израиля.

Конференция не могла бы состояться без настойчивости и энтузиазма ее организатора, старшего научного сотрудника Центра д-ра Леонида Смиловичского; безупречной работы административного персонала Центра, особенно Ади Москович и Сары Аппель, а также щедрой поддержки г-на Льва Спивака и Международной Ассоциации Израиль –

Азербайджан «АзИз». Я хотел бы использовать эту возможность, чтобы выразить им благодарность за их труд и веру в успех этой конференции.

Прошло более семидесяти лет с момента окончания Второй мировой войны, и пройдет немного времени, пока не останется никого, кто сам пережил бы эту трагедию. По мере того, как поколения сменяют друг друга, концепции памяти становятся все более значимыми. Я сам являюсь потомком переживших Холокост: мой отец из Волпы, которая до 1939 г. была частью Польской Республики, а ныне – это городок в Гродненской области Беларуси. Я лично испытал многое, что вынесли люди, пережившие это страшное время, их дети и внуки.

Тема конференции и подготовленный сборник докладов уникальны тем, что в них особо подчеркивается сохранение памяти о Холокoste во всех постсоветских государствах. Не менее важным является изучение современного антисемитизма и анализ отношений между ним и политикой памяти.

Я рад, что Центр исследований диаспоры в сотрудничестве с Международной Ассоциацией Израиль – Азербайджан «АзИз» смог оказать содействие этому мероприятию и обеспечить проведение форума, на который собрались видные специалисты в этой области для обсуждения важных вопросов. Также я хотел бы поблагодарить авторов и редакторов этого тома и поздравить их с его выходом в свет.

**Greetings of Director of the Goldstein-Goren
Diaspora Research Center, Tel Aviv University,
Prof. Simha Goldin**

As the head of the Goldstein-Goren Diaspora Research Center, it was my honor to welcome an exceptional group of scholars from around the world to take part in the international conference "Preserving the Memory of the Holocaust in Post-Soviet Space", which was held at Tel Aviv University on November 21-22, 2019.

The Center is dedicated to research into the history and heritage of the Jewish people and its cultures throughout the Diaspora in all regions, and is part of the Lester and Sally Entin Faculty of the Humanities at Tel Aviv University. The Center has three objectives: to prepare and coordinate research tools to study the history and culture of the Jewish people in the Diaspora, to initiate research projects of Diaspora studies and to assist in their implementation, and to publish and disseminate the Center's research projects.

Among other activities, the Diaspora Research Center provides grants to support research on the Jewish Diaspora and holds conferences and research workshops, like this one, attended by leading international scholars, and publishes a range of original research and academic periodicals on the history and culture of Jewry all over the world. The Center's home at Tel Aviv University places it within Israel's largest academic community.

The conference could not have taken place without the perseverance and enthusiasm of its organizer, Dr. Leonid Smilovitsky, a senior researcher at the Center, and the impeccable management of the Center's administrative staff – particularly Adi Moskovitz and Sara Appel, as well as the generous support of Mr. Lev Spivak and Israel-Azerbaijan "AzIZ" International Association. I welcome this opportunity to express my thanks for their hard work and dedication to the success of this conference.

More than seventy years have passed since the end of the Second World War, and it will not be long before there are none left who lived through it themselves. As that generation passes and a progression of new generations succeed it, the concepts of memory and commemoration become ever more significant. I myself am the child of Holocaust survivors from the shtetl Volpa in Poland (now Belarus), so I have experienced firsthand many aspects of the phenomena surrounding survivors and their children and grandchildren. However, such experiences, as well as the attitudes towards the Holocaust itself and the related fields of Holocaust education and remembrance, vary from region to region.

The topic of the conference and this subsequent volume of proceedings is unique in its focus on the preservation of memory of the Holocaust throughout the Post-Soviet states. Equally important is the examination of anti-Semitism over this period and an analysis of the relationship between the two. I am pleased that the Diaspora Research Center, in cooperation with the Israel-Azerbaijan “AzIz” International Association, was able to facilitate this event and provide a forum in which to bring together the preeminent scholars in the field to discuss these important subjects, just as I am privileged to commend the editors and contributors to this volume on its completion.

**Приветствие руководителя сектора стран
Америки и Израиля Государственного комитета
Азербайджанской Республики по работе
с диаспорой д-ра Салхат Аббасовой**

Уважаемые дамы и господа!

Как говорил бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, «не может быть более важного вопроса, чем предотвращение геноцида. Это одна из первоначальных целей ООН. Невыразимая скорбь, причиненная человечеству войной, в ужасающей степени обусловлена геноцидом. И на устах всех людей было слово – никогда более».

Осознание трагических событий Второй мировой войны имело следствием признание геноцида преступлением, противоречащим нормам международного права, нравственным и моральным принципам. Уничтожение целого народа или разрушение национальной или этнической группы – это по существу своему страшное преступление, поскольку человек обречён на уничтожение не в силу его личных характеристик, а по причине обладания врождёнными физическими и духовными свойствами, принадлежности или связи с определённой группой лиц. У жертвы фактически не остаётся выбора. Вне зависимости от формы: физический ли это геноцид, биологический или национально-культурный, с этим явлением нужно вести беспощадную борьбу.

Научные труды уважаемых ученых, в том числе присутствующих на нашей конференции, показали, что такие катастрофы не происходят в истории случайно. При подробном изучении истории Холокоста приходит понимание его комплексного характера и осознание того, что это событие не может иметь простого объяснения, оно является результатом многочисленных исторических, экономических, религиозных и политических факторов. Это, в свою очередь, приводит к пониманию того, что предотвращение преступлений против чело-

вечности нужно начинать с определения тревожных сигналов, возникающих в том или ином обществе, поскольку, как Вы знаете, Холокост был фактически узаконенной политикой определенного государства.

Избежать повторения событий, подобных Холокосту, можно лишь подробно изучая их последствия. Изучение Холокоста как нельзя лучше позволяет понять истоки проявления фашизма и расизма. Мы не должны забывать, что в 30-х годах прошлого столетия все начиналось с безобидных популистских лозунгов, а привело к самой большой трагедии в истории человечества.

Этого больше никогда не повторится, если все мы осознаем, что каждый из нас в ответе за то, чтобы идеи, которые заключаются в ненависти и нетерпимости, не звучали больше никогда.

Азербайджанский народ, как и еврейский, пережил одно из самых чудовищных преступлений XX века, которое было совершено армянскими националистами – авторами шовинистской политики по созданию «Великой Армении». Именно молчание международных организаций и мировой общественности привело к тому, что 26 февраля 1992 г. город Ходжалы, находящийся в Нагорно-Карабахской части Азербайджанской Республики, был разрушен в результате артиллерийского обстрела. В тот же день армянские вооруженные группы жестоко уничтожили 613 мирных жителей, а 421 нанесли тяжелыеувечья. Вспоминая эти события, понимаешь, почему в центре Еревана установлен памятник фашистскому палачу Гарегину Тер-Арутюняну, служившему у немецких фашистов под кличкой Гарегин Нжде.

Уважаемые дамы и господа, мы приываем политиков, общественных деятелей, религиозных лидеров, НПО, СМИ объединить усилия для борьбы с героизацией фашизма. Мы должны выступать с единой позиции, так как эта большая опасность создает почву для дискриминации в будущем.

Спасибо за внимание!

Приветствие депутата Кнессета от партии «Наш дом Израиль» Марка Ифраимова

В мировой истории невозможно найти трагедии, сопоставимой по своей значимости с трагедией Холокоста по масштабам, последовательному и систематическому уничтожению целого народа. Подобное решение впервые в мире было принято на государственном уровне и последовательно претворялось в жизнь в самой демократической стране предвоенной Европы, всегда гордившейся своей толерантностью и культурой. Поразительно, как Гитлеру и его сподвижникам удалось в течение одного десятилетия развернуть Германию и немецкий народ в обратном направлении. Последствия этого несчастья до сих пор чувствует на себе весь мир. Но больше всего пострадал еврейский народ, который в планах нацизма целиком должен был исчезнуть с лица земли. Наша задача – не дать миру забыть об этой трагедии не только чтобы отдать дань уважения победителям нацизма, но и для того, чтобы это несчастье никогда больше не повторилось ни с евреями, ни с любым другим народом на земле. Это одинаково актуально как для евреев, так и для неевреев. Сегодня можно утверждать, что образование государства Израиль, как мощного интеллектуального флагмана мировой цивилизации – это важная гарантия того, что нового Холокоста больше не будет. Уроки прошлого нужно помнить и изучать не для того, чтобы сдавать экзамены в школе или принимать участие в государственных церемониях. Это горькая правда, которая лечит от расовой ненависти, экстремизма, пренебрежения человеческим достоинством, объединяет народы и позволяет людям смотреть в будущее с надеждой.

Как выходец из города Нальчика в Кабардино-Балкарии, из рассказов старшего поколения нашей семьи я знаю о событиях

советско-германской войны на Северном Кавказе. Мой город был оккупирован немцами 28 октября 1942 г. С ноября 1942 г. в Нальчике существовало так называемое «открытое» гетто, где находилось несколько тысяч человек. Над евреями издевались, их безнаказанно грабили. Если бы не решительные действия Красной Армии, которая 6 января 1943 г. освободила Кабардино-Балкарию и вошла в Нальчик, то участь всех евреев была бы решена. Это случилось бы и с моей семьей, а я бы сегодня перед вами не стоял.

Я живу в Израиле с 15-ти лет. После службы в армии, начав заниматься общественной деятельностью, я столкнулся с тем, что в Израиле, говоря о Холокосте, упоминают только европейских евреев, но не учитывают, что эта трагедия затронула и другие общины, в частности, горских евреев. Только в 2007 г. их стали признавать пострадавшими от Холокоста. Благодаря тому, что горские евреи на протяжении всех послевоенных лет сохраняли память и благодарность спасшим их русским и кабардинским соседям, в 2017 г. в Сдероте были найдены потомки и родственники погибших в Холокосте, и они вместе с жителями трех сел на Кавказе участвовали в открытии мемориалов на местах массовых расстрелов, 75 лет спустя.

Я приветствую собравшихся здесь исследователей и благодарю их за внимание и интерес к теме Холокоста. Как депутат Кнессета, хочу подчеркнуть, что в Израиле, где не понаслышке знают, какова цена человеческой жизни, всегда в первую очередь заботятся о том, чтобы люди напрасно не пострадали. История должна сохраняться в памяти всех поколений, чтобы не допустить ее повторения.

Позвольте еще раз поблагодарить вас и пожелать успешной работы вашей конференции!

«Город разрушен. Все евреи расстреляны»¹: его-документы свидетелей Холокоста на Северном Кавказе

*Д-р Ирина Реброва, научный сотрудник
Центра изучения антисемитизма
Технического университета Берлина*

Сбор документов и личных свидетельств о преступной политике нацистов в отношении еврейского населения на временно оккупированной территории Советского Союза начался еще в ходе войны по мере освобождения оккупированных регионов. Материалы «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» (ЧГК СССР) являются официальными источниками, запечатлевшими преступления нацизма, в том числе специально направленные против евреев. Параллельно с работой Чрезвычайной комиссии на государственном уровне были созданы другие комиссии для документации персонального опыта войны и судеб ее героев. Поскольку история Холокоста является неотъемлемой частью оккупационной политики нацистов, сюжеты об уничтожении еврейского населения той или иной местности присутствуют почти в каждом таком личном воспоминании или свидетельстве.

В настоящей статье я представлю обзор персональных свидетельств (воспоминаний и устных историй) советских

¹ Цитата из письма гвардии старшего лейтенанта Моисея Мазура отцу из освобожденного Ростова-на-Дону. Письмо Моисея Мазура своему отцу Израилю Мазуру, 14 апреля 1943 года // Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / под ред. И.А. Альтмана и Л.А. Терушкина. Вып. 2. М.: Центр и фонд «Холокост», 2010. С. 197.

граждан, которые стали невольными свидетелями поголовного уничтожения евреев на территории Северного Кавказа. Этот регион находился в зоне военной немецкой администрации в среднем около полугода, с лета 1942 г. по зиму 1943 г. Некоторые территории были в оккупации в течение нескольких недель, другие на протяжении всей войны оставались советскими². Северный Кавказ – это самый южный рубеж, куда дошли войска Вермахта. Ввиду того, что массовые убийства еврейского населения на территории Советского Союза к этому времени приобрели уже отработанную систему с использованием специальных машин-«душегубок»³, убий-

² Ростов-на-Дону был оккупирован дважды: одну неделю осенью 1941 г. и затем чуть больше полугода с июля 1942 г.; г. Таганрог, Анастасьевский и Федоровский районы находились в оккупации почти два года – с октября 1941 по август 1943 г. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-1886, оп. 1, д. 22. Л. 7-9. Более подробно об истории оккупации отдельных районов Северного Кавказа, см.: З.В. Бочкарева. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дисс... канд. истор. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1992; Г.А. Беликов. Оккупация, Ставрополь, август 1942 – январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998; Е.Ф. Кринко. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943 гг.). Майкоп: Адыгея, 2000; Е. И. Журавлев. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941-1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. 2001. № 1. С. 36-43; Andrej Angrick. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941-1943. Hamburg: HamburgerEdition, 2003. Р. 545-669.

³ «Специальные машины-душегубки (Gaswagen) Зондеркоманда 10-А Айнзацгруппы Д применяла в Краснодаре с конца августа 1942 года по несколько раз в неделю. Это был крытый 6-7-тонный грузовик темно-серого цвета с дизельным двигателем. Машина была обита внутри оцинкованным железом и снабжена в задней части кузова двустворчатой, герметически закрывающейся дверью. На полу кузова имелась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой дизель-мотора, отработанные газы которого, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины и вызывали быстрое отравление запертых там людей. При посадке в машины немцы раздевали свои жертвы, заявляя им, что везут в баню, а вещи остаются для дезинфекции. В машину загружалось до 60-80 человек, все вместе – мужчины, женщины, дети. Простояв несколько минут во дворе гестапо, машина направлялась к противотанковому рву, где производилась разгрузка и закапывание трупов». Центр документации новейшей истории

ства проходили буквально в первые недели оккупации⁴. В дальнейшем выявлялись лишь те евреи, которым удалось спастись.

Нередко очевидцами сбора евреев для «транспортировки их в менее заселенные места» становились жители этих населенных пунктов. Те из них, кто жил на окраинах поселений, часто мог слышать звук пулеметных очередей или видеть массовые захоронения жертв нацистов. Несомненно, некоторые местные жители принимали активное участие в поимке и массовых казнях евреев. В основу данной статьи положен анализ личных воспоминаний тех, кто стал невольным свидетелем преступлений, а не их активным

Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1396. Л. 26. См. также материалы обвинительного процесса 1946 года против водителя «душегубки» Отто Йеноха в г. Краснодар: Central Archives of the Federal Security Services (FSB, former KGB) of the Russian Federation Records Relating to War Crime Trials in the Soviet Union, 1939-1992 (bulk dates 1945-1947). K-110815, in USHMM. RG-06.025. Reel 42; Beer Mathias. Die Entwicklung der Gaswagen beim Mord an den Juden, in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1987. Heft 3. S. 403-413.

⁴ Теме Холокоста на Северном Кавказе посвящены три диссертации: одна на русском (Е.А. Войтенко. Холокост на юге России в период Великой Отечественной Войны (1941-1943 гг.). Дисс... канд. истор. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2005), одна на иврите, которая позже была опубликована автором на английском языке в виде монографии (Kiril Feferman. The Holocaust in the Crimea and the North Caucasus. Jerusalem: Yad Vashem, 2016) и одна на французском языке (Andrej Umansky. L'extermination des Juifs dans le Caucase du Nord pendant la Seconde Guerre mondiale (1942-1943). Thèse de Doctorat, Spécialité Histoire Contemporaine, présentée à l'Ecole Doctorale en Sciences Humaines et Sociales (ED 586) de l'Université de Picardie Jules Verne, 2016). История Холокоста в Ростове-на-Дону – тема диссертации Кристины Винклер. См. Ее опубликованную статью: Christina Winkler. Rostov-on-Don 1942: A Little-Known Chapter of the Holocaust, in Holocaust and Genocide Studies. 2016. Vol. 30, Is. 1. P. 105–130. Также отдельные главы об истории Холокоста в регионе см.: И.А. Альтман. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг. Москва: Фонд «Ковчег», 2002. С. 272-286; Andrej Angrick. Besatzungspolitik... P. 545-669; Yitzhak Arad. The Holocaust in the Soviet Union, The Comprehensive History of the Holocaust. Jerusalem: Yad Vashem, 2009, P. 286-297; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. Москва: РОССПЭН, 2009; П.М. Полян. Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования. М.: РОССПЭН, 2010. С. 137-145.

соучастником. Допросы пособников нацистов – тема отдельного изучения и не относится к добровольным персональным воспоминаниям невольных свидетелей Холокоста. Поэтому в данной статье я буду использовать именно термин «свидетели Холокоста»⁵ и не буду ставить вопрос об их соучастии в нацистских преступлениях.

Самой первой попыткой создать живую летопись войны в Советском Союзе стала деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии Наук СССР (далее – Комиссия Минца)⁶. Она была образована по инициативе

⁵ В научной англоязычной литературе на протяжении нескольких лет продолжается дискуссия о правильности использования тех или иных терминов, описывающих людей, которые были свидетелями Холокоста. Raul Hilberg, Perpetrators, victims, bystanders: the Jewish catastrophe 1933-1945 (London: Secker & Warburg, 1995); Henrik Edgre, ed. Looking at the onlookers and bystanders. Interdisciplinary approaches to the causes and consequences of passivity (Stockholm: The living History Forum, 2012); Jan Grabowski, The Role of 'Bystanders' in the implementation of the 'Final Solution' in occupied Poland, in *Yad Vashem Studies*, 42, no. 1 (2015). P. 113-117; Gunnar S. Paulsson. 'Bystanders' to the Holocaust: A Re-Evaluation, in *Holocaust and Genocide Studies* 18, no. 1 (2004). P. 110-112.

⁶ О деятельности комиссии см.: А.А. Курносов. Воспоминания – интервью в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика сабирания) // *Археографический ежегодник за 1973 год*. М., 1974. С. 118-133; Н. Архангородская, А.А. Курносов. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (к 40-летию со дня образования) // *Археографический ежегодник за 1981 год*. М., 1982. С. 219-229; В.В. Тихонов. Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. академика И.И. Минца как исторический источник // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. Липецк, 8 июня 2012 года. Липецк, 2012. Ч. II. С. 32-40; Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне: На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941-1945 гг. / под ред. С.В. Журавлева. М.: Институт российской истории РАН, 2015. Публикации по материалам Комиссии см.: Jochen Hellbeck, Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2012; Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Алетейя, 2013. С. 112-348; А.В. Марчуков. Герои-покрышкицы о себе и своем командире: правда из прошлого. 1941-1945. М.: Центрполиграф, 2014.

известного советского историка Исаака Минца⁷ в декабре 1941 г.⁸ с целью составления «Летописи обороны г. Москвы». В 1944 г. в ее составе был создан отдел «Оккупационный режим и восстановление органов советской власти» во главе с историком Эсфирию Генкиной⁹.

Сотрудники Комиссии Минца побывали во многих освобожденных городах и районах СССР с целью зафиксировать «жизнь при нацистах». Наиболее подробно они запечатлели опыт людей в оккупированных Белорусской и Украинской ССР. Эксперты Комиссии Минца побывали и на Северном Кавказе. В сентябре-октябре 1945 г. в научной командировке в Ставрополе находился член Комиссии Минца, старший научный сотрудник Григорий Анпилогов. Он провел около двух десятков бесед с советскими учеными, преподавателями и работниками сельского хозяйства, которые пережили оккупацию на Северном Кавказе. Стенограммы проведенных им бесед – это рассказы о пребывании института или сельскохозяйственного предприятия в оккупации, о роли

⁷ Исаак Израилевич Минц (1896-1991) – доктор исторических наук, советский историк, специалист по новейшей истории, действительный член Академии наук СССР по отделению истории и философии, лауреат Ленинской (1974) и Сталинских премий (1943, 1946). В 1931 г. возглавил секретариат Главной редакции многотомной «Истории гражданской войны в СССР». В годы войны читал лекции на фронте и, по сути, руководил сбором материалов для Комиссии по истории Великой Отечественной войны. См.: К 60-летию со дня рождения академика И.И. Минца // *Вопросы истории*. 1956, № 3. С. 62-73 и др.

⁸ Состав руководства Комиссии был утвержден Президиумом АН СССР 27 августа 1942 г. В него вошли: председатель Георгий Александров, зампредседателя Исаак Минц, академик Емельян Ярославский, зампредседателя СНК Розалия Землячка, дивизионный комиссар, заместитель начальника ГлавПУРа РККА Иосиф Шикин, армейский комиссар ВМФ, Политуправление ВМФ Иван Рогов, секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Михайлов, главный редактор газеты «Правда» Петр Поспелов, член-корреспондент Академии наук, заведующий ОГИЗ Павел Юдин, член редколлегии газеты «Известия» Лев Ровинский, первый секретарь Сокольнического райкома, с весны 1942 года секретарь МК ВКП(б) по пропаганде Екатерина Леонтьева, профессор Ефим Городецкий. См.: Вклад историков в сохранение исторической памяти... С. 59.

⁹ Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел XIV. Оп. 1. Д. 3. Л. 14; Д. 38. Л. 117.

рассказчика в борьбе с нацистским режимом. Как правило, в записанных историях присутствует информация о коллегах, их политических взглядах и судьбах. При этом практически в каждом рассказе имеется сюжет об уничтожении как местного еврейского населения в целом, так и коллег и знакомых в частности.

Важной особенностью работы Комиссии Минца было то, что их собеседниками в тылу и в бывших оккупированных советских регионах были грамотные, образованные люди. Поэтому в стенограммах бесед большое место уделено не только записи личных переживаний свидетелей, но и дается общая картина происходившего в период оккупации в конкретном населенном пункте. Несмотря на значительную стилистическую и смысловую правку стенограмм, сюжеты об уничтожении евреев были, тем не менее, в окончательном варианте сохранены¹⁰. Они присутствуют почти во всех стенограммах, записанных на Северном Кавказе. Интересно также, что в материалах Комиссии Минца приводится четкая категоризация жертв нацизма, и нигде не встречается эвфемизм «мирные советские граждане». Это можно связать с тем, что в годы войны еще не сложился общепринятый язык ее описания. Большинство клише, ставших привычными в описании войны, вошли в обиход намного позже и были закреплены через газеты, телепередачи, митинговые лозунги, вечера памяти¹¹. С другой стороны, большинство стенограмм, особенно об оккупационном режиме, не предназначались для печати, и поэтому люди не боялись быть не так понятыми и сказать лишнее о ком-то или о чем-то, не имели причин кому-то льстить, не думали о том, что говорить надо «правильно»¹². В большинстве своем опрошенные говорили о знакомых им людях, их коллегах: ведь убиты были не все профессоры,

¹⁰ Перед сдачей в архив интервью литературно редактировались. Глубину редактирования теперь выявить практически невозможно, поскольку исходные записи были утилизированы. См.: Вклад историков в сохранение исторической памяти... С. 133.

¹¹ Natalya Konradova und Anna Ryleyeva. Helden und Opfer Denkmäler in Russland und Deutschland, in *Osteuropa*. 2005. No. 4-6. S. 353.

¹² А.В. Марчуков. Герои-покрышкицы... С. 9.

ученые, руководители и рабочие предприятий, а только евреи. Поэтому национальность жертв нацизма подчеркивается в стенограммах отдельно, при этом эта информация не несет идеологический нагрузки: для рассказчика важно было подчеркнуть то, что наука в целом и конкретное предприятие потеряли многих своих работников только ввиду того, что они были евреи. Ни один из опрошенных не берет на себя задачу по осмыслению причин Холокоста, констатируя только его факт.

Если материалы Комиссии Минца всегда были доступны исследователям, а в последнее десятилетие и вовсе стали предметом научного осмысления (правда, по темам, не связанным с историей Холокоста в СССР), то другие свидетельства, собранные советскими правоохранительными органами, до сих пор не рассекречены. Речь идет о широкомасштабной работе, которую проделали сотрудники юстиции, прокуратуры и МВД СССР по сбору свидетельских показаний о нацистских преступниках и советских пособниках в период оккупации. Эти показания использовались в качестве аргументов для предъявления обвинения подсудимым на судебных процессах в послевоенном СССР. На первом открытом судебном процессе в Краснодаре против советских граждан, служивших нацистам, в июле 1943 г. подсудимых судили за измену Родине, за помочь нацистам в массовых убийствах «мирных советских граждан». Национальная принадлежность жертв, как и их категоризация в открытых судебных процессах, равно как и в статьях в прессе специально не подчеркивались, различались только жертвы по социальному статусу и партийной принадлежности – военнопленные, мирные жители, партизаны, коммунисты¹³.

В 1960-1970-е гг. сотрудники госбезопасности и правоохранительных органов продолжали работу по сбору свидетельств о событиях периода оккупации. Впоследствии эти материалы привлекались не только для проведения судебных процессов внутри страны (как открытых, которые широко

¹³ См. подборку статей, освещавших советские открытые судебные процессы 1940-х гг., на сайте *Советский Нюрнберг*. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/Soviet-Nuremberg>.

освещались в СМИ¹⁴, так и закрытых, информации о которых до сих пор невозможно выявить), но и за ее пределами, прежде всего в ФРГ и ГДР. Так, генеральная прокуратура СССР в 1960-1970 гг. в ответ на просьбу, изложенную в вербальной ноте посольства ФРГ в СССР в 1963 г., предоставила материалы, «изобличавшие бывших членов Айнзацгруппы «Д» Курта Кристмана, Генриха Герца, Курта Тримборна и Вальтера Керера в совершении тяжких преступлений»¹⁵.

В материалах судебных процессов, проведенных на территории Восточной и Западной Германии, имеются документы, присланные советской стороной (акты ЧГК, протоколы допросов советских подсудимых, протоколы допросов свидетелей и очевидцев, фотографии мест массовых захоронений советских граждан). Многие из них относятся к преступлениям нацистов на территории Северного Кавказа. Важно отметить, что в свидетельских показаниях советских граждан речь идет о конкретных группах жертв нацизма (евреях, пациентах психиатрических клиник, коммунистах). Видимо, на допросах 1960-х гг. одним из основных был вопрос о национальности жертв, так как практически все свидетели так или иначе касаются национальности жертв нацизма. Если свидетели сами не знали, кого конкретно расстреливали, то в своих показаниях они ссылались на ходившие в городе слухи: «Из разговоров граждан я слышала, что в первые расстрелы, о которых я показала выше [в г. Краснодаре в августе 1942 г.], немцы расстреливали, якобы, еврейское население, а так ли это, я сказать не могу, так как с места, где я находилась, я не могла определить их национальную принадлежность»¹⁶.

¹⁴ См., например, освещение судебных процессов на Северном Кавказе в 1960-е гг.: В. Яхневич. Возмездие: в Краснодаре закончился суд над эсэсовцами-карательями // Правда. 1963. 25 октября; Он же. Возмездие // Правда. 1966. 1 февраля.

¹⁵ Письмо исполняющего обязанности генерального прокурора СССР Михаила Малярова господину старшему прокурору при земельном суде г. Мюнхен I, 2 декабря 1964 г. // Staatsarchiv München. Staatsanwaltschaft. 35308/30, Bl. 1. См. также: Übersetzung der Note Nr. 22/3eo des Sowjetischen Außenministeriums vom 31.01.1973, in Staatsarchiv München. Staatsanwaltschaft, 21672/19, Bl. 451.

¹⁶ Протокол допроса свидетеля Ирины Талащенко, г. Краснодар, 16 сентября 1964 г. // Staatsarchiv München. Staatsanwaltschaft. 35308/30, Bl. 98.

Несмотря на повсеместное употребление в официальной послевоенной советской прессе термина «мирные советские граждане» в отношении всех категорий жертв нацизма, свидетели Холокоста двадцать лет спустя рассказывали о том, что видели сами, и о том, что говорили местные жители. Как и в первичных материалах ЧГК, поступивших от людей, переживших оккупацию, более поздние протоколы допросов свидетелей убедительно показывают, что память простых граждан, далеких от политики, и живущих в отдаленных провинциальных городах и деревнях, сохранила личные истории о конкретных группах жертв нацизма. Даже в присутствии официальных государственных чиновников в лице следователей КГБ они используют в своих показаниях лексику, отражающую реальную историю оккупации и Холокоста: они видели, слышали и знали, что жертвами нацизма были евреи, ромское (цыганское) население, пациенты психиатрических клиник, коммунисты.

Свидетельские показания советских граждан содержат информацию также о методах уничтожения евреев («я слышала частые выстрелы», «я с мужем находилась на огороде и лично видела этот расстрел», «я лично сама видела эту машину «душегубку» и то, как каратели вытаскивали из нее и сбрасывали в ров уже трупы только что умерщвленных людей»)¹⁷, реже – о количестве жертв, и почти никогда в таких показаниях не упоминаются имена преступников. Очевидцы, преимущественно женщины, которые остались в оккупации, констатируют то, что они сами наблюдали, находясь на достаточно удаленном расстоянии от места преступления, поэтому они видели лишь общую картину, а не конкретных жертв или палачей. Эти показания не стали частью официальной культуры памяти о жертвах войны в СССР, но они наглядно демонстрируют, что на индивидуальном уровне свидетели Холокоста знали и помнили, кто стали главными жертвами нацистов в период временной оккупации их города или села.

¹⁷ См. протоколы допросов свидетелей из СССР на русском языке, а также перевод на немецкий в материалах немецких судебных процессов над нацистами: Staatsarchiv München. Staatsanwaltschaft. 35308/30-33; 35275/17-20; 21672/19-20.

В советское время очевидцы Катастрофы редко посвящали свои письменные воспоминания этой теме. Исключение составляют записи третьих лиц о жертвах Холокоста, сделанные по чьей-либо просьбе. Так, например, в период активной внеклассной работы по военно-патриотическому воспитанию школьники г. Усть-Лабинска собирали материалы о пионере-герое Мусе Пинкензоне, который перед смертью, согласно официальной версии, попросил у немцев разрешения сыграть на скрипке. Играя он «Интернационал» и был расстрелян вместе со своими родителями, родственниками и другими евреями¹⁸. В 1970-е гг. по просьбе создателей школьного музея в честь Муси его бывшие учителя и одноклассники написали воспоминания¹⁹. В этих текстах Муся представлен как пионер-герой, талантливый скрипач, прилежный ученик и отважный пионер, принявший смерть от нацистских оккупантов, а Холокост согласно законам времени полностью умалчивается. Для сегодняшних исследователей эти мемуары – яркий источник не только о героях индивидуального сопротивления нацистской политике в годы войны, но и о работе памяти о Катастрофе в СССР.

Несмотря на замалчивание истории Холокоста в советское время, свидетели событий сохранили в своей памяти историю войны такой, какой она предстала перед их глазами. В массе своей очевидцы уничтожения евреев – это жители сельской местности, редко имеющие высшее образование и далекие от политики. Более полувека спустя они свидетельствуют о массовых убийствах разных групп жертв нацизма, и прежде

¹⁸ Акт ЧГК от 30 июля 1943 г., ст. Усть-Лабинская // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-897, оп. 1, д. 2, т. 1. Л. 151; То же. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021, оп. 16, д. 8. Л. 161. См. также: Е. Кононенко. Как погиб Муся Пинкензон // Советская Кубань. 1943. 8 мая; Его оружием была скрипка // Известия. 1968. 22 февраля; А. Макаренко. Пионер-герой из Молдавии // Вечерний Кишинев. 1968. 2 марта; Т. Степанова. Пионер – отважный борец за коммунизм // Сельская новь (г. Усть-Лабинск). 1974. 7 февраля; Т. Гендлер. Звуки, пролетевшие скрипкой // Молодежь Молдавии. 1981. 5 мая и др.

¹⁹ Воспоминания бывшей одноклассницы Муси Пинкензона Анны Бакиевой, учителей Елены Сахно и Надежды Банновой, соседки Марии Репешук (написаны в 1970-х годах (?)) // Личный архив Ирины Светличной.

всего евреев. Память на индивидуальном уровне неподвластна времени и господствующей идеологии, о чем свидетельствуют результаты экспедиций в отдаленные регионы бывшего СССР французской организации Яхад-ин Унум (*Yahad-in Unum*).

С 2006 г. команда в основном молодых людей из Яхад-ин Унум следует по проселочным дорогам Украины, Беларуси, России, Литвы, Румынии и Польши, где записывает интервью с очевидцами – неевреями, чтобы пролить свет на преступную политику нацистов.

Основным направлением деятельности этой организации являются поиски массовых захоронений периода Второй мировой войны. Это не охота на убийц или стремление установить чью-либо вину. Это поиски забытых жертв и реконструкция исторических событий. Участники Яхад-ин Унум терпеливо восстанавливают цепь событий прошлого, пока это еще возможно. Это своеобразное соревнование со временем, если принять во внимание, что большинству из опрашиваемых свидетелей уже за 80 или 90 лет²⁰.

Члены Яхад-ин Унум совершили 9 исследовательских поездок на Северный Кавказ из 20 поездок в Россию и 138 экспедиций в целом в течение 2006-2017 гг. Они провели более 300 интервью в малых городах и селах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, а также в республиках Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи. Записанные рассказы об убийствах евреев становятся важным документом истории. Это простые и лаконичные эпизоды, которые рассказаны часто примитивным языком без красочных описаний и образных сравнений, характерны для людей с невысоким уровнем образования, недостаточным кругозором, занятых постоянно тяжелым физическим трудом. Однако по своему содержанию и убедительности они производят неизгладимое впечатление. Свидетели приводят много красноречивых деталей и примеров, помогающих понять трагедию военного времени, когда каждый человек должен был сделать свой выбор. Опыт современников Холокоста за

²⁰ Patrick Desbois. The Holocaust by Bullets, in *The Holocaust and the United Nations Outreach Program. Discussion Papers Journal*, Vol. 2. New York, 2002. P. 81.

редким исключением в советское и постсоветское время не был востребован, часто они рассказывают об истории уничтожения евреев в их селе впервые.

Перед поездкой сотрудники Яхад-ин Унум тщательно изучают первоисточники, как советские (материалы ЧГК), так и немецкие (материалы судебных процессов над нацистскими преступниками). Задачей подготовительного этапа поездки становится выяснение мест расстрелов евреев, примерного количества жертв и обстоятельств казни, на что указывает совпадение информации в разных источниках. Нередко, при детальном изучении первоисточников, выявляются неточности или расхождения в показаниях. Эти «недостатки» официальных источников, как правило, формируют список вопросов к свидетелям Холокоста во время самой экспедиции²¹. Нет единой анкеты, разработанной командой Яхад-ин Унум, для проведения опросов очевидцев. Интервью, по сути, основано на том, что говорит свидетель. Среди типичных тем разговоров с местными жителями – жизнь до войны, начало оккупации, повседневная жизнь при немцах, политика нацистов в отношении евреев, методы массовых убийств евреев в определенной местности. В зависимости от региона, некоторые из этих тем могут быть изменены. Например, «на Северном Кавказе важно задавать вопросы о «душегубках», фактах отравления детей, в то время как гетто и жизнь при немцах не будут предметом специальных вопросов ввиду отсутствия здесь гетто и короткого периода оккупации»²².

²¹ Более подробно о методике проведения исследования центром Яхад-ин Унум на примере полевых работ в Беларуси см.: А. Уманский. Методика исследований, проводимых центром «Яхад-ин Унум», и их результаты на примере полевых работ в городе Мотоль, Белоруссия // Война на уничтожение: нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы: Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 г.). Москва: Фонд «Историческая память», 2010. С. 462-470; Johanna Lehr and Patrice Bensimon. Case studies: Intersection of archives and fieldwork, Motol (Pinsk region, Belarus).<http://www.yahadinunum.org/case-studies-intersection-of-archives-and-fieldwork-motol-pinsk-region-belarus/>.

²² Информация любезно предоставлена сотрудниками Яхад-ин Унум по моему официальному запросу от 3 января 2018 г.

Личность самого свидетеля, как и персональный опыт (несмотря на то, что почти всегда интервью начинается с вопросов биографического характера) не являются стержневым знанием, вокруг которогостоится беседа. Интервьюеры стремятся детально выяснить обстоятельства гибели евреев, восстановить все подробности казни, очевидцами которой оказались рассказчики. Сначала свидетель отвечает на вопросы у себя дома, а затем команда выезжает на место самого расстрела с целью проведения своеобразной реконструкции событий с того места, откуда очевидец их наблюдал. Очень детальные вопросы («где вы находились, кто был еще с вами, как вели евреев, почему вы знаете, что это были евреи, была ли охрана, какая была форма одежды палачей» и т. д.) позволяют по возможности точно восстановить картину произошедшего в далеком 1942 г. Во время постановки вопросов интервьюер часто предлагает свидетелю сценарий рассказа, дает несколько вариантов ответов, которые как бы должен выбрать рассказчик²³. Такой метод проведения интервью показывает, что для команды Яхад-ин Унум свидетель Холокоста уникален не как личность, которая пережила оккупацию и имеет свой жизненный военный опыт, а как своего рода источник, который подтверждает, опровергает, а, чаще, уточняет исторические факты, выявленные в официальных документах. Интервьюер задает вопросы, исходя из своих знаний источников об убийствах в местах по соседству, или называет уже установленные фамилии немецких пособников, предполагая, что свидетель Холокоста может знать или вспомнить эти факты или эти имена. В итоге, такие интервью во многом напоминают форму допроса свидетеля с целью восстановить мельчайшие детали нацистских преступлений. Вместе с тем, подобное интервью-«допрос» проводится участливыми «доз-

²³ Например, в свидетельстве Дмитрия Г. интервьюер «расследует» историю сбора евреев на сборном пункте, задавая следующие вопросы: «Как было в день, когда их [евреев] стали выводить? Их построили и потом повели, или как? Наши [полицаи] их собрали, или как? Интервью с Дмитрием Г., 1928 г.р., 1 апреля 2012 г., станица Петропавловская, Краснодарский край // Архив Яхад-ин Унум, код 265R.

навателями», цель которых реконструировать исторические факты, и рассказчик в этом смысле играет ключевую роль.

Для деревенских, часто малограмотных жителей приезд иностранцев, работа камеры и щелчки затвора фотоаппарата является важным событием. В свои преклонные годы они становятся главными действующими лицами, а их простой рассказ оказывается востребован в современном обществе. Свидетели говорят просто, как умеют, иногда допуская при этом неформальную лексику и даже нецензурные выражения, опасаясь быть непонятыми иностранными гостями. Постоянный перевод вопросов и ответов в ходе интервью на английский или французский языки, долгие паузы в речи рассказчиков во время перевода с одного языка на другой, в целом не влияли на характер изложения рассказа. Работа звукозаписывающей аппаратуры, шум мотора камеры, хлопушка и вся новая обстановка, незнакомая прежде для сельского жителя преклонных лет, как правило, не сбивали его с линии рассказа. Это рождает у свидетеля чувство значимости излагаемых событий, и он стремится сообщить все более подробно и достоверно.

Интервью, собранные в результате полевых экспедиций Яхад-ин Унум, помогают реконструировать историю Холокоста, особенно в таких регионах, как Северный Кавказ, в условиях почти полного отсутствия немецких первоисточников. Интервью демонстрируют народную память о геноциде евреев на уровне обыденного сознания, когда личный опыт и воспоминания о периоде немецкой оккупации оказались неподвластны давлению государственной идеологии, официальных штампов и пропагандистских лозунгов.

Таким образом, в послевоенные годы инициаторами сбора воспоминаний о политике нацистского геноцида в отношении еврейского населения на временно оккупированной территории Советского Союза становились советские официальные учреждения или международные независимые организации. Однако опросы свидетелей проводились не с целью выяснения исторической правды, извлечения уроков прошлого, а в практических целях (для судебных расследований и предъявления обвинения нацистским преступникам и их

пособникам в послевоенные годы) или для создания корпуса источников по истории Великой Отечественной войны, как ее понимали коммунистические идеологи. Тем не менее, накопленные материалы в настоящее время представляют собой уникальные свидетельства, которые являются важным источником для реконструкции исторических событий войны не только в отдельном взятом городе или деревне, районе или области, но и в стране в целом.

Устные свидетельства о Холокосте как исторический источник (из опыта полевой работы в Восточной Беларуси и Западной России)

*Георгий Шепелев, преподаватель
Национального Института восточных языков
и цивилизаций (Париж)*

Устные свидетельства о Холокосте, рассмотренные в настоящей статье, собирались автором в ходе международных научных экспедиций в Беларусь и Российскую Федерацию, начиная с 2004 г.

Целью этой работы было выяснение состояния народной памяти о массовом уничтожении гражданского населения (Холокост, карательные «антипартизанские» операции) и советских военнопленных.¹ Приведенные в статье наблюдения и выводы сделаны на примере Минской и Витебской областей Республики Беларусь и Калужской и Смоленской областей Российской Федерации.²

Народная память об уничтожении еврейского населения в местах, где нам довелось побывать и выслушать свидетельства очевидцев, имеет ряд характерных черт. В сельской местности,

¹ Статья опирается на 58 свидетельств, записанных у непосредственных очевидцев событий оккупации и войны. Среди них 5 бывших красноармейцев, партизаны, остальные – мирные жители военного времени (как правило, дети и подростки); более 80 процентов – женщины. Девять свидетельств записаны от евреев, остальные рассказчики – белорусы, русские и несколько лиц смешанного происхождения (в частности, польско-белорусско-русского).

² Автор приносит свою благодарность Fondation pour la Mémoire de la Shoah и Centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales de Moscou за оказанную поддержку части полевой работы по сбору материалов.

где нами собрано большинство свидетельств,³ еврейское население было почти полностью уничтожено⁴ и не возродилось. Поэтому историческая память о Холокосте, как правило, сохраняется и передается нееврейским населением. Немногочисленные городские еврейские общины поддерживают в порядке места скорби, но сохранили мало архивов. Исследовательские проекты по изучению Холокоста, как правило, не оставляют на месте копий записанных свидетельств. Сельские библиотеки редко располагают научной или популярной литературой, наглядными материалами о нацистской политике геноцида. В городских библиотеках и музеях ситуация лучше, но там тема раскрывается через рассказ о лагерях смерти, но не через историю уничтожении местных евреев.

Школы обычно придерживаются традиционного подхода к преподаванию темы Холокоста: нечастые тематические уроки, мероприятия (со всеми издержками этой формы),⁵ конкурсы рисунков...

Как правило, тема Холокоста не является ключевой в учебной программе по истории даже в населенных пунктах, ставших местом массового уничтожения евреев. Немногочисленны местные подвижники, собирающие свидетельства о Холокосте (нередко они не опубликованы и существуют в одном экземпляре в личном архиве).

³ Более всего – в Борисовском районе Минской области (далее – БР).

⁴ Л. Смилович. Катастрофа евреев в Белоруссии. 1941-1944 гг. Тель-Авив, 2000, с. 30. Послевоенные миграции «село-город» также внесли (несравненно меньший) вклад в его исчезновение.

⁵ В качестве примера можно привести одно из таких мероприятий в маленьком белорусском городке, на котором автору довелось присутствовать в середине 2010-х годов. Несмотря на усилия учителей и представителей еврейской общины, первая часть собрания, посвященная трагедии евреев города и округи, по моим наблюдениям, не произвела глубокого впечатления на школьников, хотя вторая, более оптимистическая и «межкультурная», включавшая еврейские песни, вызвала оживление и интерес. Ни один из школьников 12-14 лет, с которыми мне удалось поговорить после мероприятия, не мог опереться в разговоре о Холокосте на переданную старшими родственниками память о еврейской общине города, уничтоженной в годы оккупации.

Фотография I.

(Надпись
на обороте:
«Евреи.
Борисов,
июнь. 1941»).

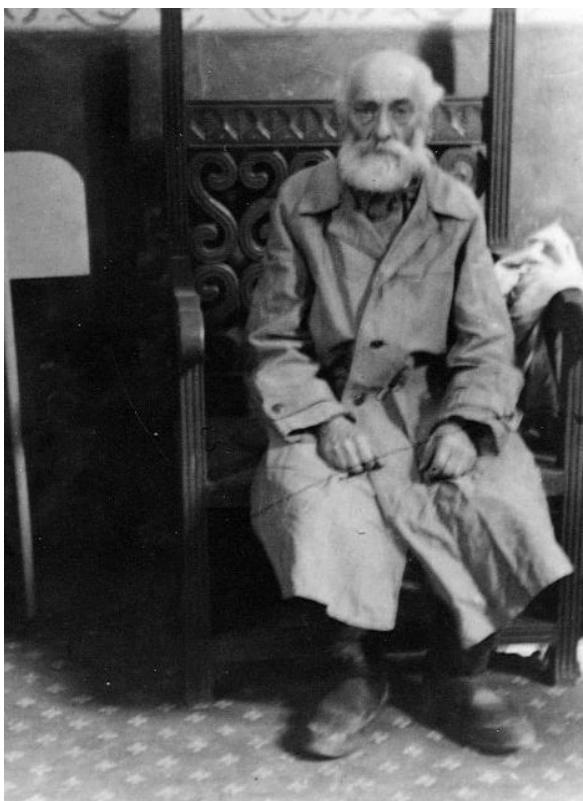

Дистанция между многими носителями исторической памяти еврейского и нееврейского населения, отмеченная исследователями,⁶ к сожалению, продолжает существовать и оказывается на сохранении памяти о Холокосте в наши дни.⁷

Следует отметить, что локальная историческая память не только о трагедии еврейского населения, но об оккупации и войне в целом, не может не вызывать тревогу. На наших глазах

⁶ Д. Романовский. Отношения между евреями и неевреями на оккупированных советских территориях глазами евреев на примере Северо-восточной Белоруссии и Западной России // *Вестник еврейского университета в Москве*, № 2 (18), 1998, с. 115. Е. Розенблат, И. Еленская. Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу // *История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции*. Москва, 2009, с. 154-155

⁷ В качестве примера (к сожалению, не единичного) можно привести установку памятника на месте расстрела евреев деревни Плитчанка (БР). За прошедшие два десятилетия опрошенные местные жители не имели никаких контактов с инициаторами проекта и не могут назвать их имена; произошло «раздвоение» мемориального места: жители отметили, что памятник установлен не на месте расстрела, а они приносили цветы на настоящую, по их мнению, могилу расстрелянных евреев (Т.В. Аленишко, 1933, Плитчанка, БР; в ссылках на интервью указывается год рождения свидетеля и его/ее основное место проживания во время оккупации).

Фотография 2.

(Надпись
на обороте:
«Еврей в Гомеле»).

уходит поколение свидетелей, большинство из которых не были опрошены. Многие места уничтожения гражданского населения не отмечены до сих пор памятными знаками.

Наши интервью включали свободный рассказ о событиях его/ее жизни (что позволяет расставить события и темы в приоритетном для него порядке, а исследователю – уточнить профиль свидетеля); ответы на вопросы интервьюера о событиях военного времени. Третья часть интервью включала опрос по дополнительным документам, касающимся событий войны в населенном пункте (копии архивных документов, выдержки из мемуаров и т. п.).

Результативным оказалось привлечение к полевому исследованию документов ЧГК по расследованию преступлений оккупантов. Интервью позволили заполнить некоторые лакуны. Это, прежде всего, упущенное следствием

истории гибели небольших групп евреев, отдельных семей; в одном случае – целой деревни, большинство населения которой составляли, судя по рассказам местных жителей, евреи (Черневка, Борисовский район). В деревне Плитчанка Борисовского района было установлено, что, вопреки материалам ЧГК,⁸ погибшие здесь евреи были не беженцами, а местными жителями, и т. д. Использование списка жертв из акта следственной комиссии ЧГК помогает уточнить его данные: свидетели часто сообщают дополнительные сведения о погибших (профессия, место жительства, черты характера и т.д.). Свидетели отмечают только тех, о ком помнят. Их уточнения могут вступать в противоречие с данными актов следственных комиссий, однако такие поправки достаточно редки.

В целом достоверность списков жертв, составленных в рамках работы комиссий, на которые мы опирались в полевом исследовании, высока.⁹

Еще одним вспомогательным источником, который был использован для сопоставления с устными свидетельствами, являются фотографии, сделанные солдатами и офицерами Вермахта на оккупированной территории.¹⁰ Снимки запечатлели последние события жизни евреев перед уничтожением и нередко являются единственными визуальными документами о событиях Холокоста в регионе. Идентификация конкретных

⁸ ГАРФ, ф. 7021 оп. 87 д. 4, Акт № 1 от 6 октября 1944 г. о расстреле 19 евреев в дер. Плитчанка.

⁹ Результаты проведенного нами сопоставления интервью с материалами, собранными следователями на местах, не соответствуют тезису М. Сорокиной о «часто не проверенных и противоречивых свидетельских показаниях», составлявших основу актов о преступлениях. (М. Сорокина. Люди и процедуры. К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Выпуск 2. Москва, 2013, с. 99).

¹⁰ Все фотографии, приводимые в этой статье, находятся в фонде, собранном автором. См. подробнее о нем и о методах работы с частными фотографиями солдат оккупационных сил: Г.А. Шепелев. По ту сторону. Неизвестные фотографии с оккупированной территории СССР и советско-германского фронта (1941-1945). Каталог выставки к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Москва, 2016.

Фотография 3.

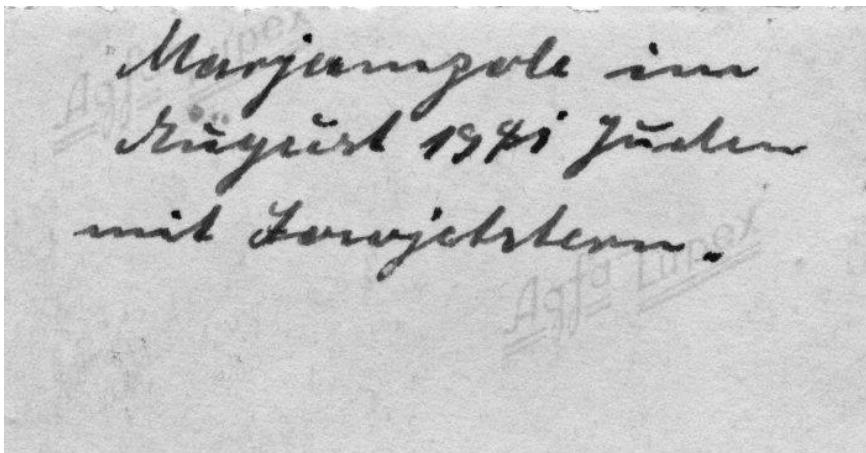
(Без даты и места)
Может отражать
именно такой,
«селектирующий» взгляд
её автора
на советских
военнопленных.

Фотография 4.

Еврейский театр
в Минске
(до 1923 года –
синагога)
с выбитыми окнами.
Надпись на обороте:
«Синагога. Минск.
31.03.1943».

Устные свидетельства о Холокосте как исторический источник
(из опыта полевой работы в Восточной Беларуси и Западной России)

Фотографии 5 и 6. (Надпись на обороте: «Мариамполе (Литва – Г.Ш.) в августе 1941. Евреи с советской (так – Г.Ш.) звездой»). Ср. также фотографию православного собора в Гродно с подписью «русская синагога» (Г.А. Шепелев. Фотографии, сделанные немецкими солдатами на территории СССР как источник по нацистской истребительной политике // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Москва, 2010, с. 429-447).

лиц на них затруднена (хотя не исключена). Опыт показывает, что чаще снимки могут вызывать воспоминания свидетелей о схожих ситуациях и позволяют лучше понять контекст событий, а также получить интерпретацию самих снимков от их очевидцев.

Так, свидетельства рассказчиков о поисках евреев среди местного населения могут быть сопоставлены со снимками, отражавшими внимание солдат-фотографов к «подозрительным» для них «антропологическим типам». Фотографии отражают и нередкое смешение в глазах оккупантов «советского» и «еврейского», «еврейского» и «русского», позволяют увидеть знаки преследования и уничтожения еврейского населения в повседневном пейзаже.

Что касается достоверности и искренности свидетелей, мы редко замечаем описанное Д. Романовским на основе полевых материалов середины восьмидесятых годов XX века «мифологизированное сознание советских людей, которому среди прочего был присущ и жесткий самоконтроль, основанный на страхе перед режимом и его карательными органами».¹¹ Разговор обычно идет откровенно; ощущение «опасности» темы Холокоста и «сакрализованности» темы нацистской оккупации у интервьюируемых малозаметно.¹² Возможно, конфликтность или запрет этой темы, связанные с официальным доводом советского времени, в наши дни уже значительно стерлись в представлении свидетелей. Может здесь играть свою роль и малый возраст большинства рассказчиков в момент событий – фактор, снимающий вопрос о возможной личной ответственности в событиях военного времени.

¹¹ Д. Романовский. Холокост в Восточной Белоруссии и Северо-Западной России глазами неевреев // Вестник еврейского университета в Москве. № 2 (9), 1995, с. 58. Нельзя не отметить важность материалов, собранных Д. Романовским, и его исследовательских работ для истории Холокоста на территории СССР.

¹² Романовский 1995, с. 58; ср. о «табуированных» темах в: Е. Розенблат, И. Еленская. Память о Холокосте в Белоруссии. Стереотипы, мифы, табу // *История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции*. Москва, 2009, с. 173.

Общая тональность историй о довоенной эпохе позитивна: свидетели-неевреи¹³, и евреи¹⁴ отмечают бесконфликтность взаимоотношений. Личный опыт, несомненно, играет важную роль в этой оценке: опрошенные евреи были спасены во время оккупации местными жителями или эвакуированы в тыл. Это достаточно прочно интегрировавшиеся в местные сообщества семьи, не переселившиеся в послевоенные годы в мегаполисы или в Израиль. В их рассказах об оккупации критические ноты в отношении власти и местных жителей выражены гораздо слабее, нежели в свидетельствах, собранных Д. Романовским в 1980-е годы.¹⁵ Вместе с тем, рассказы не выглядят идеализирующими реальную ситуацию. Одна свидетельница отметила большую опасность (по сравнению с довоенным временем) для евреев в послевоенном Борисове. По ее словам, приходилось даже дежурить по ночам во избежание поджога.¹⁶ Еще одна свидетельница вспоминает, что в 1941 году во время бегства от наступающей немецкой армии в одной из деревень в беженцев бросали камни местные мальчики, крича «Жиды, всё золото вывезли!»).¹⁷ У свидетелей-неевреев несколько раз встретились упоминания рассказов довоенного времени об использовании евреями «христианской крови». В ответ на вопрос о том, как свидетель относится к этому, можно получить реплику «а кто его знает» или отзыв о них как о «ругани».¹⁸ Эти рассказы не оставили воспоминания ни о реальном страхе, ни о каких-либо мерах предосторожности. Большинство опрошенных – дети довоенного десятилетия и военного времени; школа и культурные учреждения, которые

¹³ Один из свидетелей резюмирует, вероятно, со слов старших: «Разницы не было – это война различила» (Е.Б. Медведский, 1939, Плитчанка, БР). Ключевой мотив в описании отношений между евреями и неевреями З.А. Ураковой (1929, Вельяново, БР) – взаимное уважение.

¹⁴ См. напр. М.Е. Темкина, 1924, Шумячи, Смоленская область; Ср. Романовский 1998, с. 99.

¹⁵ Напротив, большая часть опрошенных людей у Д. Романовского — евреи, не вернувшиеся на место довоенной жизни.

www.soviet-jews-exodus.com/InterviewRomanovsky.shtml

¹⁶ Р.Ф. Мазуркевич, 1931, Чернёвичи, БР.

¹⁷ М.Е. Темкина. 1924. Шумячи. Смоленская область.

¹⁸ Т.П. Савич 1926 Лавница БР

они посещали, были общими; идеология, распространявшаяся через них, – интернациональной.¹⁹ Последовавшее во время войны уничтожение евреев и политика массового насилия оккупантов в отношении мирного населения также могли способствовать позитивному видению довоенного времени.

Многие из опрошенных свидетелей-неевреев находились в достаточно тесной связи с соседями-евреями. Этнокультурные отличия упоминаются часто через призму контактов: несколько рассказчиков с недовольствием вспоминают вкус мацы, которой их угождали в домах родителей их друзей, элементы двуязычия, распространенного как среди евреев, так и среди соседей-неевреев, обмены подарками. Интересно упоминание различий через сходное отношение государственной школы к демонстрации религиозно-культурных традиций: «Нам в школу нельзя было нести крашеные яйца, а евреям – мацу».²⁰ Встречаются упоминания дружеских отношений и соседской солидарности, не носящих «межкультурного» характера: еврей-мясник приносит мясо своему приятелю (отцу свидетельницы): «потом деньги отдашь».²¹ Ерейка, жена кузнеца, ходит к соседям-белорусам в баню, приносит им гостинцы (вишневое варенье).²² Истории о взаимоотношениях с еврейскими детьми-сверстниками также часто лишены какого-то «межкультурного» смысла – учеба, дружба, прогулки и игры вместе, ссоры, жалобы родителям, примирения и т. д. – до прощания с подружкой перед ее расстрелом оккупантами.²³ Эта картина может быть сопоставлена с констатируемым А. Зельцером сдвигом в межнациональных отношениях и спадом проявлений

¹⁹ Сдвиг недовольства населения с этнических «чужих» на власть, отмечаемый в 1930-е годы А. Зельцером (А. Зельцер. Межэтнические отношения и советская политика 20-30-х годов: пример Восточной Белоруссии // Яд Вашем. Исследования. Ч. 1. Иерусалим, 2009. с. 38), напрямую не отражен в собранных нами свидетельствах. Основная линия напряженности, упоминаемая свидетелями, проходит между «единоличниками» и колхозниками, но евреи в этом контексте не упоминаются.

²⁰ Т.П. Савич, 1926, Лавница, БР.

²¹ М.С. Конопляник, 1934, Борисов.

²² Т.В. Аленишко, 1933, Плитчанка, БР.

²³ М.Е. Шевко, 1931, Плитчанка, БР.

антисемитизма в Белоруссии в 1930-х годах.²⁴ Свидетельства евреев, переживших Холокост, собранные Д. Романовским в Восточной Белоруссии и Западной России, также часто говорят об «отсутствии» антисемитизма или его существовании в «мягких» формах в предвоенные годы (и о его всплеске во время войны).²⁵

Если языковые и культурные различия свидетелей отмечаются, то в плане социальном евреи и неевреи объединены принадлежностью к тем, для кого работа – одна из главных составляющих жизни и идентичности. В проведенных нами интервью, особенно в сельской местности, «социальная отчужденность» евреев, отмеченная Д. Романовским,²⁶ заметна мало. Евреи могут быть отмечены как более образованные, но чаще – как работящие, хорошие специалисты.²⁷ Эта позитивная оценка может быть противопоставлена существовавшему стереотипному образу нетрудящихся евреев-«богачей».²⁸ Свидетели могут и упоминать о «богатстве» или «любви к деньгам» евреев, но, как правило, не акцентируют эту тему (возможно, не видев такой социальный тип в своих социально однородных сообществах или не ощущая разницы в уровне жизни как значимую для их опыта). На вопрос о евреях, живших в деревне до войны, называют их имена (некоторые – в уменьшительной форме, отмечающей, вероятно, более близкие отношения), фамилии и профессии – «Марьяся, почту носила»; «Михля, учительница», «Пейся, кузнец», «Грейман, боты чинил», «в Черневке доктор был знаменитый, Альперин». В некоторых случаях свидетели помнят профессии односельчан-

²⁴ А. Зельцер. *Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917-1941*. Москва, 2006. с. 224. Свидетели, опрошенные мной, в большинстве своем росли именно в эти годы, более спокойные в плане межнациональных отношений.

²⁵ Романовский, 1998, с. 99. Свидетельства, записанные в Западной Белоруссии, отражают более напряженную ситуацию в предвоенные годы (Розенблат, Еленская, 2009).

²⁶ Романовский, 1995, с. 64.

²⁷ М.Е. Шевко, 1931, Плитчанка, БР. Этую тему отмечает как частую и Д. Романовский (1995, с. 64).

²⁸ Романовский, 1998, с. 117.

евреев, но не их имена. Евреи вписаны в глазах свидетелей в социально-экономическую и человеческую ткань деревенского сообщества или округи, воспринимаются как соседи и нужные специалисты, а не конкуренты или «эксплуататоры».²⁹ Это наблюдается и в контексте, который мог бы способствовать акцентированию этносоциальных различий: так, в рассказе о «богатой еврейской деревне» Черневке, где «евреи были начальниками», рассказчик отмечает, что одевались они «как все».³⁰ Другая свидетельница отмечает без каких-либо комментариев, что евреи занимали три ключевые должности в деревне: их этнокультурная принадлежность или происхождение, по-видимому, не имеет для нее значения в этой ситуации.³¹ Интересно отметить, что реплики о работающих евреях, как правило, сопровождаются конкретными деталями (имя и профессия), в то время как высказывание «евреи вушлые, [им бы] где-нибудь не работать, а зарабатывать» одной из свидетельниц не сопровождено примерами и может отражать стереотип и ее отдаленность от евреев округи.³²

В отличие от официального подхода советского времени, отдававшего приоритет темам вооруженного сопротивления и трагедии «всего мирного населения»,³³ записанные свидетельства четко отмечают евреев как особую группу, totally уничтожаемую оккупантами. Д. Романовский констатирует, что «акции» против нееврейского гражданского

²⁹ Ср. наблюдение Д. Романовского (1995, с. 66), что трудящиеся евреи воспринимались неевреями в большей степени как «свои» и имели больше шансов выжить во время оккупации.

³⁰ Т.П. Савич, 1926, Лавница, БР. Собранные свидетельства практически не отражают описываемого А. Зельцером негативного отношения к евреям как символу «городской» жизни в сочетании с противостоянием крестьян городскому укладу в двадцатые годы; кажется, что видение «своих», местных деревенских евреев не затронуто этим конфликтом (Зельцер 2006, с. 208, 210). Розенблат и Еленская отмечают мотив конкуренции и эксплуатации евреями неевреев как распространенный в свидетельствах, собранных ими в Западной Белоруссии (2009, с. 161).

³¹ В.Е. Маляревич, 1929, Обчуга, Крупский район, Минская обл.

³² З.Е. Бароха, 1936, Изубрица, Верхнедвинский район, Витебская обл.

³³ См., напр., Goujon A. Memorial Narratives of WWII Partisans and Genocide in Belarus // East European Politics and Societies. Volume 24, Number 1, Winter 2010, pp. 14-18.

населения, напротив, имеют некоторую «военную логику» – борьбу с партизанами.³⁴

Однако опрошенные нами свидетели описывают их результат как схожий с расстрелом евреев: массовое уничтожение мирных жителей деревни, включая женщин и детей (во многих случаях и сожжение самой деревни, что резко снижало шансы на выживание спасшихся от расстрела, особенно зимой).³⁵

Свидетели не были посторонними наблюдателями Холокоста. Евреи воспринимаются ими как группа,

³⁴ Романовский, 1995, с. 63.

³⁵ Напомним, что некоторые исследователи, в их числе Л. Смиловичский, считают возможным говорить о геноциде белорусов, отличавшемся от Холокоста характером «превентивной меры для устрашения или ответной реакции на действия партизан». Более пяти тысяч населенных пунктов Белоруссии вместе со всем их населением или его частью были уничтожены оккупантами и их пособниками во время оккупации. См. Смиловичский Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941-1944 гг. Тель-Авив, 2000, с. 85. Ср. А. Энгелькинг. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение, 2018, № 6. с. 33. См. фотографию (место и дата неизвестны).

отличающаяся от «нас», но являющаяся частью деревенского и человеческого сообщества. Холокост нанес удар по соседям, друзьям, по родственникам в смешанных семьях. Выявление евреев оккупантами и полицейскими могло ставить под прямую угрозу и неевреев: нередки рассказы белорусских и русских детей военного времени о том, как их внешность, темный цвет волос или даже запах могли послужить поводом к настоящему допросу со стороны оккупантов и выяснению, еврей ребенок или нет; эпизод упоминается как одно из самых страшных событий военного времени.³⁶

Элементы народного происхождения демонстрируют отличия записанных свидетельств от традиционного «официального обсуждения»: это, например, упоминание немногочисленных «добрых немцев», не поддерживавших нацистскую политику³⁷ (как, например, рассказ о солдате Вермахта, скончавшемся от сердечного приступа при виде уничтожения евреев³⁸) или более объективная, а не «героизирующая» трактовка партизанского движения. Прямое или непрямое (например, через родственников, детей, внуков) воздействие на свидетелей со стороны СМИ и «новых» постсоветских взглядов на Холокост не заметно. Таким образом, можно полагать, что записанные нами рассказы о Холокoste с доминирующими мотивом сочувствия к его жертвам — повествование местного, «народного» происхождения.

На основе проведенных им интервью Д. Романовский приходил к выводу о том, что вина за Холокост лежит на нацистах, коллаборационистах и советской власти, которая приучила к жестокости и воспитала социально пассивного человека.³⁹ Собранные нами свидетельства расставляют акценты несколько иначе. Жестокость не воспринимается

³⁶ См., напр., рассказ М. К. Малафеевой, 1928, Юхнов, Калужская область // Каргин А. С., Кулагина А. В., Миронихина Л. Ф., Шепелев Г. А. Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев. Москва, 2010, с. 275.

³⁷ См. об этом мотиве: Г. А. Шепелев. «Хорошие немцы»: опыт изучения образа // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества», 2019, № 2, с. 66-71.

³⁸ М. С. Конопляник, 1934, Борисов, Минская область.

³⁹ Романовский, 1998, с. 118.

рассказчиками как «нормальная», будь она «советская» или «нацистская», а «советское» насилие довоенного времени для них иное по натурае и описывается иначе. Среди опрошенных есть представители пострадавших от репрессий «кулацких» семей. Так, Т.П. Савич (1926, Лавницы) упоминает, что из десяти арестованных в 1930-е годы односельчан вернулись только двое (в том числе ее отец) и подчеркивает тяжесть работы и жизни на Севере, где оказались осужденные. Тем не менее, главный травматический опыт ее жизни – оккупация, поставившая под угрозу жизнь всего населения округи (эпидемии, голод, уничтожение оккупантами двух соседних деревень со всем населением...). Насилие, используемое оккупантами и коллаборационистами, выходит за рамки всего виденного ранее: оно не избирательно, направлено на целые группы населения, уничтожает людей и населенные пункты – и, кроме того, оно демонстративно (в то время как советские репрессии довоенного времени, отличаясь по своей натурае и уступая по размаху оккупационным, были и менее «видимыми» для местных сообществ).

«Отстраненность» от темы Холокоста, отмеченная исследователями,⁴⁰ заметна и у некоторых опрошенных мною свидетелей. Создается впечатление, однако, что в большинстве таких случаев перед нами не (или не только) равнодушие к судьбе «других», но сочетание целого ряда разноплановых факторов. Прежде всего, рассказ свидетеля о Холокосте (как и о войне и оккупации) строится через призму личного, семейного, местного опыта. Традиционная замкнутость небольшого деревенского сообщества или группы родственников, усилившаяся в момент войны и оккупации, приводит нередко к тому, что дистанция, на которой история уничтожения даже достаточно большой группы евреев становится расплывчатой, может измеряться всего десятком-другим километров. Так, о евреях деревни Черневка (Борисовский район) мнения свидетелей из соседних деревень разделяются. Некоторые рассказывают, что они, вероятно, были уведены оккупантами и уничтожены, другие, напротив,

⁴⁰ См. напр. Розенблат, Еленская, 2009, с. 174-175.

полагают, что евреи успели скрыться и спастись.⁴¹ Рассказ о произошедшем также в значительной степени определяется тем, что именно происходило в месте проживания рассказчика. Расстрел евреев в самой деревне производит тяжелое впечатление на жителей и занимает важное место в их памяти, в то время как в рассказах из деревень, откуда евреев уводили или увозили в городское гетто или в другой пункт для расстрела, шок кажется меньшим; здесь может играть свою роль, и надежда на спасение погибших, ирреалистичность которой, хорошо видная исследователям, может не осознаваться рассказчиками. Отметим также как общую тенденцию в свидетельствах о войне градацию важности событий или их места в воспоминаниях в соответствии с личным опытом свидетеля и его близостью/удаленностью от описываемой группы жертв или действующих лиц. Воевавшие меньше рассказывают о трагедии местного населения; жители партизанской зоны, пострадавшие от карательных операций, знают об их масштабах и упоминают мемориал в Хатыни, посвященный уничтоженным деревням, но практически не говорят о массовом уничтожении оккупантами советских военнопленных; Холокост занимает меньшее место в воспоминаниях нееврейского населения, а свидетели-евреи мало говорят о жертвах среди нееврейского населения.⁴² Перед нами сложная картина сосуществования разных версий памяти о войне, оккупации и Холокосте, и их диалог еще не состоялся в полной мере.

Исследователи часто описывают поведение евреев перед лицом опасности и смерти, видя в мотивах «пассивности» и «пугливости» евреев критику и проявление превосходства над

⁴¹ Очевидцы-неевреи могут иметь неточное представление и о современном состоянии и географии еврейского населения региона. Так, фраза «Теперь (в наши дни – Г.Ш.) еврейская столица – в Бобруйске, в Березинском районе» (Т.П. Савич, 1926, Лавница, БР) показывает, что соседний район в представлении рассказчицы достаточно далек, чтобы поместить в нем город другой области; упомянутый же статус Бобруйска как «еврейской столицы» отражает картину, по меньшей мере, до конца советского времени.

⁴² Ср. Романовский 1998, с. 115.

ними;⁴³ Д. Романовский отмечает, что свидетели трактуют поведение евреев как проявление «глупости».⁴⁴ В большинстве собранных нами материалов свидетели расставляют акценты иначе: речь идет о трагическом непонимании и недооценке опасности, об ограниченности выбора гражданских людей, оказавшихся перед лицом машины массового уничтожения. Так, учительница-еврейка в момент депортации повторяет родственникам-белорусам версию об отправке оккупантами в Палестину («в Израиль»). От предложения уйти в лес, где уже скрывается в землянке местный коммунист, она отказывается, выразив опасение за свою репутацию – но оставляет перед отправкой грудного сына в семье мужа. Трудно сказать, в какой мере здесь смешиваются фатализм, недопонимание ситуации, желание уберечь близких (и собственного ребенка) от угрозы пострадать за укрывательство еврейки. Примечательно, что и память этой семьи также не сохранила однозначного ответа на этот вопрос.⁴⁵

Важно отметить, что в записанных нами свидетельствах белорусов и русских в таких же категориях непонимания/недаптированности к политике оккупантов и самой угрозе массового уничтожения описывается и поведение нееврейского населения:⁴⁶ жители деревни, несмотря на то, что уже были случаи уничтожения оккупантами деревень вместе с населением, не предпринимают всех необходимых мер для спасения, полагая, что за ними нет никакой вины;⁴⁷ крестьяне могут предполагать, что бегство будет говорить об их вовлеченности во что-то незаконное и остаются на месте, становясь жертвами карателей. Сыграло свою роль и

⁴³ См., напр., Розенблат, Еленская, 2009, с. 157-158.

⁴⁴ Романовский 1995, с. 68.

⁴⁵ М.Д. Карась, 1924, Гливино, БР.

⁴⁶ В отношении собранных нами свидетельств уместно будет вспомнить констатируемый В. Барановой мотив непонимания происходящего, характерный вообще для детских воспоминаний о войне. Баранова В.В. «Детский взгляд» в воспоминаниях о войне: особенности автобиографического сюжета. <http://www.ruthenia.ru/folklore/baranova2.htm>. Собранные нами материалы показывают, однако, что этот мотив далеко не исключительно «детский».

⁴⁷ А.П. Черняк, 1935, Черневичи, БР.

воспоминание о «цивилизованной» оккупации времен Первой мировой войны («немцы – культурный народ», «стариков и женщин не тронут»), нередкое в начале войны как в среде евреев, так и неевреев.⁴⁸

Причины уничтожения евреев, как их видят свидетели, весьма расплывчаты. В собранных нами свидетельствах это, как правило, не месть за поддержку советской власти или коллективизацию (последняя вообще мало связана в их воспоминаниях с евреями;⁴⁹ более того, многие деревенские свидетели не описывают ее как трагическое событие⁵⁰). Предполагаемые причины истребления евреев – чаще «народного» происхождения: «Потому, что евреи понимали по-немецки»;⁵¹ «Может, за их ум? Евреи умные были»;⁵² «Говорили, что евреи Гитлеру глаз выкололи».⁵³ «Расовый» мотив («официального» происхождения) редок, и неудивительно, что мы встречаем его (с долей сомнения) в рассказе С. Рогачевского, квалифицированного и грамотного рабочего, неформального хранителя исторической памяти своей деревни: «А Бог его знает... Он (*Гитлер – Г.Ш.*) хотел сделать одну свою расу».⁵⁴ Можно констатировать, что непонятность,

⁴⁸ Ср. Л. Смиловицкий. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья. Иерусалим, 2008, с. 604–605. Опрошенные нами свидетели интерпретировали снимок пожилой еврейской пары в Борисове (фотография 2) именно в контексте таких настроений.

⁴⁹ Ср. Романовский 1995, с. 67.

⁵⁰ Для большинства свидетелей, выросших в тридцатые годы и проработавших в колхозе до старости, это что-то привычное. Семьи некоторых из них принадлежали к сельской бедноте, и колхоз, напротив, улучшил их положение или, по крайней мере, не ухудшил (см., напр., А.П. Черняк, 1935, Черневичи, БР). Стоит отметить, что записанные нами рассказы свидетелей, чьи семьи принадлежали в довоенное время к «единоличникам» или «колхозникам», мало отличаются в оценке событий военного времени. Подчеркнем, что в нашем корпусе почти не представлены воспоминания членов семей коллаборационистов.

⁵¹ М.С. Конопляник, 1934, Борисов.

⁵² З.А. Уракова, 1929, Вельяново, БР.

⁵³ Н.Г. Шлома, 1939, Забашевичи. Ср. Розенблат, Еленская, 2009, с. 170.

⁵⁴ С.Д. Рогачевский, 1931, Сычь, БР. Д. Романовский отмечает, что «расовая» тема практически не представлена в собранных им свидетельствах (1995, с. 60).

немотивированность, нелогичность уничтожения евреев является дополнительным страшным элементом картины произошедшего для рассказчиков.⁵⁵

Вывод, сделанный Д. Романовским на основе проведенных им интервью, о том, что оккупационные власти информировали местное население о причинах уничтожения евреев, а, значит, свидетели «просто не «цитируют» нацистов»,⁵⁶ трудно проверить по собранным нами материалам. В них это «техническая» операция: евреев собирают и расстреливают за деревней или уводят в гетто, крестьяне знают, что за помошь евреям последует суворое наказание, причем не только конкретному помощнику, но и его односельчанам – однако никто из опрошенных не упомянул о попытках представителей оккупационного режима объяснить причины происходящего и убедить крестьян в правоте своих действий; вполне вероятно, что это и не делалось. Описания карательных операций против «партизанских» деревень или реквизиция имущества оккупантами также часто не содержат упоминания о какой-либо коммуникации между оккупационной властью и местными жителями; они могут быть описаны свидетелями как «налет».⁵⁷

Ответственность за смерть евреев возлагается информаторами на оккупантов; почти всегда особо подчеркивается роль местных полицейских и доносчиков.⁵⁸ Они, однако, не отмечены как «многочисленные»,⁵⁹ и нередко не выглядят принадлежащими к группе (например, недовольных Советской властью).⁶⁰ Их «местный» характер

⁵⁵ Интерпретация происходящего свидетелями как «космической катастрофы, произошедшей по допущению высшего порядка» (Энгелькинг 2018, с. 34) находит мало аналогий в записанных нами интервью.

⁵⁶ Романовский 1995, с. 61.

⁵⁷ Т.П. Савич, 1926, Лавница, БР.

⁵⁸ Ср. Романовский 1995, с. 79.

⁵⁹ В отличие от наблюдений Д. Романовского (1995, с. 80, 83).

⁶⁰ Свидетели часто не сообщают причин сотрудничества с оккупантами; можно предположить, что этот элемент «забывается» в связи с выходом на первый план мотива личного выбора, сделанного человеком в страшной

тоже относителен – чаще речь идет о том, что они были из «другой деревни», «из-за реки» (что может отражать реальную географию коллаборационизма на местах: в партизанской зоне у мужчин было гораздо больше возможностей и шансов оказаться в партизанах, нежели в полиции; обратная тенденция может наблюдаться на «немецкой» территории, нередко, отделенной природным рубежом от «партизанской»).⁶¹ Коллаборационисты – самые ненавистные для свидетелей персоны в записанных нами рассказах; нередким мотивом является описание их последующего наказания. Оно может иметь и иррациональный с точки зрения обычной логики характер (например, расстрел самими оккупантами) и, видимо, восприниматься как вмешательство высшей справедливости.⁶²

Грабеж, присвоение чужой собственности – нередкое явление на оккупированной территории: рассказчики отмечают постоянные грабежи со стороны оккупантов и полиции, упоминают более редкие, но оставившие тяжелое травматическое воспоминание о кризисе солидарности «нашего» сообщества случаи внутридеревенских (и даже внутрисемейных), и групповых «набегов» из соседней деревни на «нашу» в момент, когда население скрывается в лесу от немецкой облавы. «Наша» сторона выглядит в свидетельствах всегда пострадавшей; присвоение чужой собственности всегда оценивается резко отрицательно. В этом контексте заметно желание свидетелей-неевреев, особенно в небольшой деревне, отличить раздел имущества расстрелянных или угнанных евреев от мародерства и соучастия в преступлении.

Стремление обогатиться за счет соседей может приписываться свидетелями инициаторам уничтожения евреев – коллаборационистам. Обычные же крестьяне в записанных рассказах, как правило, представлены оказавшимися перед

ситуации (играющего в целом очень заметную роль в рассказах о войне и оккупации).

⁶¹ Изученные нами документы ЧГК и партизанских отрядов из района исследования также оценивают число коллaborантов в деревнях партизанской и пограничной с контролируемой оккупантами зон как небольшое.

⁶² М.Д. Карась, 1924, Гливин, БР.

лицом ситуации, когда соседи уже убиты или угнаны, и речь идет о том, что делать с их имуществом. Сюжет часто неудобен для свидетелей, и они отмечают в оправдание, что любая вещь, полезная в хозяйстве, должна была быть использована в условиях оккупации, усугубившей и без того небогатую жизнь колхозников и поставившей их под угрозу смерти.⁶³ В этой связи примечателен рассказ о разделе имущества расстрелянных евреев в Плитчанке: приезд оккупантов и расстрел евреев описаны как неожиданные (высказано предположение, что оккупантов «навел» кто-то из местных). Местные жители, евреи и неевреи, не смогли ни вовремя понять происходящее, ни отреагировать должным образом, чтобы спастись или спасти соседей. Свидетельница подчеркивает, что распределение имущества погибших было проведено не сразу после казни, а через некоторое время – что, возможно, должно соответствовать символически периоду траура по погибшим. По-видимому, главное «моральное» требование к разделу вещей – брать только необходимое, но не обогащаться: так, действия отца рассказчицы, снявшего сапоги с одного из расстрелянных, ею не комментируются, вероятно, как оправданные в ее глазах; но негативной интонации удостаивается односельчанка, которая «набрала подушек» в домах расстрелянных.⁶⁴

Истории спасения евреев неевреями бережно сохраняются местными жителями. В отличие от исследователей, полагающих, что важной группой, от которой евреи могли ожидать помощи и спасения, были аутсайдеры, бедняки – люди, которые были малозаметны и/или могли не считаться с общественным мнением (Нехама Тек, Д. Романовский⁶⁵), в наших интервью вырисовывается несколько иная ситуация. Спасители – обычные небогатые крестьяне и горожане. В

⁶³ «Травой питались» – эта фраза нередка в свидетельствах об оккупации (Е.Б. Медведский, 1939, Плитчанка); одна из рассказчиц, иллюстрируя бедность быта деревни времени оккупации, отметила: «из сдохших коней делали мыло» (Т.П. Савич, 1926, Лавница, БР).

⁶⁴ М.Е. Шевко, 1931, Плитчанка, БР.

⁶⁵ N. Tec. When the Light Pierced the Darkness. Christian Rescue of Jews in Nazi-occupied Poland, Oxford, 1986; Романовский 1998, с. 108.

отличие от кратковременной помощи (например, ночлег на одну ночь во время бегства), где, действительно, маргинальность помощника, географическая или социальная, может играть роль, долговременное спасение в деревне опирается на сочетание целого ряда факторов. Это солидарность узкого круга спасителей и более широкого – родственников и соседей, близость связи спасаемого и спасителя, инженерные способности спасителя (строительство убежища), присутствие партизан в окрестностях, эффективность/неэффективность действий оккупационной администрации по поискам скрывающихся евреев.⁶⁶

Отношения семьи спасителя с общиной имеют большое значение: в узком деревенском кругу скрыть присутствие дополнительных людей трудно, а за укрывательство евреев репрессии могли коснуться всей деревни. Очевидны разные настроения и тактики поведения деревенских жителей: спасение группы евреев Ф. Мазуркевичем в Черневичах (Борисовский район) опиралось, по-видимому, на поддержку или пассивное «незамечание» кругом соседей, однако приезжавшая к нему с обысками полиция, скорее всего, была наведена кем-то из сельчан; в той же деревне родственники-неевреи отказались принять пожилую еврейку, которая некоторое время скрывалась самостоятельно и была убита одним из местных жителей, возможно, чтобы избежать риска репрессий в случае ее поимки оккупантами или полицейскими.

В первую очередь спасали близких людей – супругу, ребенка, родственника (около трети случаев спасения в Борисовском районе имели место в смешанных семьях). В ситуациях, где родственная связь была более отдаленной или отсутствовала, просматривается и более широкий гуманизм спасителей. Прагматический реализм остается, тем не менее, важной составляющей истории спасения. Так, заметны истории о спасении еврейских детей: ребенок вызывает большую эмпатию у спасителя, но и меньшее внимание у представителей оккупационной администрации – так, в одном

⁶⁶ История спасения группы евреев Федором Мазуркевичем (Черневичи, БР) – пример успешного сочетания всех этих факторов.

случае мальчик-еврей из смешанной семьи, забранный по доносу в полицию, даже был спасен оттуда, благодаря помощи переводчицы.⁶⁷ Ребенку легче затеряться в среде нееврейского населения: в этом отношении примечательна история В.Л.,⁶⁸ скитавшегося после потери родителей всю войну по Белоруссии: мальчик определил, что для действенности его утверждения о славянском происхождении ему нужно избавиться от еврейского акцента и интонации, долго тренировался и добился определенных успехов. Вместе с тем, в ходе интервью он сообщает, что уже позднее догадался, что дававшие ему приют люди понимали, кто он, и предпринимали меры предосторожности, скрывая от «чужих». Выраженность/не выраженность еврейских черт также, несомненно, играла свою роль в возможности быть спасенным (в случае В.Л. могло усилить его шансы на спасение то, что родители не сделали сыну обрезание, хотя сам свидетель не придает этой детали значения).

Взрослые, несомненно, имели меньше шансов получить убежище и выжить – тем более, когда они были хорошо известны в округе (учительница, служащий административного органа, мельник, врач и т. д.). С осознанием этих трудностей может быть связано их решение не пытаться скрыться от оккупантов.⁶⁹ Важной темой, поднятой свидетелями, являются неудавшиеся акты спасения, заслуживающие и памяти, и внимания исследователей. Частый элемент рассказа о спасении евреев – отмечаемое свидетелями сохранение после войны очень близких, а в некоторых случаях и родственных (через усыновление) связей спасителей и спасенных.⁷⁰

⁶⁷ М.Д. Карась, 1924, Гливино, БР.

⁶⁸ 1930, Мосты (Гродненская обл.), записана в Борисове.

⁶⁹ Отмечаемая одним из свидетелей Д. Романовского (1998, с. 92) помощь неевреев красноармейцам-окруженым, но не евреям, также может нести отпечаток подобного «прагматизма», а не только взгляда на евреев как на не заслуживающих помощи.

⁷⁰ З.Е. Бароха, 1936, Изубрица, Верхнедвинский район, Витебская область; В.Е. Маляревич, 1929, Облучуга, Крупский район, Минская область.

Устные свидетельства дают важную, хотя и фрагментарную, информацию о связи евреев и партизанского движения. «Партизаны начались с евреев, а потом – с пленных» – резюмирует одна из свидетельниц, упоминая как скрывающихся от оккупантов в лесу евреев, так и то, что трагедия евреев стала важным фактором в осознании нееврейским населением необходимости сопротивляться или быть готовыми к бегству в лес: узнав о массовом расстреле евреев, на «поверку» в оккупационную администрацию не явились жившие в деревнях советские военнопленные; это стало их первым шагом к уходу в партизаны.⁷¹

Хорошо известно «неоднозначное» отношение партизан к приходившим за помощью евреям, сложности и отказы при приеме в отряд и т. д.⁷² Эта тема мало отражена в записанных нами интервью (гражданские свидетели слабо знают внутреннюю жизнь партизанских отрядов). Наиболее ярким эпизодом выглядит прием партизанским отрядом группы гражданских евреев, которых укрывал в Черневичах упомянутый Ф. Мазуркевич.⁷³ В том же районе записано сообщение о расстреле партизана-еврея, обвиненного в работе на немцев; это объяснение кажется сомнительным самой свидетельнице, которая приводит и другую версию причины расстрела – конфликт с командиром отряда.⁷⁴ Собранные нами свидетельства и документы партизанских отрядов Борисовского района показывают, что меры по предотвращению диверсий со стороны внедряемых в отряды агентов оккупационных сил (для наведения на него сил карателей, отравления еды или источника воды) были достаточно регулярными; однако других случаев подобных

⁷¹ С.С. Волковец, 1925, Новоселки (БР). Нередки и документы партизанских отрядов, упоминающие о роли евреев в их создании (см. напр. НАРБ, ф. 1450, оп. 4, д. 36, л. 2-7 (Опросный лист делегата от партизанского отряда «Иванова» (Захарова Ивана); Освейский и Дриссенский районы Витебской области).

⁷² Романовский 1998, с. 109-111.

⁷³ Р.Ф. Мазуркевич, 1931, Черневичи, БР.

⁷⁴ В.Ф. Никонович, 1943, Осово, Борисовский район; со ссылкой на рассказ отца. Ср. Романовский 1998, с. 110.

обвинений в адрес партизан-евреев мы не встретили.⁷⁵ Антисемитизм как таковой в партизанских отрядах не прослеживается в рассказах опрошенных партизан или близких к ним лиц – однако в силу немногочисленности свидетельств трудно делать основательные выводы на эту тему.

Сопоставление опыта обращения за помощью к партизанам со стороны евреев и неевреев дает нам полезный материал для лучшего понимания действий партизан в отношении скрывающихся евреев. Среди рассказчиков-неевреев, молодых женщин и детей военного времени, воевавшие в партизанском отряде – исключение. Речь может идти о поддержке партизан продовольствием или информацией; избегание врага (вместо активного сопротивления ему, предлагаемого в качестве образца официальным «советским» доводом) – главная модель поведения свидетеля. Они не отмечают присоединение к партизанскому отряду (когда он есть в округе) как надежную или даже просто возможную линию поведения и для собственного спасения. Партизаны не принимают в отряд «гражданских», особенно женщин и детей (это лишит отряд мобильности и вызовет дополнительные усилия по снабжению) и часто не выглядят силой, способной защитить военными средствами мирных жителей от оккупантов (скорее, могут предупредить в случае нападения врага и помочь уйти в лес).⁷⁶

⁷⁵ В.Т. Мытник, 1925, Полелюм, БР; В.Г. Умецкая, 1930, Крушина, БР.

⁷⁶ См., напр., Г.В. Умецкая, 1930, Крушина, БР. Там, где мы можем (как в Борисовском районе) опереться на документы партизанских соединений и Вермахта, становится очевидным, что партизанские отряды слабо могли противодействовать крупным карательным операциям против их зоны, однако предусматривали меры по оповещению гражданского населения и его временной эвакуации в лес. Эта тактика в достаточно детальном виде сформулирована к началу 1943 г. Однако в ходе первой же крупной карательной операции года регулярная часть Вермахта, опираясь на местных полицейских и коллаборационистов, смогла, обойдя наблюдательные посты партизан и деревенских жителей, внезапно напасть на партизанский лагерь и близлежащие деревни, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения.

В этой статье мы несколько раз отмечали различия между воспоминаниями, записанными Д. Романовским в 1980-х годах и нами в 2000–2010-х годах. Они заслуживают внимания и попытки объяснения. Прежде всего, следует отметить, что свидетельства собирались в географически и типологически разных зонах. Большая часть материалов записана Д. Романовским, насколько можно судить, в населенных пунктах, прочно контролировавшихся оккупантами во время войны, что объясняет зафиксированные им рассказы о «спокойном» существовании оккупантов и местных жителей; о многочисленности полицейских (гарнизон, в который вступали в том числе бежавшие из более опасных для них мест коллаборационисты или недовольные Советской властью или партизанами); об угрозе, которую могли представлять партизаны (их атаки на пункты, контролируемые оккупантами, могли угрожать жизни местного населения) и т. д. Похожие рассказы записаны и нами: так, в населенном пункте такого типа (Большая Ухолода, Борисовский район) жил во время оккупации один из наших свидетелей (1930 г. р.); судя по его рассказу, он не ощущал плохого отношения со стороны оккупантов.⁷⁷ Опорные точки оккупационных властей, как правило, – населенные пункты на транспортных путях, экономически более активные, с более многочисленным

⁷⁷ Найденный семьей свидетелей modus vivendi с оккупантами также имеет большое значение для понимания их свидетельств. Так, упомянутый нами свидетель – сын бывшего офицера царской армии, сумевшего вписаться в советскую систему до войны и после войны, а во время войны наладить по меньшей мере нейтральные отношения с оккупантами. Эта сторона жизни, разумеется, может быть непроста для свидетеля в ходе интервью; можно полагать, что еще сложнее было говорить об этом в 1980-е годы, когда проводил свое исследование Д. Романовский. По нашим наблюдениям, в деревнях партизанской зоны семьи коллаборационистов заметны мало – они, как правило, покинули эти места во время или после войны (хотя отмечены и несколько случаев возвращения в деревню отбывших после войны срок заключения полицейских). В зоне же, прочно контролировавшейся оккупантами, напротив, более часты случаи, когда потомки бывших коллаборационистов сохраняют свою версию памяти о событиях оккупации, а конфликт между «партизанскими» и еврейскими с одной стороны, и «полицейскими» семьями мог продолжаться и после окончания войны.

населением и большим риском напряженности между сообществами и группами, как по этнокультурным, так и социально-политическим поводам («работающие» vs «торгующие»/«эксплуатирующие»/«власть»).⁷⁸ Уничтожение оккупантами нееврейского населения в публикациях Д. Романовского занимает ограниченное место, вероятно, как из-за того, что оно оставило менее сильный непосредственный отпечаток в памяти свидетелей в силу их нахождения на «немецкой» территории, так и из-за фокусирования внимания исследователя на событиях Холокоста.⁷⁹

Наши интервью, напротив, большей частью были проведены в партизанской зоне и на ее границе с контролируемыми оккупантами территориями; как правило, в небольших деревнях, с населением, социально более однородным и, насколько можно судить по записанным свидетельствам, с меньшим уровнем социальной и межэтнической напряженности в предвоенные годы. Основными темами памяти о войне здесь являются уничтожение мирного населения оккупантами в ходе карательных операций, репрессивная политика оккупационных властей и трудное выживание мирного населения, а также участие родственников и земляков в партизанском движении; этот контекст важен для понимания местной памяти о Холокосте.

Расхождения в содержании собранных нами свидетельств по сравнению с материалами Д. Романовского, вероятно, связаны и с изменениями, происходящими в кругах прямых свидетелей военного времени. Уходит поколение комбатантов, и среди непосредственных свидетелей доминирует теперь

⁷⁸ О межэтнической напряженности и конфликтах в городах Белоруссии в предвоенное время см. А. Зельцер. Межэтнические отношения и советская политика 20-30-х годов: пример Восточной Белоруссии // Яд Вашем. Исследования. Ч. 1. Иерусалим, 2009.

⁷⁹ «Жестокие карательные операции» отмечены автором без деталей, хотя по меньшей мере две из них были пережиты опрошенными им свидетелями (одна из них спаслась при расстреле всей ее деревни) – однако в тексте статьи — это лишь косвенное свидетельство объективности ее критической реплики в адрес партизан. См. Романовский, 1995, с. 62-64, 79.

другая группа – молодые женщины и дети военного времени,⁸⁰ расставляющие акценты иначе. Так, «отстраненность» от трагедии евреев, негативно оцениваемая «пассивность» евреев перед лицом уничтожения, отмечаемые Д. Романовским в 1980-е годы как частные темы в свидетельствах неевреев, встречаются и сегодня у прямых свидетелей (особенно заметно – у участников сопротивления–мужчин). Однако в подавляющем большинстве записанных нами рассказов о Холокосте можно считать системообразующими и доминирующими элементами трагизм уничтожения невинных людей и сочувствие к жертвам. К записанным нами свидетельствам неприменимо заключение Д. Романовского о Холокосте как «событии, не выглядящем трагедией», «незначимом этически» для значительной части неевреев–свидетелей.⁸¹ Не видно в них (за редким исключением⁸²) и «уничижительного тона», отмеченного Д. Романовским в собранных им материалах 1980-х годов. Свидетельства содержат формулы, которые современный слушатель мог бы интерпретировать как излишне нейтральные, но они могут объясняться общим лапидарным стилем свидетелей, нередко проживших всю свою жизнь в одной деревне, мало читающих и не являющихся профессиональными рассказчиками. Часто они осознают невозможность описать ужас пережитого словесными средствами и прибегают к устойчивым клише («земля шевелилась» о захоронении расстрелянных) или к

⁸⁰ К 2000-м годам в большинстве деревень, где я проводил исследование, свидетелей, воевавших в рядах Красной армии или партизанских соединений, уже не осталось. Две разные ветви исторической памяти о войне – условно «фронтовая»/«мужская» и «женская» (эвакуация или жизнь в оккупации) отмечены фольклористами (см., напр., И.А. Разумова. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001, с. 309-310).

⁸¹ Д. Романовский, 1995, с. 62.

⁸² Д. Романовский, 1995, с. 63. Тон, который можно однозначно назвать пренебрежительным, встретился мне в одном интервью, и он явно был связан с производимым свидетелем четким делением на тех, кто «не сопротивлялся» оккупантам, и «сопротивлявшихся» (в их число входили партизаны и воевавшие, как и сам рассказчик–белорус, в Красной армии, и группа цыган, оказавших сопротивление конвою и убежавших во время перевозки к месту казни).

формулам типа «это невозможно рассказать», «не дай вам Бог такое пережить». Очевидно, однако, что воспоминания о погибших односельчанах-евреях занимают важное место в памяти рассказчиков: они помнят и передают имена погибших; Т.В. Аленишко (1931, Плитчанка) подчеркнула, что до сих пор помнит лица евреев своей деревни; С.С. Волковец (1925, Новоселки), вспоминая о расстрелянном еврее – директоре школы, где она училась, сказала, что жалеет о нем как о родном отце. Эмоциональное состояние свидетелей во время интервью показывает, что события Холокоста для них – травматическое воспоминание: многие подавлены, некоторые плачут.⁸³

Сострадание к жертвам Холокоста связано как с близкими социальными и дружескими связями многих рассказчиков в предвоенные годы, так и с тем, что опрошенные несут собственный травматический опыт, близкий к пережитому евреями. Деревни многих свидетелей становились объектом карательной операции оккупантов, в ходе которой часть или все население было уничтожено; выжившие спасались, укрываясь от преследований и облав в лесу. Встречаются сравнения судьбы евреев и неевреев, однако без противопоставления друг другу. Заметно сопоставление «быстрая смерть» евреев – мучения и «мучительная смерть» неевреев (в ходе карательных операций против «партизанских зон» оккупанты и коллаборационисты подвергали пыткам гражданских лиц в поисках информации о партизанах и нередко сжигали живыми, согнав в сарай или дом) с имплицитным выводом о трагизме обеих ситуаций. Дилемма смерти как избавления или долгих мучений присутствует и в личном опыте рассказчиков. Некоторые из них чудом уцелели в ходе карательных операций, и помнят скитания в лесах в поиске спасения от карателей, голод, болезни, уничтожение оккупантами пойманых. Свидетели вспоминают о случаях, когда родители грудных детей, скрываясь от облавы, вынуждены были рассматривать вариант их убийства для спасения группы, которую дети могли выдать плачем (в

⁸³ Ср. Еленская, Розенблат, 2009, с. 156-157.

некоторых случаях это происходило).⁸⁴ Зафиксированы также самоубийства гражданских жителей для спасения от пыток и насилия.⁸⁵

Сопоставление опыта евреев и неевреев, однако, не приводит опрошенных нами свидетелей к их развернутому сравнению и полемической конкуренции за «ореол основных мучеников периода оккупации».⁸⁶ Уничтожение евреев у многих свидетелей отмечено как верх жестокости оккупантов и их пособников; рассказы о жертвах еврейского и нееврейского населения не противопоставлены, а дополняют друг друга («много они (оккупанты – Г.Ш.) и наших расстреливали»⁸⁷). Как предостережение остающимся соседям и как свидетельство общности судеб прочитываются в собранных нами свидетельствах неоднократно отмечавшиеся исследователями фразы со значением «начали с нас, вы будете следующими», произносимые евреями, которых ведут на казнь. Именно в этом смысле, по-видимому, упоминает такую формулу герой Сопротивления Гирш Смоляр, отмечая ее хождение как поговорки среди белорусов уже осенью 1941 г.⁸⁸

Подводя итог, следует констатировать, что новые свидетельства очевидцев, доступные сегодня полевым исследователям, позволяют серьезно углубить наше понимание Холокоста на оккупированной территории СССР. Мозаика ситуаций и случаев говорит о необходимости более детального микроисторического подхода к теме и

⁸⁴ Е.А. Ключник, Калюжица, Березинский район, Минская область; Г. П. Ермоленко, 1928, Сычь, БР.

⁸⁵ Р.А. Анкинович, 1935, Островщина (Полоцкий район, Витебская область); С.Д. Рогачевский, 1931, Сычь (БР).

⁸⁶ Д. Романовский 1995, с. 73.

⁸⁷ Е.Б. Медведский, 1939, Плитчанка, БР; ср. похожие формулы у Д. Романовского (1995, с. 79) и Энгелькинг 2018, с. 32.

⁸⁸ Д. Романовский, 1995, с. 90. По мнению Д. Романовского (1995, с. 74), эта формула может интерпретироваться в качестве примера проявления «нетоварищеских» чувств евреев по отношению к русским, однако мы не встретили у опрошенных нами свидетелей такой ее трактовки. Нельзя исключать, что эта фраза имеет два возможных смысла, в зависимости от общего контекста отношений между евреями и неевреями в месте проживания.

осторожности обобщений на основе сведений, собранных в одном районе или в группе населенных пунктов одного типа (элементы разных версий памяти, как мы видели, концентрируются в разных соотношениях в зависимости от места записи свидетельств). Различия в отражении и оценке событий были связаны также с его/ее принадлежностью к группе носителей памяти: представители гражданского населения (девушки и дети военного времени), доминирующие сейчас среди прямых свидетелей войны, несут версию памяти, в большой мере основанную на сострадании к евреям-жертвам оккупации и ощущении схожести или сравнимости пережитого.⁸⁹

Для понимания свидетельств о Холокосте необходимо более тщательное и детальное вписывание трагедии в общий контекст оккупации и учет опыта свидетелей-неевреев. События Холокоста сохранены ими как свидетельства бесчеловечности и жестокости убийц, неэффективности человеческого сообщества перед лицом катастрофы. Редкие случаи успешного спасения в этом контексте могут занимать большее место по сравнению с рассказами об уничтожении евреев и роли местных коллаборационистов (что может восприниматься исследователями как искажение и приукрашивание ситуации). Однако не следует забывать, что рассказы о спасении играют в устной традиции не только документальную, но и нормоустанавливающую роль, и отражают видение свидетелями того, как «должно быть», а само интервью является одним из способов передачи этих норм «младшим» (в числе которых – и исследователь, проводящий интервью).⁹⁰

⁸⁹ Б. Энгелькинг (2018) отмечает сходные явления в крестьянской памяти о Холокосте в белорусском и украинском Полесье.

⁹⁰ Свидетели войны, оккупации и Холокоста в своих рассказах почти всегда формулируют предостережения следующим поколениям («вам») против новой войны и нового кризиса человеческой солидарности в трудный момент, пожелание избежать этих бедствий. Война в Донбассе, начавшаяся в 2014 г., неоднократно всплывала в интервью как подтверждение реальности этой угрозы.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на историческую и человеческую ценность устных свидетельств о Холокосте, которые могут быть использованы не только в научных, но и в педагогических целях, и на хрупкость устной памяти в условиях недостаточного внимания со стороны как местных структур, так и исследователей. К сожалению, у нас остается совсем мало времени, чтобы записать воспоминания последних очевидцев. И здесь стоит еще раз призывать историков, краеведов, студентов к совместной оперативной полевой работе и к мобилизации местных сообществ на сохранение памяти о войне и Холокосте и развитие диалога между ее локальными и групповыми версиями.

Холокост на территории Беларуси в немецкой историографии

*Д-р Александр Фридман,
преподаватель Саарского университета (Саарбрюккен)
и Высшей школы полиции и государственного управления
федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия (Дуйсбург)*

29 июня 2018 г. в Минске состоялось торжественное открытие нового мемориального комплекса на территории бывшего нацистского лагеря смерти Малый Тростенец. На церемонии присутствовали президент Беларуси Александр Лукашенко и федеральные президенты Австрии и Германии Александр Ван дер Беллен и Франк-Вальтер Штайнмайер. В конце марта 2019 г. Минск посетила официальная австрийская делегация во главе с федеральным канцлером Себастьяном Курцем. Вместе с Лукашенко Курц открыл в Тростенце монумент «Массив имен», посвященный памяти более десяти тысяч австрийских евреев, депортированных во время Второй Мировой войны в Минск и уничтоженных в Малом Тростенце. Посещение мемориального комплекса «Тростенец» стало важной частью программы визитов правительственные и парламентских делегаций из ФРГ в Беларусь.

Открытие мемориала в Тростенце и последующие приезды австрийских и немецких делегаций в Минск активно освещались как белорусскими, так немецкими и австрийскими средствами массовой информации. Государственные белорусские СМИ по старой советской традиции упоминали евреев в перечне жертв Малого Тростенца лишь вскользь и между делом, одновременно подчеркивая сам факт визитов видных западных государственных деятелей в Беларусь и представляя их встречи с Лукашенко важным успехом

внешней политики официального Минска.¹ В Германии и Австрии прессы, напротив, акцентировала внимание читателей и зрителей на трагедии евреев и на гуманитарной составляющей визитов Штайнмайера, Van der Беллена и Курца.² В 2018 и 2019 гг. в Германии и Австрии вышел целый ряд телевизионных и газетных репортажей об истории Холокоста в Беларуси и, в частности, о депортации немецких и австрийских евреев в Минск, а также о «малоизвестном» лагере смерти в Тростенце, не занимавшем до последнего времени важного места в европейской культуре памяти о

¹ В митинге-реквиеме в Тростенце приняли участие президенты Беларуси, Германии и Австрии // tvr.by (29. 6. 2018).

www.tvr.by/news/prezident/v_mitinge_rekvieme_v_trostentse_prinyali_uchastie_presidenty_belarusi_germanii_i_avstrii/; Владимир Матвеев. Федеральный Президент Германии Штайнмайер прибыл с визитом в Беларусь // belta.by (29. 6. 2018). www.belta.by/politics/view/federalnyj-prezident-germanii-shtajnmajer-pribyl-s-vizitom-v-belarus-308754-2018/; Владимир Матвеев. Лукашенко с президентами Германии и Австрии посетил мемориальный комплекс «Тростенец» // belta.by (29. 6. 2018).

[www.belta.by/president/view/lukashenko-s-presidentami-germanii-i-avstria-poseschaet-memorialnyj-kompleks-trostenets-308766-2018/](http://www.belta.by/president/view/lukashenko-s-presidentami-germanii-i-avstrii-poseschaet-memorialnyj-kompleks-trostenets-308766-2018/); В Минск с первым официальным визитом прилетел канцлер Австрии Себастьян Курц // tvr.by (28. 3. 2019).

www.tvr.by/news/politika/v_minsk_s_pervym_ofitsialnym_vizitom_pilotel_kantsler_avstrii_sebastyan_kurts/; Лукашенко и Курц подтвердили высокий уровень и позитивную динамику развития белорусско-австрийских отношений // belta.by (29. 3. 2019).

www.belta.by/president/view/lukashenko-i-kurts-podtverdili-vysokij-uroven-i-positivnuju-dinamiku-razvitiya-belorussko-avstrijskih-341936-2019/.

² Maly Trostenez in Weißrussland: Steinmeier eröffnet Gedenkstätte // zdf.de (29. 6. 2018). www.zdf.de/nachrichten/heute/maly-trostenez-in-weissrussland-steinmeier-eroeffnet-gedenkstaette-100.html;

Steinmeier besucht „Ort des Todes“ // tagesspiegel.de (29. 6. 2018). www.tagesspiegel.de/politik/bundespraesident-in-beloruss-steinmeier-besucht-ort-des-todes/22752766.html;

Van der Bellen in Maly Trostinez: Auch Mahnung für Gegenwart // derstandard.at (29. 6. 2018). www.derstandard.at/story/2000082518535/van-der-bellen-in-maly-trostinez-auch-mahnung-fuer-gegenwart;

Kurz besuchte NS-Vernichtungsstätte in Weißrussland // orf.at (28. 3. 2019) <https://orf.at/stories/3116848/>.

Холокосте и о Второй Мировой войне.³ Немецкий телеканал МДР (Средненемецкое радиовещание, MDR) и вовсе назвал Малый Тростенец «забытым лагерем смерти»,⁴ а выходящее в Берлине издание Центрального Совета евреев в Германии «Юдише Альгемайнэ» «неизвестным местом преступления».⁵

Заголовки и общий тон немецких и австрийских публикаций наводят на мысль, что злодеяния, совершенные нацистами на территории Беларуси, до последнего времени были практически неизвестны в этих странах и стали достоянием широкой общественности лишь в связи с открытием нового мемориала в Тростенце. Так ли это на самом деле? Какую роль нацистские преступления против евреев в Беларуси играют в немецкой и австрийской историографии Холокоста? Данный историографический обзор поможет ответить на эти вопросы.

*Исследования по истории Холокоста
на территории Беларуси в ФРГ и ГДР до 1990 г.*

В Германской Демократической Республике, в которой антифашизм был возведен в статус государственной идеологии, особое значение придавалось роли коммунистов в движении Сопротивления, событиям Второй Мировой войны и преступлениям оккупантов на занятых советских территориях. Руководствуясь советской культурой памяти о Великой Отечественной войне, в которой геноцид евреев имел лишь маргинальное значение, и двигаясь в фарватере антиизраильской политики Кремля, власти ГДР, хоть и не замалчивали преследование и уничтожение евреев нацистами, но и не уделяли этой теме серьезного внимания.⁶ Лишь в

³ Maly Trostenez in Weißrussland – Steinmeier eröffnet Gedenkstätte // zdf.de (29. 6. 2018). www.zdf.de/nachrichten/heute/maly-trostenez-in-weissrussland-steinmeier-eroeffnet-gedenkstaette-100.html.

⁴ Maly Trostenez – Ein vergessenes Vernichtungslager // mdr.de (23. 3. 2018). www.mdr.de/heute-im-osten/mali-trostenez-100.html.

⁵ Irene Dänzer-Vanotti. Der unbekannte Tatort // juedische-allgemeine.de (25. 6. 2018). www.juedische-allgemeine.de/juedische-welt/der-unbekannte-tatort

⁶ Birgit Müller. Erinnerungskultur in der DDR // bpb.de.

последние годы существования ГДР Восточный Берлин, стремясь улучшить отношения с США, попытался сделать ставку на т. н. «еврейско-израильское лобби» в Вашингтоне, отказался от былой радикальной антисионистской риторики, содействовал возрождению еврейской культуры в Восточной Германии и даже наладил сотрудничество с Американским мемориальным советом по Холокосту и мемориальным центром «Яд Вашем» в Иерусалиме.⁷ В ГДР публиковались отдельные исследования по истории Беларуси (в первую очередь в период Второй Мировой войны).⁸ Специальных работ по теме Холокоста на территории Беларуси в этой стране, однако, не выходило.⁹ В ФРГ, которую восточногерманская пропаганда именовала не иначе как «оплотом реваншизма, милитаризма и неофашизма», первые публикации о преследовании и уничтожении евреев в Беларуси появились еще в первом послевоенном десятилетии. В 1956 г. «Ежеквартальник современной истории» мюнхенского Института современной истории опубликовал документальное исследование Гельмута Хайбера (1924–2003), посвященное главе гражданской оккупационной администрации в Беларуси Вильгельму Кубе, его конфликту с СС и полицией безопасности в Минске и противоречивой роли генерального комиссара в геноциде евреев.¹⁰ Два года спустя в

www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/geschichte-und-erinnerung/39817/erinnerungskultur-ddr?p=all

⁷ BArch (Bundesarchiv, Федеральный архив Германии). DO 4 / 1348, fol. 1181–1205, 1442–1455. Документы Статс-секретариата ГДР по церковным вопросам, 1989.

⁸ Heinz Kühnrich/Karlheinz Pech/Dora Schaul (eds.). In den Wäldern Belorußlands. Erinnerungen sowjetischer Partisanen und deutscher Antifaschisten. Berlin (Ost), 1977; Claus Remer (ed.). Zur Geschichte der BSSR und der deutsch-belarussischen Beziehungen. Kolloquium der Sektion Geschichte, 30. und 31. Oktober 1979. Jena, 1981.

⁹ Тема нацистских преступлений в Беларуси, однако, затрагивалась в работах, посвященных немецкой оккупации СССР. Norbert Müller. Wehrmacht und Okkupation 1941–1944: zur Rolle der Wehrmacht und ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium. Berlin (Ost), 1971.

¹⁰ Helmut Heiber. Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (VfZ) 4 (1956) 1. S. 67–92. Ряд документов, касающихся

«Ежеквартальнике» вышли две статьи, затрагивавшие судьбу белорусских евреев во время войны: граф Константин Штамати представил политику Имперского министерства оккупированных восточных территорий в области культуры,¹¹ а вышеупомянутый историк Гельмут Хайбер опубликовал и проанализировал генеральный план «Ост»¹² – нацистский план колонизации Восточной Европы.

Самое позднее из публикации Хайбера о Кубе читатели «Ежеквартальника» узнали о депортациях евреев из Германии и Австрии в Минск. Среди депортированных был и крестившийся еще в 1919 г. немецкий банкир еврейского происхождения Карл Лёвенштайн, которому посчастливилось пережить Катастрофу европейского еврейства. Оказавшись в конце 1941 г. в Минске, Лёвенштайн был в мае 1942 г. после личного вмешательства Кубе отправлен в концентрационный

Кубе, был опубликован в 1988 г. Ernst Klee/Willi Dreßen/Volker Rieß (eds). „Schöne Zeiten“. Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffer. Frankfurt am Main, 1988. Исследование о роли немецкой гражданской оккупационной администрации в Холокосте в «Остланде» выпустил в 2004 г. Уве Данкер. Uwe Danker. Die „Zivilverwaltung“ des Reichskommissariats Ostland und der Holocaust. Wahrnehmung, Rolle und „Verarbeitung“ // Collaboration and Resistance during the Holocaust. Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania. Eds. David Gaunt, Paul A. Levine a. Laura Palosuo. Bern, 2004. S. 45–76. В 2016 вышла статья, посвященная убийству Кубе и образу гауляйтера в Советском Союзе и в постсоветской Беларуси. Alexander Friedman. „Kube, Hitlers Gauleiter in Minsk, war der leibhaftige Teufel“. Die Ermordung des Generalkommissars von „Weißenruthenien“ (1943) und ihre Darstellung in der Sowjetunion und im postsowjetischen Raum // Russische und sowjetische Geschichte im Film: Von bolschewistischen Revolutionären, antifaschistischen Widerstandskämpfern, jüdischen Emigranten und „Kalten Kriegern“. Eds. Alexander Friedman a. Frank Jacob. New York, 2016. S. 55–100. В 2004 г. вышли исследования, посвященные преемнику Кубе Курту фон Готтбергу (Curt von Gottberg) и одному из руководителей полиции безопасности СД в Минске Георгу Хойзеру (Georg Heuser). Peter Klein. Curt von Gottberg – Siedlungsfunktionär und Massenmörder; Jürgen Matthäus. Georg Heuser – Routinier des sicherheitspolizeilichen Osteinsatzes // Karrieren der Gewalt. Nationalsozialistische Täterbiographien. Eds. Klaus-Michael Mallmann a. Gerhard Paul. Darmstadt, 2004. S. 95–103.

¹¹ Constantin Graf Stamati. Zur „Kulturpolitik“ des Ostministeriums // VfZ 6 (1958) 1. S. 78–85.

¹² Helmut Heiber. Der Generalplan Ost // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 6 (1958) 3. S. 281–325.

лагерь в Терезиенштадте. Воспоминания Лёвенштайна о Минском гетто увидели свет ещё в 1956 г., а в 1961 г. вышли отдельным изданием в Бонне.¹³

В том же 1961 г. общественность Западной Германии внимательно следила за судебным процессом над Адольфом Эйхманом в Иерусалиме. Процесс над Эйхманом, а также судебные процессы над нацистскими преступниками в ФРГ в 1960-е гг. и радикальное студенческое движение 1968 г. всколыхнули западногерманское общество, в котором кадры с «коричневым прошлым» в послевоенное время играли заметную роль, способствовали осмыслинию нацистского периода истории Германии и привлекли внимание широких слоёв общества к Холокосту, постепенно занявшему центральное место в западногерманской культуре памяти о нацизме и о Второй Мировой войне.¹⁴

Идеологическое противостояние между Востоком и Западом в эпоху «холодной войны», а также ограниченный доступ к источникам (закрытые архивы и т. д.), однако, значительно осложнили изучение Холокоста на территории СССР и, в частности, в Беларуси. Лишь отдельные, прошедшие идеологический фильтр документы были представлены советской стороной Центральному управлению по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге в рамках правовой помощи при расследовании

¹³ Karl Loewenstein. Minsk – Im Lager der deutschen Juden // Beilage zur Wochenzeitschrift Das Parlament 45/46 (7. 11. 1956). S. 706–718; Karl Loewenstein. Minsk. Im Lager der deutschen Juden. Bonn, 1961.

¹⁴ Edgar Wolfrum. Geschichte der Erinnerungskultur in der DDR und BRD // bpw.de. www.bpw.de/geschichte/zeitgeschichte/geschichte-und-erinnerung/39814/geschichte-der-erinnerungskultur?p=all. К истории культуры памяти в Беларуси см. Ol'ga V. Kurilo/Gerd-UlrichHerrmann. Täter, Opfer, Helden: der Zweite Weltkrieg in der weißrussischen und deutschen Erinnerung. Berlin, 2008; Ekaterina Keding. Konkurrenz der Erinnerungen: Partisanenwiderstand und Holocaust in der belarussischen Gedenkkultur // Ein weißer Fleck in Europa. Die Imagination der Belarus als Kontaktzone zwischen Ost und West. Eds. Thomas M. Bohn a. Victor Shadurski. Bielefeld, 2011. S. 159–173.

преступлений на оккупированных советских территориях.¹⁵ Тем не менее, некоторые исследования по истории Второй Мировой войны в Беларуси вышли в ФРГ еще до крушения «железного занавеса». В этой связи следует в первую очередь отметить защищенную в Свободном Университете Западного Берлина докторскую диссертацию Виталия Виленчика о партизанском движении в Беларуси (1984).¹⁶ Уроженец Минска, Виленчик перебрался в 1970-е гг. в Израиль, а во второй половине десятилетия – как и тысячи других евреев-эмигрантов из СССР¹⁷ – обосновался в Западном Берлине. В том же Западном Берлине историк Ангелика Эббингхаус и врач Герд Прайсслер выпустили в 1985 г. документальное исследование об уничтожении душевнобольных в СССР, в котором речь шла и о судьбе пациентов (еврейских и нееврейских) психиатрических клиник Минска.¹⁸ Из Западного Берлина в СССР отправился в 1985 г. писатель и журналист Пауль Коль. Проделав путь от Бреста до Москвы, Коль изучил предоставленные советской стороной архивные документы и провел встречи с людьми, пережившими нацистскую оккупацию в Беларуси и в России. Исследование, подготовленное писателем, увидело свет, однако, лишь в 1995 г.¹⁹ Поездка в Минск вдохновила Коля на создание

¹⁵ Alexander Friedman. Krankenmorde im Raum Minsk und ihre Aufarbeitung in der Sowjetunion und in der Bundesrepublik Deutschland // Diskriminiert-vernichtet-vergessen. Behinderte und Kranke in der Sowjetunion, in den besetzten sowjetischen Gebieten und im Ostblock 1917 bis 1991. Eds. Alexander Friedman a. Rainer Hudemann. Stuttgart, 2016. S. 395–414.

¹⁶ Witalij Wilenchik. Die *Partisanenbewegung in Weißrussland 1941–1944*. Berlin (West), 1984.

¹⁷ Alexander Friedman. Die „skrupellose zionistische Gestapo“. Der israelische Auslandsgeheimdienst Mossad im Spiegel der Stasi und DDR-Presse // Welche „Wirklichkeit“ und wessen „Wahrheit“? Das Geheimdienstarchiv als Quelle und Medium der Wissensproduktion. Eds. Thomas Großbölting a. Sabine Kittel. Göttingen, 2018. S. 149–165.

¹⁸ Angelika Ebbinghaus/Gerd Preissler. Die Ermordung psychisch kranker Menschen in der Sowjetunion. Dokumentation // Aussonderung und Tod. Die Klinische Hinrichtung der Unbrauchbaren. Eds. Götz Aly a.o. Berlin (West), 1985. S. 75–107.

¹⁹ Paul Kohl. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944: Sowjetische Überlebende berichten. Frankfurt am Main, 1995.

романа «Наилучшие пожелания из Минска» (2001).²⁰ Роман, в котором описывается повседневная жизнь в оккупированной нацистами белорусской столице, трагедия белорусского еврейства и депортация евреев из Западной Европы в Минск, вызвал неоднозначную реакцию немецких критиков.²¹ В 2003 г. Пауль Коль опубликовал сборник документов и воспоминаний свидетелей о лагере смерти Малый Тростенец.²²

Если в Западной и Восточной Германии нацистские преступления еще до 1990 г. присутствовали в общественной дискуссии и становились темой научных изысканий, то в Австрии этой болезненной теме уделялось куда меньше внимания. В австрийском обществе укоренился образ альпийской республики как жертвы нацизма, а участие выходцев из Австрии в нацистских преступлениях стыдливо отодвигалось на задний план.²³

Исследования по истории Холокоста на территории Беларусь в ФРГ в 1990-е годы

После распада Советского Союза в 1991 г. на политической карте Европы возникло новое независимое государство – Республика Беларусь. Если восточным немцам Беларусь была знакома еще по социалистическим временам как советская республика в западной части СССР, с которой ГДР поддерживала особенно тесные экономические, политические и культурные связи (в мае 1972 г. в Минске даже было открыто генеральное консульство ГДР),²⁴ то для

²⁰ Paul Kohl. Schöne Grüße aus Minsk. Munich, 2001.

²¹ Wladimir Kaminer/Helmut Höge. „Wir zwingen den Raum“ // taz (22. 1. 2002). S. 17.

²² Paul Kohl (ed.). Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente. Dortmund, 2003.

²³ Peter Pirker. „Erinnerungskultur im Umbruch“ // Uni: View Magazin (<https://medienportal.univie.ac.at/uniview/>, 25. 10. 2018).

<https://medienportal.univie.ac.at/uniview/wissenschaftsgesellschaft/detailansicht/artikel/erinnerungskultur-im-umbruch/>.

²⁴ Michelle Klöckner. *Kultur- und Freundschaftsbeziehungen zwischen der DDR und der Belorussischen Sozialistischen Sowjetrepublik (1958–1980)*. Stuttgart, 2017.

большинства западных немцев Беларусь в начале 1990-х оставалась своего рода «терра инкогнита» – «белой Россией» (в немецком языке укоренилось наименование «Weißrussland») и обломком советской империи, особенно пострадавшим от аварии на Чернобыльской атомной электростанции в апреле 1986 г. Показательно, что первое пособие по истории Беларуси на немецком языке – плод совместной работы белорусских, немецких, польских и канадских историков – увидело свет лишь в 2001 г.²⁵

Конец эпохи «холодной войны», открытие границ и архивов предоставили исследователям из Германии совершенно новые возможности для изучения истории Второй Мировой войны. Кроме того, приток молодых историков – обосновавшихся в ФРГ выходцев из бывшего СССР – позволил вывести исследования на качественно новый уровень. При этом интерес к нацистскому прошлому и преступлениям гитлеровского режима в Германии после объединения страны в 1990 г. не просто не ослаб, а даже скорее усилился. Свидетельством тому является наделавшая много шума передвижная выставка «Истребительная война. Преступления вермахта 1941–1944 гг.», которую подготовил в середине 1990-х гг. негосударственный институт социальных исследований в Гамбурге. Выставка не обошла своим вниманием и участие подразделений вермахта в Холокoste в Беларуси и в других оккупированных частях СССР.²⁶

В упомянутом институте в конце 1990-х гг. работал историк Кристиан Герлах. Герлаха, ставшего в 2008 г. профессором современной истории в Бернском университете (Швейцария), и полковника бундесвера в отставке, а также Бернхарда Кьяри, с 2016 г. руководителя реферата в Федеральном ведомстве по делам миграции и беженцев, по

²⁵ Dietrich Beyrau/Rainer Lindner (eds.). *Handbuch der Geschichte Weißrusslands*. Göttingen, 2001.

²⁶ Hannes Heer/Birgit Otte (eds.). *Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944*. Hamburg, 1996. См. также Hannes Heer/Klaus Naumann (eds.). *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944*. Hamburg, 1995.

праву можно считать немецкими пионерами исследований нацистских преступлений в Беларуси.

Известность Герлаху принесла защищенная в 1998 г. в Техническом университете Берлина фундаментальная докторская диссертация под названием «Просчитанные смерти. Немецкая экономическая политика и политика уничтожения в Беларуси в 1941–1944 гг.» В этом опирающемся на солидную источниковедческую базу 1234-страничном труде Герлах подробно проанализировал ход и особенности Холокоста в Беларуси, а также убедительно продемонстрировал важнейшее значение экономических мотивов в преступной политике оккупантов.²⁷ Работа Герлаха была по достоинству оценена академическим сообществом и прессой, стала ориентиром для будущих исследований нацистских злодеяний и остается ключевым исследованием по истории нацистской оккупации Беларуси.²⁸ На белорусский или русский языки книга до сих пор не переведена и по этой причине недоступна многим исследователям и читателям в Беларуси и на постсоветском пространстве.

Защищенная в 1997 г. в Тюбингене и опубликованная в 1998 г. в Дюссельдорфе докторская диссертация Кьяри «Повседневность за линией фронта. Оккупация, колаборационизм и сопротивление в Беларуси 1941–1944», напротив, вышла в 2008 г. в белорусском переводе и принесла автору широкую известность в Беларуси.²⁹ Труд Кьяри можно без

²⁷ Christian Gerlach. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944. Hamburg, 1999. Теме Холокоста в Беларуси посвящены и другие работы Кристиана Герлаха: Christian Gerlach. Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia // Holocaust and Genocide Studies 11 (1997) 1. S. 60–78; Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland, 1941–1943 // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik. Neue Forschungen und Kontroversen. Ed. Ulrich Herbert. Frankfurt am Main, 1998. S. 263–292.

²⁸ Klaus Wiegrefe. Das große Morden // Der Spiegel (50) 1999. www.spiegel.de/spiegel/print/d-15239606.html; Krisztián Ungváry. Zynische Morde // Frankfurter Allgemeine Zeitung (16. 2. 2000). S. 10.

²⁹ Бернгард К'яры. Штодзеннасьць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.). Мінск, 2008.

преувеличения назвать лучшим исследованием белорусского общества в период войны. Хотя историку посчастливилось поработать с документами из архива КГБ Республики Беларусь, и в своей работе он представил убедительный анализ восприятия нацистского режима жителями Беларуси,³⁰ повседневной жизни в оккупированной республике; проследил стратегии выживания местного населения и не обошел своим вниманием щекотливую тему участия белорусских коллаборационистов в Холокoste³¹ и неоднозначной реакции местного населения на преследование и уничтожение евреев,³² исследование Къяри не вызвало особого интереса в Германии и осталось в тени работы Герлаха.

³⁰ Восприятие нацистской оккупации белорусским населением в первые месяцы войны – тема исследования Александра Фридмана. Alexander Friedman. Die nichtjüdische Bevölkerung Weißrusslands und die nationalsozialistische Okkupation in den ersten Kriegsmonaten 1941 / The non-Jewish Population of Belorussia and the National Socialist Occupation in the Beginning War in 1941 // Wer widerstand? Who resisted? Biografien von Widerstandskämpferinnen aus ganz Europa im KZ-Mauthausen und Beiträge zum Internationalen Symposium 2008. Eds. Andreas Baumgartner, Isabella Girstmaira. Verena Kaselitz. Vienna, 2008. S. 101–110, 431–439.

³¹ Феномен белорусской коллаборации в Германии до сих пор практически не исследован. Редким исключением является работа Ганса-Генриха Вильхельма. Hans-Heinrich Wilhelm. Die Rolle der Kollaboration für die deutsche Besatzungspolitik in Litauen und „Weißenruthenien“ // Europa unterm Hackenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945). Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Eds. Werner Rohr. Berlin a. Heidelberg, 1994. S. 191–216.

³² Bernhard Chiari, Alltag hinter der Front. Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland, Düsseldorf, 1998. См. также Bernhard Chiari. Das Schicksal der weißrussischen Juden im „Generalkommissariat Weißruthenien“. Eine Annäherung an das Unbegreifliche // Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit. Regionalstudien. Eds. Wolfgang Benz a. Juliane Wenzel. Vol. 3. Berlin, 1999. S. 271–309; Id. Die Büchse der Pandora. Ein Dorf in Weißrussland 1939 bis 1945 // Die Wehrmacht. Mythos und Realität. Eds. Rolf-Dieter Müller a. Hans-Erich Volkmann. Munich, 1999. S. 879–900; Id. Die Kriegsgesellschaft Weißrussland im Zweiten Weltkrieg (1939–1944) // Handbuch der Geschichte Weißrusslands. Eds. Dietrich Beyrau a. Rainer Lindner. Göttingen, 2001. S. 408–425.

*Исследования по истории Холокоста
на территории Беларуси в ФРГ в XXI веке*

Если вышедшие в 1990-е гг. работы Кристиана Герлаха и Бернхарда Кьяри представляют собой индивидуальные исследовательские проекты немецких историков, то последующее десятилетие ознаменовалось созданием белорусско-немецких исследовательских групп и тесным сотрудничеством историков Холокоста из Беларуси и Германии. Так, в 2002 г. по инициативе Дортмундского международного образовательного центра, Минского международного образовательного центра имени Йоханесса Рау и Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин открылась «Историческая мастерская в Минске», сконцентрировавшаяся на сборе и публикации воспоминаний людей, переживших Холокост, а также на изучении истории Минского гетто и лагеря смерти Малый Тростенец.³³ Особенно следует отметить в этой связи заместителя директора «Исторической мастерской» Александра Долговского, внесшего весомый вклад в изучение истории Тростенца.³⁴

В 2009 г. в Саарском университете (Саарбрюккен) под руководством профессора Райнера Худеманна и д-ра Александра Фридмана начала свою работу белорусско-немецкая исследовательская группа, изучавшая нацистскую политику уничтожения психически больных и людей с ограниченными возможностями на оккупированных территориях СССР и, прежде всего, в Беларуси. Данный проект стал возможен благодаря финансовой поддержке фонда Герды Хенкель из Дюссельдорфа. По итогам проекта в 2016 г. был выпущен сборник статей «Дискриминированы –

³³ IBB (Ed.). *Orte der Vernichtung in Belarus. Die Geschichte des Vernichtungslagers Trostenez und des Ghettos Minsk: Dokumentation einer Tagung des Internationalen Evangelischen Akademie Iserlohn im Mai 2002.* Dortmund, 2002.

³⁴ Alexander Dalhouski. Zur Geschichte der Wahrnehmung vom Vernichtungsort Malyj Trostenec // Leerstelle(n)? Der deutsche Vernichtungskrieg 1941–1944 und die Vergegenwärtigenden des Geschehens nach 1989. Eds. Alexandra Klei a. Katrin Stoll. Berlin, 2019. S. 135–149.

уничтожены – забыты», в котором, в частности, рассматривается трагическая судьба еврейских пациентов, людей с ограниченными возможностями и медицинского персонала в Беларуси.³⁵ Затрагивается в сборнике и нацистская антисемитская пропаганда на оккупированных советских территориях – одна из ключевых тем проекта «Нацистская оккупационная печать на занятых территориях СССР 1941–1944 гг.», который с 2009 по 2011 гг. проводил Семинар по истории Восточной Европы Гейдельбергского университета под руководством профессора Хайнца-Дитриха Лёве и д-ра Франка Грюнера. В рамках проекта была собрана обширная коллекция оккупационной печати на русском, белорусском и украинском языках. Сотрудники проекта Виктория Сильванович и Александр Фридман опубликовали ряд статей, в которых рассматриваются особенности нацистской антисемитской пропаганды в Беларуси и участие местных авторов в распространении антисемитизма.³⁶ Примечательно, что нацистская антисемитская пропаганда еще в 1990-е гг. привлекла внимание исследователей из Германии и в последующие годы осталась в поле их зрения: еще в 1996 г.

³⁵ Alexander Friedman/Rainer Hudemann (eds.). *Diskriminiert-vernichtet-vergessen. Behinderte in der Sowjetunion, unter nationalsozialistischer Besatzung und im Ostblock 1917–1991*. Stuttgart, 2016.

³⁶ Alexander Friedman. Die Evakuierung von 1941 in der Sowjetunion zwischen Propaganda und Wirklichkeit: Der Fall Weißenrussland // Evakuierungen im Europa der Weltkriege. Eds. Fabian Lemmes, Johannes Großmann, Nicholas J. Williams, Oliver Forcade a. Rainer Hudemann. Berlin, 2014. S. 141–156; Fußball in den besetzten sowjetischen Gebieten. Freizeit und Unterhaltung, Körperzüchtigung und Gesundheit, Politik und Ideologie // Europäischer Fußball im Zweiten Weltkrieg. Eds. Markwart Herzog a. Fabian Brändle. Stuttgart, 2015. S. 247–257; Viktoria Silwanowitsch. Die nationalsozialistische Besatzungszeitung Vitebskie Vedomosti (Witebsker Nachrichten) und ihre Mitarbeiter Lev und Alexander Brandt als Verfechter und Befürworter des Deutschtums im besetzten Witebsk 1941 // Nationalsozialismus und Regionalbewusstsein im östlichen Europa. Eds. Burkhard Olschowsky u. Ingo Loose. Oldenburg, 2016. S. 387–400. Виктория Сильванович работает над докторской диссертацией о русскоязычной прессе в тылу немецкой группы армий «Центр». Nationalsozialistische russischsprachige Besatzungspresse im rückwärtigen Heeresgebiet „Mitte“ (1941–1943).
www.dhi-moskau.org/forschung/herrschaft-und-krieg/nationalsozialistische-russischsprachige-besatzungspresse.html

Бабетт Квинкерт и Йоханнес Шлоотц опубликовали каталог передвижной выставки о нацистской пропаганде в Беларуси.³⁷ Квинкерт раскрыла в 2009 г. механизмы работы нацистского пропагандистского аппарата в Беларуси, его функции и значение в войне против Красной Армии и партизан.³⁸ Светлана Бурмистр исследовала в 2016 г. историю газеты «Минскер Цайтунг» и проанализировала характер антисемитских публикаций этого издания. Показательно, что тема Холокоста в Беларуси на страницах газеты не упоминалась.³⁹

Еще одним магистральным направлением немецких работ по истории Второй Мировой войны в Беларуси и на других оккупированных территориях СССР стало изучение деятельности немецких преступников: айнзацгруппы «Б» полиции безопасности и СД,⁴⁰ а также полиции порядка.⁴¹ На повестке

³⁷ Babette Quinkert/Johannes Schlootz (ed.). Deutsche Propaganda in Weißrussland 1941–1944. Eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit. Berlin, 1996.

³⁸ Babette Quinkert. Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944. Die deutsche „geistige“ Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn u. a., 2009.

³⁹ Svetlana Burmistr. Die „Minsker Zeitung“. Selbst- und Fremdbilder in der nationalsozialistischen Besatzungspresse. Berlin, 2016.

⁴⁰ Первые исследования по истории айнзацгрупп появились в ФРГ еще в 1980-е и 1990-е гг. Helmut Krausnick/Hans-Heinrich Wilhelm. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. Stuttgart, 1981; Helmut Krausnick. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Frankfurt am Main, 1985; Ralf Ogorreck. Die Einsatzgruppen und die „Genesis der Endlösung“. Berlin, 1996. Преступления айнзацгрупп на территории СССР затрагиваются в работе Герта Робеля. Gert Robel. Sowjetunion // Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. Ed. Wolfgang Benz. Munich, 1991. S. 499–559. В 1997 г. Кристиан Герлах опубликовал свое исследование по истории айнзацгруппы Б. Christian Gerlach. Die Einsatzgruppe B // Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Ed. Peter Klein. Berlin, 1997. S. 52–71.

⁴¹ Andrej Angrick/Martina Voigt/Silke Ammerschubert/Peter Klein/Christa Alheit/Michael Tycher. „Da hätte man schon ein Tagebuch führen müssen.“ Das Polizeibataillon 322 und die Judenmorde im Bereich der Heeresgruppe Mitte während des Sommers und Herbstan 1941 // Die Normalität des Verbrechens. Bilanz und Perspektiven der Forschung zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen. Festschrift für Wolfgang Scheffler zum 65. Geburtstag. Eds.

дня оставалось и участие солдат и офицеров вермахта в преступлениях против евреев и другого гражданского населения,⁴² а также феномен еврейского сопротивления и участия еврейских партизан в борьбе с нацизмом в Беларуси.⁴³ Если в большинстве западных и, в частности, немецких публикаций подчеркивались героизм и мужество братьев Бельских и других еврейских партизан, то польско-немецкий историк Богдан Мусиал обратил внимание на конфликты между

Helge Grabitz, Klaus Bästlein a. Johannes Tuchel. Berlin, 1994. S. 325–384; Wolfgang Curilla. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrussland 1941–1944. Paderborn a. o., 2006; Philippe Müller. Zusammenarbeit im Vernichtungskrieg: Einsatzgruppe B und Polizeibataillon 322 in Weißrussland 1941–42. Saarbrücken, 2011.

⁴² Christian Hartmann. Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im „Unternehmen Barbarossa“. Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // VfZ 49 (2001) 1, S. 97–158; Id. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. Munich, 2009; Id. Verbrechen der Wehrmacht: Bilanz einer Debatte. Munich, 2014; Rolf-Dieter Müller/Hans-Erich Volkmann (eds.). Die Wehrmacht. Mythos und Realität, Munich 1999; Jörn Hasenclever. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941–1943. Paderborn a. o., 2010; Hannes Heer. Killing Fields. The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941–1942 // Holocaust and Genocide Studies 11 (1997) 1. S. 79–101; Id. Gustav Freiherr von Mauchenheim, genannt Bechtolsheim – ein Wehrmachtsgeneral als Organisator des Holocaust // Karrieren der Gewalt. Nationalsozialistische Täterbiographien. Eds. Klaus-Michael Mallmann a. Gerhard Paul. Darmstadt, 2004. S. 33–46; Peter Lieb. Täter aus Überzeugung? Oberst Carl von Andrian und die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941/42 // Der deutsche Krieg im Osten 1941–1944. Facetten einer Grenzüberschreitung. Eds. Christian Hartmann, Johannes Hürter, Peter Lieb a. Dieter Pohl. Munich, 2009. S. 271–304; Johannes Hürter. Ein deutscher General an der Ostfront. Die Briefe und Tagebücher des Gotthard Heinrici 1941/42. Erfurt, 2001; Id. Auf dem Weg zur Militäropposition. Tresckow, Gersdorff, der Vernichtungskrieg und der Judenmord. Neue Dokumente über das Verhältnis der Heeresgruppe Mitte zur Einsatzgruppe B im Jahr 1941 // VfZ 52 (2004) 3. S. 527–562.

⁴³ Moshe Beirach. Aus dem Ghetto in die Wälder: Bericht eines jüdischen Partisanen 1939–1945. Frankfurt am Main, 2009; Ekaterina Keding. Schlüsselbilder des belarussischen Widerstands – Der Streitfall Maša Bruskina // Medien zwischen Fiction-Making und Realitätsanspruch. Konstruktionen historischer Erinnerungen. Eds. Monika Heinemann a. o. München, 2011. S. 25–44; Kartrin Reichelt. Der Wald war ein letzter Ausweg: Hilfe für verfolgte Juden im deutsch besetzten Weißrussland 1941–1944. Berlin, 2017.

еврейскими партизанами и нееврейским населением Западной Беларуси: в 2004 г. Мусиал, сделавший себе имя как критик вышеупомянутой выставки о преступлениях вермахта,⁴⁴ выпустил сборник документов об истории советского партизанского движения в Барановичском регионе. В подборке документов о еврейских партизанах приведены примеры насилия отряда братьев Бельских над гражданским населением.⁴⁵

Западной Беларуси посвятили докторские диссертации историки Феликс Аккерман и Александр Бракель. Если Аккерман в своей работе по истории Гродно в XX в. тему Холокоста затрагивает лишь в общих чертах,⁴⁶ то Бракель, возглавивший в 2017 г. представительство фонда Конрада Аденаура в Иерусалиме и отметившийся в немецкой печати последовательной критикой внутренней и внешней политики израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху,⁴⁷ подробно анализирует трагедию евреев в Барановичах. Примечательно, что хронологические рамки исследования Бракеля охватывают период с 1939 по 1944 гг. Историк продемонстрировал, таким образом, необходимость изучения нацистской оккупации Беларуси в широком контексте Второй Мировой войны.⁴⁸

⁴⁴ Bogdan Musial. Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung „Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944“ // VfZ 47 (1999) 4. S. 563–591.

⁴⁵ Bogdan Musial (ed.). Sowjetische Partisanen in Weißrussland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranoviči 1941–1944. Munich, 2004. Мусиал известен как автор ряда работ по истории войны между Германией и СССР, а также по истории советского партизанского движения. Bogdan Musial. „Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen“. Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin a. Munich, 2000; Id. Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn a. o. 2009.

⁴⁶ Felix Ackermann. Palimpsest Grodno. Nationalisierung, Nivellierung und Sowjetisierung einer mitteleuropäischen Stadt. 1919–1991. Wiesbaden, 2010.

⁴⁷ Alexander Brakel. „Ein großer Teil der israelischen Bevölkerung findet, dass 10 Jahre Netanjahu genug sind“ // kas.de (18. 9. 2019). www.kas.de/einzelteilt/-/content/ein-grosser-teil-der-israelischen-bevoelkerung-findet-dass-10-jahre-netanjahu-genug-sind

⁴⁸ Alexander Brakel. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicze 1939 bis 1944. Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher

Если нацистские преступления против евреев в Западной Беларуси частично нашли свое отражение в немецкой историографии,⁴⁹ то немецкие работы о Холокосте в восточных регионах республики (Витебская, Гомельская и Могилевская области) практически отсутствуют.⁵⁰ Куда лучше обстоит ситуация в случаях Минска и лагеря смерти Малый Тростенец: в Германии и Австрии вышел целый ряд исследований по истории Минского гетто и депортаций немецких и австрийских евреев в Минск.⁵¹ Сравнительный

Besatzung. Paderborn a. o., 2009. См. также Alexander Brakel. „Das aller gefährlichste ist die Wut der Bauern.“ Die Versorgung der Partisanen und ihr Verhältnis zur Zivilbevölkerung. Eine Fallstudie zum Gebiet Baranowicze 1941–1944 // VfZ 55 (2007) 3. S. 393–424.

⁴⁹ Холокосту в Глубоком (Витебская область) посвящено исследование Александра Фридмана. Alexander Friedman. Die Ghettoisierung der jüdischen Bevölkerung im ehemals polnischen Westweißrussland: Das Fallbeispiel der Stadt Hlybokae // KZ-Verbrechen. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager und ihrer Erinnerung. Eds. Wojtek Lenarczyk, Andreas Mix, Johannes Schwartz a. Veronika Springmann. Berlin, 2007. S. 15–31.

⁵⁰ Chrisitan Gerlach. Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilev, Belorussia // Holocaust and Genocide Studies 11 (1997) 1. S. 60–78; Ulrike Winkler/Gerrit Hohendorf, „Nun ist Mogiljow frei von Verrückten“. Die Ermordung der Psychiatriepatientinnen in Mogilew 1941/42 // Krieg und Psychiatrie 1914–1950. Eds. Babette Quinkert, Philipp Rauh a. Ulrike Winkler. Göttingen, 2010. S. 75–103; Alexander Friedman. Gli ebrei nella Bielorussia sovietica fra le due guerre e nei primi mesi de ll’Operazione „Barbarossa“: il caso di Borisov // Ideologi e geopolitica a ll’ombra della guerra fredda. Conflitti materiali e simbolici in Europa dal 1945 ai pimi anni Cinquanta. Eds. Davide Artico a. Brunello Mantelli. Turin, 2011, S. 47–61.

⁵¹ Staatsarchiv Bremen (ed.). „Es geht tatsächlich nach Minsk“. Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18. 11. 1941 in das Vernichtungslager Minsk. Bremen, 1992. Wilhelm Mosel. Wegweiser zu ehemaligen jüdischen Leidensstätten der Deportation von Hamburg nach Minsk. Hamburg, 1995; Uwe Gartenschläger. Die Stadt Minsk während der deutschen Besatzung (1941–1944). Dortmund, 2001; Paul Kohl (ed.). Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente. Dortmund, 2003;

Alfred Gottwaldt / Diana Schulle. Die „Judendeportationen“ aus dem Deutschen Reich 1941–1945. Eine kommentierte Chronologie. Wiesbaden, 2005. S. 84–97, 230–247; Clara Hecker. Deutsche Juden im Minsker Ghetto // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 56 (2008) 10. S. 823–843; Johannes Winter. Die verlorene Liebe der Ilse Stein. Deportation, Ghetto, Rettung.

анализ повседневной жизни представителей оккупационной администрации в Минске и Варшаве, их участие в Холокосте и восприятие геноцида евреев представил в 2010 г. Штефан Ленштаедт.⁵² Петра Рентроп стала в 2011 г. автором первой монографии по истории Минского гетто и лагеря смерти Малый Тростенец на немецком языке.⁵³ Особое внимание исследовательница уделила судьбе евреев, депортированных в Минск из-за рубежа.⁵⁴

В 2018 г. работу над своим фундаментальным двухтомным *opus magnum* (1381 страница) завершил историк Андрей Ангрик, изучавший «особую операцию 1005», во время которой нацисты с 1942 по 1945 гг. попытались замести следы своих преступлений на оккупированных территориях. В работе подробнейшим образом реконструирован и ход «особой операции 1005» в Беларуси.⁵⁵ В Германии Андрей Ангрик известен не только как автор целого ряда исследований о нацистских злодеяниях в Восточной Европе, но и как один из редакторов публикации специальных сообщений айнзацгрупп из СССР («Сообщения из СССР») в 2011 г.⁵⁶ Следует отметить, что публикация сборников

Frankfurt am Main, 2007; Waltraud Barton (ed.). *Ermordet in Maly Trostinec: Die österreichischen Opfer der Shoah in Weißrussland*. Wien, 2012.

⁵² Stephan Lehnstaedt. *Okkupation im Osten. Besatzeralltag in Warschau und Minsk 1939–1944*. Munich, 2010.

⁵³ Petra Rentrop. *Tatorte der „Endlösung“: Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez*. Berlin, 2011.

⁵⁴ Petra Rentrop-Koch. *Die „Sonderghettos“ für deutsche Jüdinnen und Juden im besetzten Minsk (1941–1943) // Deutsche Jüdinnen und Juden in Ghettos und Lagern (1941–1945). Łódź. Chelmno. Minsk. Riga. Auschwitz. Theresienstadt*. Ed. Beater Meyer a. Esther Yen. Berlin, 2017, S. 88–109.

⁵⁵ Andrej Angrick. „Aktion 1005“ – Spurenbeseitigung von NS-Massenverbrechen 1942–1945: Eine „geheime Reichssache“ im Spannungsfeld von Kriegswende und Propaganda. Göttingen, 2018.

⁵⁶ Andrej Angrick/Klaus-Michael Mallmann/Jürgen Matthäus/Martin Cüppers (eds.). *Die „Ereignismeldungen UdSSR“ 1941: Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion*. Darmstadt, 2011; Id. *Deutsche Besatzungsherrschaft in der UdSSR 1941–1945. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion*. Darmstadt, 2013. Отчеты айнзацгрупп были опубликованы в 1997 г. под редакцией Петера Кляйна (Peter Klein).

документов⁵⁷ и воспоминаний узников гетто и концлагерей⁵⁸ – характерная черта немецкой историографии Холокоста на оккупированных советских территориях. В качестве примера можно привести сборник «Юденрат Белостока: Документы из архива Белостокского гетто 1941–1943», подготовленный в 2010 г. Фреей Андерс, Катрин Штолль и Карстеном Вильке, который содержит архив юденрата, а также ряд статей о Холокосте в Белостоке, входившем с 1939 по 1941 гг. в состав Советской Беларуси.⁵⁹

Заключение

Различные акценты и формулировки в выступлениях президентов Беларуси и Германии на открытии мемориального комплекса «Тростенец» не стали случайностью или неожиданностью. Они наглядно отражают отношение к Холокосту и его восприятие в Беларуси и в Германии. Для официального Минска Катастрофа белорусского еврейства в годы нацистской оккупации остается чужой трагедией, а тема Холокоста играет незаметную роль в культуре памяти о войне, влечит жалкое существование на задворках официальной

Peter Klein (ed.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. Berlin, 1997.

⁵⁷ Wolfgang Benz/Konrad Kwiet/Jürgen Matthäus (eds.). Einsatz im „Reichskommissariat Ostland“: Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrussland 1941–1944. Berlin, 1998.

⁵⁸ Anna Krasnoperko, Briefe meiner Erinnerung. Mein Überleben im jüdischen Ghetto von 1941–1942. Villigst 1991; Heinz Rosenberg. Jahres des Schreckens... und ich blieb übrig, daß ich Dir's ansage. Göttingen, 1992; Ljuba I. Abramowitsch. Die faschistische Gehenna am Beispiel des Ghettos der Stadt Slonim. Hannover, 1995; Projektgruppe Belarus (ed.). „Dann kam die deutsche Macht“. Weißrussische Kinderhäftlinge in deutschen Konzentrationslagern 1941–1945. Cologne, 1999; Existiert das Ghetto noch?: Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 2003; Werner Müller (ed.). Aus dem Feuer gerissen. Die Geschichte des Pjotr Ruwinowitsch Rabzewitsch aus Pinsk. Cologne, 2001; Andrea Gotzes. Krieg und Vernichtung 1941–1945. Sowjetische Zeitungen erinnern sich. Darmstadt, 2006.

⁵⁹ Freia Anders/Katrin Stoll/Karsten Wilke (eds.). Der Judenrat von Białystok: Dokumente aus dem Archiv des Białystoker Ghettos 1941–1943. Paderborn a. o., 2010.

исторической науки и периодически (как в случаях мемориала «Тростенец» и памятника «Массив имен») используется во внешнеполитических и пропагандистских целях.⁶⁰ В Германии же Холокост, напротив, проходит красной нитью через общественно-политическую дискуссию, а осмысление нацистских преступлений стало моральной основой страны, оказывает важное влияние на внутреннюю и внешнюю политику ФРГ и остается в центре внимания историков. В качестве примеров можно привести нашумевшую речь федерального канцлера Ангелы Меркель в израильском Кнессете 18 марта 2008 г., в которой глава правительства, руководствуясь моральной ответственностью своей страны за нацистские злодеяния, назвала безопасность Израиля частью «национальных интересов» ФРГ, а также заявление федерального министра иностранных дел Германии Хайко Мааса, подчеркнувшего в марте 2018 г., что именно нацистские преступления против евреев в лагере смерти Аушвиц и желание не допустить повторения трагических событий прошлого стали определяющим фактором для его политической карьеры.

Изучение Холокоста на территории Беларуси началось в ФРГ еще в 1950-е гг., продолжилось в следующие годы в неблагоприятных условиях «холодной войны» между Востоком и Западом и стало частью осмысления истории «Третьего рейха» и нацистских преступлений. Завершение «холодной войны», распад СССР, открытие границ и архивов создали благоприятную почву для новых исследований, которые появились после 1991 г. и продолжают появляться в XXI столетии. Несмотря на то, что история Минского гетто и лагеря смерти Малый Тростенец нашла свое отражение в работах немецких и австрийских историков, до 2018 г. преступления нацистов против евреев в Беларуси оставались малоизвестны широкой общественности на Западе. Открытие нового мемориала в Малом Тростенце и официальные визиты немецких и австрийских делегаций привлекли внимание к

⁶⁰ Подробнее см. Леонид Смиловичский. Отношение к Холокосту в Советском Союзе и современной Беларуси // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio M* 1 (2016). S. 205–212.

Катастрофе евреев в Беларуси, и есть все основания думать, что данная тема займет важное место в немецкой и австрийской культуре памяти.

Кристиан Герлах, Бернхард Кьяри и их коллеги из Германии и Австрии внесли весомый вклад в изучение Холокоста в Беларуси. Тем не менее, существует целый ряд тем, которым немецкая историография до сих пор не уделяла серьезного внимания. Среди них можно выделить историю Холокоста в восточных областях Беларуси и роль белорусских коллаборационистов в преследовании и геноциде евреев.⁶¹ Эвристическим потенциалом обладают и сравнительные исследования Холокоста в различных регионах Восточной Европы.

⁶¹ Белорусской коллаборации посвящено исследование израильского историка Леонида Рейна: Leonid Rein: *The Kings and the Pawns. Collaboration in Byelorussia during World War II*. New York, 2011.

Холокост в Беларуси – геноцид евреев или белорусов?

*Д-р Леонид Смиловицкий, старший научный сотрудник,
руководитель проекта “История евреев Беларуси”
в Центре диаспоры им. Гольдштейна-Горена,
Тель-Авивский университет*

Взгляд в прошлое представляет собой интерес не только для историков. Отношение к прошлому активно используется политиками и способно даже привести к международным осложнениям. Примеров достаточно, стоит хотя бы вспомнить недавние события между Польшей и Израилем в связи с принятием в Варшаве закона об ответственности по обвинению поляков в геноциде евреев. В этой связи отношение к памяти о Холокoste в Беларуси имеет свои особенности. Утверждение белорусской стороны – «нас тоже убивали, поэтому незачем говорить об особом отношении нацистов к евреям» – долгое время препятствовало объективному освещению событий Холокоста в Беларуси.

Беларусь является единственной страной в Европе, где официально ставится знак равенства между террором и геноцидом, где эти совершенно разные понятия подаются как тождественные. Идея геноцида белорусского народа в годы нацистского нашествия пронизывает в Беларуси всю тему советско-германской войны, начиная от школьных учебников, вузовских курсов лекций и кончая диссертациями. Без этого не обходится ни одно популярное издание, художественное произведение, спектакль или кино. Этот тезис был воспринят от советской истории и продолжает использоваться после распада СССР и обретения независимости Беларуси в 1991 г.,

безраздельно господствуя в наши дни. Любое сомнение в его верности воспринимается в Беларуси крайне болезненно¹.

Когда же родился это миф и почему он до сих пор жив? Постараемся разобраться в этом вопросе. С началом советско-германской войны смертельная угроза нависла не над белорусами, как титульной нацией Белорусской ССР, а над евреями, которые вместе с беженцами из Польши в июне 1941 г. составили более одного миллиона человек или 10% от общего населения республики². По другим данным, в республике накануне немецкого вторжения проживали 7 млн. 880 тыс. белорусов (74,3%), 935 тыс. евреев (8,8%), 925 тыс. поляков, 590 тыс. русских (5,6%), 162,5 тыс. украинцев (1,5%), 90 тыс. литовцев (0,9%) и 6,5 тыс. немцев (0,06%).³

Опасность, которой подверглось еврейское население республики с началом войны, ни в коей мере не поддается сравнению с белорусами или русскими. Нацисты никогда не убивали белорусов по национальному признаку, тогда как еврейский младенец в колыбели уже своим рождением был обречен на уничтожение.⁴ В этой связи утверждать «нас тоже убивали» абсолютно неправомерно. Я приведу только несколько коротких примеров.

Пример первый. Летом 2019 г. я приехал в деревню Красное Молодечненского района Минской области, собирая материал для своей новой книги «По следам еврейских кладбищ Беларуси». В Красном в годы войны нацисты убили 2340 евреев, как из самого местечка, так и тех, кого сюда пригнали на работу в военно-ремонтные мастерские из

¹ А. Литвин. «Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии: общие черты и особенности» // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 г.). Москва, 2010, с. 67-86.

² Статистический справочник состояния народного хозяйства и культуры БССР к началу Великой Отечественной войны. Москва: Изд. СНК БССР, 1943, с. 25.

³ Д.А. Кривошней. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944). Москва, 2017, с. 5; НАРБ, ф. 510, оп. 1, д. 108, лл. 45-46.

⁴ Илья Альтман. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941-1945 гг. Москва, 2002.

Городка, Вилейки, Радошковичей, Молодечно, Илья, Лебедево, Ракова, Лиды и Барановичей. Я подошел к памятнику жертвам Холокоста. По соседству на крыльце деревенского дома пожилая женщина перебирала на зиму лук. Мы разговорились, я спросил, помнит ли она войну. Елизавете Григорьевне Крайко в 1941 г. было 8 лет. Отец ее был прикован к постели. Дома пять ртов, есть нечего. Пришли немцы, и отец Лизы взмолился – убейте скорее, все равно умирать от голода. Немцы его пожалели, детей угостили конфетами, сказали отцу, что он должен поправиться и вырастить своих детей, оставили продукты.⁵ Можно представить, что бы произошло, если бы это была еврейская семья.

Пример второй. В деревне Засковичи Лебедевского сельсовета Молодечненского района мне удалось записать рассказ Ивана Михайловича Рутковского – последнего живого свидетеля трагедии евреев в Засковичах. Будучи одиннадцатилетним мальчиком, он видел, как евреев из гетто убили за мостом реки Беничанка. По сведениям ЧГК СССР, в ноябре 1942 г. гестапо и жандармерия расстреляли в Засковичах 74 еврея, в основном, стариков, женщин и детей.⁶ Сергей Старикиевич в 2014 г. опубликовал списки этих жертв в своей книге *Просім у вас праbatchэння...*⁷ Иван Михайлович рассказал, как родители посыпали детей на немецкую кухню, где повар отдавал им остатки солдатского обеда. Немцы были рачительные люди и выбрасывать «добро» не могли. Но еврейских детей среди них не было.⁸

Пример третий. Я в гостях у Генуэфы Матвеевны Шиманович из д. Жупраны Ошмянского района Гродненской области летом 2019 г. Генуэфа рассказала, как в 1942 г. мама

⁵ Архив автора. Запись беседы с Елизаветой Григорьевной Крайко в д. Красное 28 июля 2019 г.

⁶ Shmuel Spector and Bracha Freundlich, eds., *Pinkas ha- kehilot. Encyclopedia of Jewish Communities: Poland*, vol. 8, Vilna, Bialystok, Nowogrodek (Jerusalem: Yad Vashem, 2005), pp. 350-351.

⁷ С. В. Старикивич. *Просім у вас праbatchэння...* Молодечно, 2014, с. 281; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7021, оп. 89, д. 9, лл. 21, 22.

⁸ Архив автора. Запись беседы с Иваном Михайловичем Рутковским в д. Засковичи 29 июля 2019 г.

водила ее в полицейский участок, где немецкий врач сделал операцию на голове – отстряг волосы и вскрыл воспалившийся фурункул.⁹ Я знал, что в конце 1942 г. из гетто Жупраны 128 евреев были депортированы в гетто Ошмяны, где они погибли.¹⁰ Белорусской девочке немцы помогли.

Пример четвертый. Профессор Лешек Беднарчук в Кракове в 2016 г. поделился со мной детскими воспоминаниями, которые до сих пор встают перед его глазами, когда он слышит о Холокосте. 21 сентября 1942 г. в деревне Кобыльник (с 1964 г. Нарочь) в Мядельском районе Минской области нацисты убили 120 чел., включая 51 ребёнка.¹¹ Утром следующего дня к Лешеку домой пришли голодные кошки из еврейских домов, которых некому было накормить. И пятилетний мальчик подумал, что же происходит, если его друзей, с которыми он играл, убили, а кошечки не тронули? Лешек-белорус нацистам был не нужен.¹²

Оставим за порогом нашего разговора советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. и Договор о дружбе и границе между Советским Союзом и нацистской Германией 28 сентября 1939 г., подписанный в Москве Риббентропом и Молотовым, вследствие которых старую границу разобрали, а новую не успели построить. Отметим только, что эти договоры привели к полному замалчиванию в СССР политики Германии в отношении евреев. С началом войны Белоруссия оказалась на главном московском направлении армий «Центр», местом жестоких сражений. Стремительное наступление немецких войск помешало бегству большинства евреев. В недавно присоединенных областях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтиki и Бессарабии советские пограничники

⁹ Архив автора. Запись беседы с Генуэйой Матвеевной Шиманович в д. Жупраны 4 августа 2019 г.

¹⁰ Irena Guzenberg et al., eds., *The Ghettos of Oshmyany, Svir, Švenčionys Regions: Lists of Prisoners, 1942*. Vilnius: Valstybinis Vilniaus Gaono žydu muziejus, 2009, s. 635.

¹¹ Yitzhak Siegelman, ed., *Sefer Kobylnik*. Haifa: Va'ad Yozei Kobylnik b'Israel, Committee of Former Residents of Kobylnik in Israel, 1967, p. 274.

¹² Архив автора. Запись беседы с профессором Лешеком Беднарчуком в Кракове 12 августа 2016 г.

препятствовали населению в пересечении "старой границы". Для евреев, как вскоре выяснилось, это означало смертный приговор. Очень важную роль играл фактор времени, помогавший осознать угрожавшую опасность. Минск был оккупирован 28 июня 1941 г., руководство же тайно покинуло город уже вечером 24 июня 1941 г. без объявления эвакуации. В результате там погибло почти 100 тыс. евреев, в Витебске – около 20 тыс. из 37 тыс. (оккупирован 11 июля 1941 г.), в Могилеве – 10 тыс. евреев из 20 тыс. (27 июля 1941 г.), в Гомеле – 4 тыс. из 40 тыс. (19 августа 1941 г.).¹³

Советские органы власти не предупреждали евреев прифронтовых областей о грозившей им смертельной опасности со стороны нацистов по двум причинам:

1. Теория советского интернационализма отвергала преимущество одной нации перед другой. Следуя такой логике, смертельная опасность угрожала всем, *каждому народу* в стране, подвергшейся агрессии;

2. Советское правительство и партийное руководство опасались своими действиями в поддержку евреев подтвердить утверждение нацистской пропаганды, что Германия ведет войну не против русского народа (белорусов и украинцев), а против евреев и большевиков, узурпировавших власть в СССР.

Красная Армия имела на вооружении доктрину наступательной, а не оборонительной войны, предполагая театр военных действий на чужой территории, поэтому специальные мероприятия по эвакуации населения отсутствовали. Напомним, кто отправился в эвакуацию: советские активисты, партийные работники и их семьи, члены семей военнослужащих, квалифицированные рабочие и специалисты вместе со своими предприятиями, мужчины, призванные по мобилизации и евреи.¹⁴

¹³ Леонид Смиловицкий. *Катастрофа евреев в Белоруссии*. Тель-Авив, 2000, с. 13.

¹⁴ Неизвестная эвакуация. Воспоминания еврейских беженцев СССР, 1941-1945 гг. Союз ученых-репатриантов Израиля, Иерусалим, 2015, с. 445-470.

Принятые в научной литературе оценки количества эвакуированных из Белоруссии (1-1,5 млн. чел.) не имеют под собой серьезной документальной базы¹⁵ и все чаще ставятся под сомнение.¹⁶ По подсчетам профессора Э.Г. Иоффе, изучившего именные списки эвакуированных, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), эти данные были завышены, по меньшей мере, в два-три раза.¹⁷ Олег Лицкевич считает, что если бы из областей Восточной Белоруссии выехали 1 млн. 500 тыс. чел. (притом, что 500 тыс. чел. были призваны в Красную Армию), то города бы обезлюдили.¹⁸

По оценке Вадима Дубсона, общая численность эвакуированного из Белоруссии в первые месяцы 1941 г. населения не превышала нескольких сотен тысяч человек.¹⁹ Анализ списков эвакуированных в НАРБ на 120 тыс. чел. показывает, что примерно половину от всех эвакуированных составляли евреи.²⁰ Из списков следует, что число выехавших евреев с начала войны составляет от 150 до 180 тыс. Следовательно, всего из БССР успело эвакуироваться до наступления осени 1941 г. около 360 тыс. чел., что в пять раз меньше, чем считалось ранее.²¹

¹⁵ Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. Москва, 1985, с. 802; Г.И. Олехнович. Трудящиеся Белоруссии – фронту. Минск, 1972, с. 25; Экономика советской Беларуси. 1917-1967 гг. Минск, 1967, с. 287.

¹⁶ В 1941 году все население Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей, из которых в основном и производилась эвакуация гражданского населения и мобилизация призывников, составляло около 4,3 млн. чел.

¹⁷ Э.Г. Иоффе. «Эвакуация из БССР в 1941 году и Вермахт» // *Беларусь и Германия: история и современность*. Материалы международной научной конференции (Минск, 2 мая 2006 г.). Минск, 2007, с. 15-16.

¹⁸ О. Лицкевич. «Людские потери Белоруссии в войне» // *Беларуская думка*, 2009, № 5, с. 94, 96.

¹⁹ V. Dubson. Toward a Central Database of Evacuated Soviet Jews' Names, for the Study of the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // *Holocaust and Genocide Studies*, 2012. Vol. 26, № 1, pp. 95-119.

²⁰ НАРБ, ф. 7, оп. 3, дд. 1963-1989.

²¹ Дитер Поль. Так сколько же?.. // Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и geopolитике Холокоста. Сост. А. Кох,

Подавляющее большинство гражданского населения из белорусов оставалось на местах. Люди не хотели бросать имущество и рисковать в дороге. Они не чувствовали угрозы для своей жизни, полагая, что война – это дело временное.²² Советские средства информации скрывали правду о положении на фронте. Эшелоны же с эвакуированными людьми обстреливались с воздуха. Путь в эвакуацию был связан с риском для жизни.²³

К концу лета 1941 г. был образован т. н. Генеральный Комиссариат Белоруссии, (Generalkommissariat Weißruthenien), входивший в Рейхскомиссариат «Остланд» (Reichskommissariat Ostland). К 1942 г. все земли к востоку от Бобруйска и Борисова были включены в состав армейского тыла группы армий «Центр». На юге все районы Гомельской и Брестской областей были присоединены к Рейхскомиссариату Украины (Reichskommissariat Ukraine), а северо-западная часть бывшей БССР включена в состав Восточной Пруссии. Это уже считалось Германией. Северо-восток края (Гродно-Браслав) отдали Генеральному округу «Литва» (Generalbezirk Litauen).

Генеральный Комиссариат Белоруссии был разделен на «гэбиты», те, в свою очередь, на поветы, а последние – на волости. Гэбитами руководили немцы или фольксдойче, а поветы подчинялись зондерфюрерам. Местному населению

П. Полян, Москва, 2008, с. 167; M. Altshuler. Ha-pinuy ve-ha-menuza shelyehudim mi-Belorussia ha-Mizrakhit bi-tkufat ha-Shoa, yuni-ogust 1941 // Yahad utzmanenu. 1986, № 3, pp. 119-158.

²² Спецсводка НКГБ БССР секретарю ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинов «О положительных и отрицательных настроениях населения в связи с военными действиями» 17 июля 1941 г. Гомель. // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.). Документы и материалы. Минск: НАРБ, 2006, с. 216-219. Подлинник хранится в НАРБ, ф. 4-п, оп. 29, д. 2, лл. 9-14.

²³ Докладная записка секретаря ЦК КП(б)Б П.З. Калинина секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину «О ходе эвакуации материальных ценностей и людей из Белорусской ССР». Гомель, 22 июля 1941 г.; Докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» 18 августа 1941 г. // ГАРФ, ф. 6822, оп. 1, д. 422, лл. 89-90, 93-96; Белорусы в советском тылу. Июль 1941-1944. Сборник документов и материалов. Минск: НАРБ, 2010, с. 9-15.

разрешалось выбирать городские, местечковые и волостные управы. Укрепляя свой тыл, немецкие власти открывали не только промышленные предприятия, учреждения, но и учебные заведения.²⁴

10 сентября 1941 г. Вильгельм Кубе, вступивший в должность гауляйтера Белоруссии, издал директиву «О временных школьных правилах», в которых разъяснялось, что немецкое командование будет проводить свою политику не с помощью «водки, махорки и нагайки», а направленную на «культурное возрождение». Все дети в возрасте от 7 до 14 лет, за исключением еврейских, должны были пойти в школу. Начали учебный год, как и планировалось, с 1 октября 1941 г. Определялись и учебные дисциплины: белорусский язык и литература, природоведение, ботаника и зоология, география, арифметика, пение, ручной труд и физическая культура. Занятия по закону Божему должны были проводиться вне школы. При этом подчеркивалась необходимость борьбы с «русской и польской идеологиями». Деятельность школ подчинялась Генеральному комиссариату в Минске, а в областях – окружным инспекторам.²⁵

Через год после начала войны под контролем немецкой гражданской администрации работали учебные округа: Барановичский, Борисовский, Вилейский, Ганцевический, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слуцкий и Слонимский. В них действовали тысячи школ и других учебных заведений. В Барановичах приступила к работе трехгодичная медицинская школа по подготовке акушерок, фармацевтов и медицинских сестер, дантистов и ветеринаров. Через некоторое время – художественная школа живописи и резьбы по дереву, дорожная школа и четырехгодичная административно-торговая школа. Оккупационные власти дали разрешение открыть школу портных в Городее и двухлетнюю ремесленную школу в Ляховичах, учительскую семинарию в Новогрудке и ремесленные учебные заведения в Кошелеве, Козловщине и Косове с одиннадцатью отделе-

²⁴ Л. Смілавіцкі. “Невядомыя старонкі беларускай школы. Гады нямецкай акупацыі (1941-1944)” // Полымя, № 12, 1994. С. 192-198.

²⁵ Раніца, Берлин. 25 декабря 1942.

ниями. В Вилейском учебном округе в Молодечно была открыта учительская семинария, в Радошковичах – лесная школа, торфомелиоративные курсы в Кривицах, земледельческие школы в Мяделе и Вязыне. В Сморгони работала торговая школа, в Марьиной Горке – сельскохозяйственная школа, в Гора-Горках – сельхозучилище, в Могилеве – медицинский институт, в Бобруйске – музыкальная школа и др.²⁶ В целом в Генеральном округе Белоруссия на конец 1941/42 учебного года функционировало 3485 школ, в которых обучалось 346 тыс. учащихся и преподавало 9716 учителей.²⁷

Языком преподавания был определен белорусский. В течение первых 6-8 месяцев после начала войны уже были готовы 10 учебников для школы, в том числе немецко-белорусский словарь, учебник по немецкому и белорусскому языкам, переиздано «Белорусское правописание» Бронислава Тарашкевича и его же «Грамматика». Кроме того, школьные учебники и пособия печатались в Германии, Варшаве, Вильно и Минске. В январе 1942 г. для помощи школам Главный школьный инспекторат начал издание специального журнала под названием «Белорусская школа». Передовая статья, открывавшая первый номер журнала, взывала:

*Наставники! Великий вождь германского народа Адольф Гитлер и его солдаты разрушили острог, в который были заточены чужаками жидами и их московскими прислужниками белорусы. Славный немецкий солдат открыл вам дорогу в культурный мир новой Европы. Немецкая власть дает вам собственные народные школы. Большевики превращали ваших детей в безвольных и бездушных последователей чужой системы. В новых школах снова засветило солнце белорусской культуры, немецкий солдат своей кровью сделал вас участниками великой мозаики национального творчества европейских народов.*²⁸

Главная ставка в школьном строительстве оккупантами делалась на пропаганду национальной исключительности белорусского народа. Наследие еврейской культуры в

²⁶ Беларусская школа, Минск. 1942. № 1-2, с 11.

²⁷ Ю. Туронек. Беларусь под немецкой оккупацией. Варшава, 1989. С. 67.

²⁸ Беларусская школа, Минск. 1942. № 1-2, с 1.

Белоруссии ставилось вне закона и подлежало немедленному искоренению. В апреле 1942 г. прошли районные учительские конференции в Молодечно (130 чел.), шестимесячные курсы для учителей Новогрудка, Барановичей, Несвижа, Глубокого (335 чел.). В августе – учительские конференции в Бегомле, Лиде, Юратишках, Ивье, Щучине, Желудке, Василишках. В Слуцке действовали волостные объединения учителей, которые собирались два раза в месяц.

Немецкое командование рассматривало школу как инструмент идеологического влияния на население оккупированной Белоруссии, стремясь с ее помощью оправдать свою карательную политику. При этом ставка делалась на разжигание межнациональной розни, противопоставление народов, населявших довоенную БССР, друг другу, вытравливание всего положительного, что было накоплено веками совместного проживания:

Каждый учитель-белорус, бурмистр, интеллигент, – писала «Белорусская школа», – не должен забывать, что мы – белорусы, что Белоруссия – только для белорусов. Осознание этого поможет подняться на надлежащую высоту. Мы обязаны навести железный порядок в школе, искоренить заведенную большевиками детскую распущенность и непослушание.²⁹

Работу школы дополняла «Белорусская самопомощь», в которой принимали участие учителя. Это была своего рода общественная культурно-просветительная организация. По немецким источникам, она объединяла до 17 тыс. членов и почти 80 тыс. кандидатов в члены. Как указывалось, в Уставе «Самопомощи», ее отделения обязаны помогать людям, «потерпевшим от войны и большевиков, вдовам и беженцам, проводить культурную работу с населением». «Самопомощь» открыла 51 дом белорусской культуры, 46 изб-читален, 16 библиотек, 67 хоровых кружков, 88 драматических студий, 24 танцевальных коллектива, 24 спортивных и 12 музыкальных

²⁹ *Белорусская школа*, Минск. 1942. № 1-2, с. 4.

кружков и объединений.³⁰ Это все к вопросу о геноциде белорусского народа.

Тезис о геноциде белорусского народа берет свое начало в Генеральном плане «Ост», идея которого была высказана в Берлине в 1940 г., а подробная разработка была выполнена к концу 1941 г. Текст самого плана «Ост» утерян. Сохранился только записанный по памяти протокол заседания о «Вопросах германизации» от 4 февраля 1942 г. и меморандум оберфюрера СС профессора Конрада Мейера «Генеральный план Ост» от 28 мая 1942 г. Этот документ, приобщенный американцами к материалам следствия по делу Мейера, был долгое время недоступен немецким историкам. В 2009 г. его полностью опубликовали на сайте Берлинского университета имени Гумбольдта.³¹

План «Ост» предусматривал принудительное выселение с оккупированных областей СССР от 75 до 85% населения и размещение его в Западной Сибири, на Северном Кавказе и в Южной Америке. План был рассчитан на 30 лет, а к его реализации предполагалось приступить после победы рейха в войне, но уже в 1943 г. в Германии от этого отказались. Но о самом геноциде белорусов, как и славян в целом, в плане «Ост» не сказано ни слова. В то же время уничтожение еврейской части населения захваченных территорий БССР началось немедленно после оккупации республики в сентябре 1941 г. и продолжилось в последующие месяцы.

Общесоюзное правительство использовало БССР как буферную зону на пути к Москве. Маленькая в общесоюзных масштабах республика (225,7 тыс. кв. км) с населением в 10 млн. 454 тыс. 900 чел. должна была любой ценой задержать продвижение врага. В рамках Советского Союза БССР фактически была искусственным государственным образова-

³⁰ Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 14, д. 9, лл. 8-12.

³¹ Генеральный план «ОСТ». Правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на Востоке. Представлен оберфюрером СС проф. Конрадом Майером (Берлин-Далем, 28 мая 1942 г.). Реконструкция и электронная публикация документа осуществлена в 2002 г. в рамках проекта <http://gplanost.x-berg.de>. Координатор – Маттиас Бурхард.

нием, интересы которого во внимание принимать не спешили. Все руководство республики (партийное, советское и военное) присыпалось из Союзного центра или подлежало обязательному утверждению в Москве. Отказ от политики белорусизации и идишизации в начале 1930-х годов и репрессии 1936-1939 гг. ликвидировали и без того немногочисленный интеллектуальный слой в БССР, как в крестьянской стране.

С началом войны из Москвы было выдвинуто требование не оставлять врагу ни грамма зерна, топлива, оборудования, средств производства. При этом судьба гражданского населения Беларуси, вынужденного остаться в оккупации (миллионов людей) во внимание не принималась. Как им было выжить? Однако этот приказ не был выполнен, как не получило развитие и массовое народное сопротивление оккупантам в республике.

До лета 1942 г. немногочисленные партизанские отряды в лесах Беларуси состояли из партийных активистов, советских работников, милиционеров, сотрудников госбезопасности, оставленных для подпольной работы, военнопленных, окруженцев и евреев, бежавших из гетто. Первые 14 партизанских отрядов (1162 чел.) были созданы уже 26 июня 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской областей. В их составе было 539 работников НКВД и 623 милиционера. Финансирование партизанской борьбы вплоть до середины 1942 г. осуществлял Народный комиссариат внутренних дел, когда эти функции были переданы Центральному штабу партизанского движения, созданному в Москве. Представители органов государственной безопасности принимали непосредственное участие в работе Центрального и местного штабов партизанского движения: пять из шести фронтовых штабов партизанского движения Белоруссии возглавляли чекисты.³² 1 мая 1942 г. появился приказ Сталина развернуть массовое партизанское движение на оккупированной территории. В уроцище Гороваха возле

³² Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941-1944 гг. Справочник. Под общей ред. Э. Г. Иоффе. Минск, 2009, с. 12-13.

г. Муром Владимирской области была создана партизанская школа, названная Особым белорусским сбором. С 1 мая по ноябрь 1942 г. в ней прошли обучение 2865 чел. Из них было сформировано и направлено в тыл противника Минской, Могилевской и Витебской областей 15 отрядов и 100 боевых групп. Каждый партизанский отряд состоял из 50 чел. во главе с командиром, комиссаром и начальником штаба. Эти люди были хорошо вооружены и снабжены портативными радиостанциями, среди них были подготовленные группы диверсантов, инструкторов-подрывников.³³

Действия советских кадровых военных в белорусских лесах должны были спровоцировать немецкие войска на карательные акции, чтобы разжечь пожар партизанской войны и заставить белорусов сопротивляться. Последствия партизанской войны для гражданского населения во внимание не принимались.³⁴ Более того, никто не ожидал, что масштабы коллaborации достигнут в Беларуси таких размеров. Сотрудничество с врагом подавалось исключительно как антисоветское проявление.³⁵

Если положить на одну чашу весов успехи партизан за три года войны в тылу врага, а на другую – последствия операций возмездия со стороны нацистов для мирного населения Беларуси, то соотношение окажется несопоставимым. Что

³³ НАРБ, ф. 753, оп. 1, д. 3, л. 11.

³⁴ Д. Каров. Партизанское движение в СССР, 1941-1945. Институт изучения истории и культуры СССР. Мюнхен, 1954; Soviet Partisans in WW2. Edited by John A. Armstrong. With a Foreword by Philip E. Mosely. University of Wisconsin Press, 1964; Harrison Evans Salisbury. The Unknown War. Bantam Books, 1978; Kenneth Slepian. Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II. Lawrence: University of Kansas, 2006.

³⁵ С.В. Жумаръ. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск: БелНИИДАД, 1996; И.Ю. Сервачинский. Коллаборационизм на оккупированной территории Белоруссии (июль 1941 – август 1944 гг.). Автореферат дис... канд. ист. наук. Минск, 1999; А.М. Ліцвін. Антисовецька ваенна-палицэйскія фармаванні на тэрыторыі Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Аўтарэферат дысс... доктара гіст. навук. Мінск, 2000; Martin Dean. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-1944. MacMillan Press. Hampshire, London, 2000.

стало поводом для уничтожения Хатыни? 22 марта 1943 г. партизаны отряда «Мститель» бригады «Дяди Васи» устроили засаду в лесу. В перестрелке каратели потеряли трёх человек, включая гауптмана Ганса Вёльке, который в 1936 г. стал чемпионом Олимпийских игр в толкании ядра и был лично знаком с Гитлером. Каратели из 118-го украинского полицейского батальона, и каратели СС Оскара Дирлевангера согнали всё население Хатыни в колхозный сарай, заперли и подожгли. В огне сгорели 149 жителей, из них 75 детей младше 16 лет. Спасти удалось двум девушкам – Марии Федорович и Юлии Климович, которые чудом смогли выбраться из горящего сарая и доползти до леса, где их подобрали жители деревни Хворостени Каменского сельсовета (позднее, и эта деревня была сожжена оккупантами, и обе девушки погибли). Единственным человеком, выжившим в сгоревшем сарае, оказался кузнец Иосиф Каминский, который вынес на руках своего умирающего сына Адама. Этот образ был использован архитекторами Ю. Градовым, В. Занковичем, Л. Левиным и скульптором С. Селихановым для создания мемориального комплекса «Хатынь» в 1969 г.³⁶

В Беларуси в годы войны целые районы и области были превращены в «зону пустыни». За время оккупации БССР было проведено свыше 140 карательных экспедиций с использованием артиллерии, танков и самолетов. За всё время немецкой оккупации было ликвидировано 630 населённых пунктов вместе с жителями, 5454 населённых пункта уничтожены с частью жителей.³⁷

К июлю 1944 г. вся территория республики была разорена, большинство городов и населенных пунктов сожжено. Промышленность и сельское хозяйство перестали существовать, население республики уменьшилось за годы войны с 10 млн. чел. до 6,5 млн. чел. Успехи партизан Беларуси, которые в годы войны должны были парализовать тыловые части вермахта и затруднить доставку подкрепления

³⁶ Хатынская стена памяти: документы и материалы. Сост. В.Д. Селеменев и др. Минск: НАРБ, 2016.

³⁷ Нямецка-фашисцкі генацыд на Беларусі (1941-1944). Документы і матэрыялы. Пад агульной рэд. Ул. Міхнюка. Мінск, 1995, с. 30.

к фронту, были намного преувеличены. Утверждается, что численность белорусских народных мстителей к концу войны превышала 1108 партизанских отрядов (374 тыс. чел.).³⁸ Однако, на самом деле, это не итоговое, а суммарное количество партизан за три года оккупации Беларуси. Если верить советским белорусским историкам, то с июня 1941 по июль 1944 г. партизанами было убито, ранено и взято в плен свыше 500 тыс. немецких солдат, офицеров и их пособников, разгромлено 948 штабов, подорвано 11 тыс. 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, 305 самолетов, 1355 танков, 18 тыс. 700 автомашин, взорвано 939 складов с боеприпасами.³⁹

Даже поверхностный анализ сведений, направленных партизанскими командирами из белорусских лесов в виде отчета о своей боевой деятельности в Москву, показывает, насколько они преувеличены. Разделим 11 тыс. 128 немецких военных эшелонов на 1580 дней (4 года войны) и получим, что партизаны ежедневно (!) устраивали крушение 7 поездов с военной техникой и живой силой противника, уничтожали 12 военных машин, убивали, ранили и пленили 316 карателей, полицейских, солдат и офицеров вермахта. Ежедневно? Бывшие мирные жители, дети, старики и женщины, взявшие в руки оружие, расстреливали как в тире профессиональных военных? Стоит ли удивляться, что немецкие данные о потерях в белорусских лесах в разы отличаются от сведений народных мстителей?

Партизанская агентура вела скрупулезный подсчет передвижения сил противника к фронту через территорию Белоруссии. Эти сведения накапливались в Белорусском штабе партизанского движения, созданном в 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандования под Москвой. Архив БШПД сегодня хранится в Национальном архиве Республики Беларусь в Минске. По его материалам можно вычислить количество, масштабы и интенсивность движения сил

³⁸ А.И. Залесский. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Минск, 1970, с. 14.

³⁹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): В 3 т. Минск, 1967, т. 3, с. 19.

противника к линии фронта через оккупированную БССР и понесенные при этом потери. Тогда можно составить объективное представление об эффективности действий партизан, а парадные реляции начальству в Москву отложить в сторону. Советская же статистика многократно завышена, и поэтому общенародный характер партизанской войны остается под вопросом.

После 1945 г. в Беларуси родился миф о том, что войну выиграли партизаны, которые нанесли непоправимый урон врагу и обеспечили победу Красной Армии.⁴⁰ При этом страдания и потери гражданского населения республики списывали на жестокость коварного врага. Советское руководство фактически использовало мирных жителей на оккупированной территории в качестве живого щита.

Исход войны решался не в лесах Беларуси партизанами, какими бы храбрыми они ни являлись, а регулярной Красной Армией под Москвой, в Сталинграде, под Курском, на Волге и Кавказе. Для того чтобы скрыть истинные причины потерь гражданского населения Беларуси в годы войны, советские историки придумали миф о геноциде белорусского народа. Другими словами, белорусов на партизанскую борьбу никто не провоцировал – у них не оставалось выбора. Исходя из плана «Ост», они должны были сопротивляться. Но это не так, сопротивление оккупантам белорусам навязали. Немцы никогда не убивали тех, кто им не сопротивлялся. Конечно, кроме евреев.

Евреев Беларуси постигла настоящая катастрофа. Из 1 млн. евреев было убито 800 тыс. чел.⁴¹ Кроме того, на территории республики погибло свыше 800 тыс. советских военнопленных и 300 тыс. мирных жителей-неевреев. Профессор

⁴⁰ Л.С. Мальцев. Военное искусство в партизанской борьбе // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941-1944 гг. Материалы международной научной конференции. Национальная Академия наук Беларуси, Минск, 25-26 июня 2009 г. Минск, 2009, с. 24-31.

⁴¹ L. Smilovitsky. A Demographic Profile of the Jews in Belorussia from the Pre-war to the Post-war time // *Journal of Genocide Research* (New York), vol. 5 (1) 2003, pp. 117-129.

Э.Г. Иоффе уточняет, что в дополнение к тем, кто умер на оккупированной и прифронтовой территории от голода, бомбёжек, артиллерийских обстрелов, тяжелых условий жизни, непосильного труда, были и другие категории нееврейского населения. Из числа угнанных в немецкое рабство погибли 173,2 тыс. чел. На фронте сложили голову 327 тыс. 108 чел., в партизанских отрядах – около 45 тыс. чел. Еще 336 тыс. уроженцев Беларуси погибли в немецком плену. От рук партизан нашли смерть около 55 тыс. полицейских и немецких пособников из местного населения.⁴²

Вместо этого в белорусской научной и популярной литературе, включая школьные и даже вузовские учебники, утверждается, что за годы войны в республике погиб каждый четвертый белорус (2,5 млн. чел.), именно «белорус», а не «житель Беларуси», куда можно было бы включить и евреев. Теперь пошли еще дальше, и говорится, что за годы войны погиб каждый третий (!) «белорус». Не удивительно, что все послевоенные годы трагедия Холокоста в Беларуси, как и в целом по СССР, замалчивалась. Для оправдания этой несправедливости хорошо служит миф о геноциде белорусского народа.⁴³

В современной Беларуси возможности освещения событий войны несравненно больше, чем в 1991 г., когда распался Советский Союз. Однако до сих пор следы советского подхода в истории Беларуси в прочтении истории военных лет совершенно очевидны. Память о войне отражена не только в устной истории (что люди помнят на уровне семьи, что им рассказывали их родители и деды), но и в архивах, музеях, библиотеках, учебниках. В Белорусской ССР все исторические и краеведческие музеи без исключения (школьные, районные, областные, республиканские) носили военно-патриотический характер. В нихувековечивался подвиг народа в борьбе с

⁴² Э.Г. Иоффе. «Ах, война, что наделала, подлая» // *Беларуская думка*, 2000, № 8, с. 147-152.

⁴³ Л. Смиловицкий. «Отношение к Холокосту в Советском Союзе и современной Беларуси». *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, sectio M – Balcaniensis et Car-patiiensis*. Vol. 1, № 1-2, 2016, pp. 205-2012. <http://journals.umcs.pl/bc/issue/view/322/showToc>

врагом, но при этом всегда умалчивалась ЦЕНА ПОБЕДЫ, без тени критики в адрес руководства партии и правительства, приведшего к этой трагедии.

Тема Холокоста в музеях Беларуси в 2019 г., как и еврейской истории в целом, отражена поверхностно или вообще отсутствует. Трудно представить, что это происходит спустя почти 80 лет после окончания Второй мировой войны и спустя почти 30 лет после обретения Беларусью своей независимости. В экспозиции современных музеев республики вы не встретите такие понятия, как «гетто», «Катастрофа европейского еврейства», «нацистский геноцид», «праведники народов мира», «оккупационная политика в отношении евреев», «массовые расстрелы евреев» или «роль евреев в партизанском движении», «антисемитизм среди партизан».

Подчеркнем при этом отсутствие прямых официальных запретов на использование темы Холокоста в музеях, как и средствах массовой информации Беларуси. При этом вам скажут, что в нашем местечке или городе до войны 50%, а то и 70% населения составляли евреи. Как это возможно? В музеях мне отвечали: старая концепция экспозиции, нет места, нет времени, не сведений, нет специалистов, нет средств на перестройку экспозиции, приходится заниматься посторонними вопросами (поручения районной власти), много текущей работы и т. д. Евреев забыли, не вспоминают, будто они вовсе не существовали. Поэтому не нужно удивляться, что до сих пор в Беларуси на местах массовых расстрелов евреев как жертв Холокоста вы прочитаете слова «советские граждане» или «мирные жители». Если там увидите шестиконечную звезду, слово «евреи», надпись на идише или иврите, то это памятники, возведенные на средства, собранные родными жертв нацистского геноцида и их потомками.

Последний пример – это государственный мемориальный комплекс «Малый Тростенец», открытый в июне 2015 г. на немецкие и австрийские деньги. В годы войны лагерь смерти к юго-востоку от Минска стал крупнейшим местом убийства мирного населения, главным образом евреев, не только в Беларуси, но и на всей территории Советского Союза (свыше

206 тыс. чел.)⁴⁴. После освобождения здесь было обнаружено 34 братские могилы, которые достигали в длину от 20 до 50 м, а также кремационные ямы-печи, где палачи сжигали на кострах тела своих жертв – расстрелянных, отравленных газом и даже живых людей. Обугленные скелеты утрамбовывали гусеничным трактором.⁴⁵ На мемориале посетители читают: «жители» Минского гетто, а слова «узники» нет. Написано «иностранные евреи», а «евреи Беларусь» не упомянуты. И нет ни одного магендавида... Металлические рельсы, которые нацисты использовали для устройства кремационных печей, создатели мемориала в 2015 г. сдали на металломолом.⁴⁶

Вся белорусская государственная история должна соотноситься с достижениями исторической науки других стран и общемировым опытом. В Беларусь должны появиться концептуальные научные исследования по истории Холокоста, должны быть открыты Государственный еврейский музей, музей Минского гетто, издана Энциклопедия евреев Беларусь, Энциклопедии праведников народов мира, в высших учебных заведениях должен читаться спецкурс «История Холокоста в Беларусь», проводиться научные конференции с участием государства, выдаваться гранты, стипендии, написаны учебники. Все это станет возможно только при условии, что на официальном уровне трагедия евреев в годы войны будет признана составной частью трагедии белорусского народа.

⁴⁴ В.И. Кошман. «Урочище Благовщина в системе лагеря Малый Тростенец как одно из мест уничтожения узников Минского гетто: взгляд археолога» // *Минское гетто: 75 лет спустя*. Труды исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Научный сборник. СПб: Алетейя, 2019, с. 90-105.

⁴⁵ Ганна Багданава. “Ахвяры і злачынцы нацысцкага лагера Малы Трасцянец: малавядомыя факты” // *Беларускі гістарычны часопіс*, № 6, 2019, с. 2-13.

⁴⁶ Л. Смиловицкий. «Холокост – неотъемлемая часть трагедии Беларусь». Интервью // Radio Free Europe/Radio Liberty, RFE/RL November 23, 2018 (Prague) https://www.svaboda.org/a/premium_no_12/29616574.html

Холокост в народной и исторической памяти в Узбекистане

Д-р Владимир Месамед, сотрудник Института Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме, политический обозреватель по вопросам Ирана и Ближнего Востока 9 ТВ-канала (Израиль)

В истории спасения евреев во время Второй мировой войны важную роль сыграл регион Центральной Азии. Расположенный там Узбекистан серьезным образом отразился в судьбе многих тысяч евреев, бежавших от Холокоста. Это одна из непостижимых глав еврейского выживания в XX веке, до сих пор до конца не изученного, долгие годы прикрытое пеленой завес. Ни для кого не секрет, что граждане СССР в массе своей были практически не осведомлены о том, что происходило в годы Холокоста на оккупированной фашистами территории страны. В десятилетия, предшествовавшие развалу Советского Союза, такая информация замалчивалась и была по большей мере частью семейной истории тех, кто выжил в это трагическое для еврейского народа время.

В октябре 1947 г., запретом издания подготовленной Ильей Эренбургом и Василием Гроссманом «Черной книги» о трагедии советского еврейства в годы Холокоста было практически наложено табу на такого рода публикации. Они не вписывались в сформировавшуюся еще летом 1943 г. официальную сталинскую доктрину о неразделении на национально-этнические категории убитых на земле СССР «мирных советских людей» и о «невыделении из их числа евреев»¹. Запрет был почти абсолютным, но через него

¹ Е. Шейнман. История одного стихотворения: <https://kstati.net/istoriya-odnogo-stihotvoreniya/>.

пробились «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова, одноименная поэма Евгения Евтушенко и написанная на ее основе Тринадцатая симфония Дмитрия Шостаковича, чуть позже – роман «Тяжелый песок» Анатолия Рыбакова, несколько повестей жившего тогда в Литве, а ныне в израильском городе Бат Яме прозаика Григория Кановица. Однако вот удивительный факт: еще осенью 1941 г.², когда ни в прессе, ни в литературе не звучало ни слова о планомерном уничтожении фашистами евреев на оккупированной территории, знаменитый узбекский поэт Гафур Гулям, узнав об этом от беженцев из Польши, которых тогда было много в Ташкенте, написал свое классическое стихотворение «Мен яхадийман» («Я – еврей»):

Я – ЕВРЕЙ

*Истоки евангелия
Скрыла столетий мгла,
Ветры изгрызли
пергаментов пыльный ворох.
А знаешь ли ты, что Христа создала
И сыном Марии его нарекла
старая еврейская Тора?
Я – еврей!*

*Э-эх!
Знал бы ты,
Сколько горя и слез
Я в скитаньях моих перенес,
Сколько я исходил стран.
Жизнь еврейская так не длинна,
Как дорога, которой идет
Бесконечно скитающийся караван...
И когда фараоны
по пустыням скакали за нами,*

² Н. Шукуров. Гафур Гуломнинг лирик поэзиядаги маҳорати. Тошкент, 1966. С. 87.

*И когда нас хватали
холодные лапы морей,
Сохранил гордый разум
отверженец и изгнаник
И дарил придорожным народам
крупицы культуры своей...
Я – еврей!
Эй, вампир!
Когда голос твой,
хриплый и резкий,
Поносит евреев
и этак, и так
Знает мир: это воет
Схвативший сена обрезки
И оставивший голову
в сенорезке ишак.
И когда ты кричишь на весь мир
нахально,
Что Гитлер, мол, “высшая” из всех пород,
Думаю, я, до чего похвально
Прирезать тебя, породистый скот!*

*Кровь народов смешалась миллионы раз.
И моя в народы вливалась без счета.
“Нация, религия, чистота рас...”
Еще придумаешь, что там?
Я – представитель людской расы,
По национальности я – ЧЕЛОВЕК!
Исчезнут с земли и расы и классы –
ЛЮДИ ОСТАНУТСЯ НАВЕК!³*

Процитируем отрывок из еще одного стихотворения Гафура Гуляма, написанного также в начале войны, ставшего в Узбекистане классикой и вошедшего, как «Я – еврей», в

³ Гафур Гулям. Избранные произведения. Ташкент: Издательство художественной литературы им. Г. Гуляма, 1976. С. 14-16 (Перевод С. Сомовой).

школьные учебники и хрестоматии этой страны⁴. Оно называется «Ты не сирота».

*Почему задрожал ты? Откуда испуг?
Может горе Одессы нахлынуло вдруг?
Иль трагедия Керчи? И в детском уме
Пронеслись, громыхая в пылающей тьме,*

*Кровожадные варвары, те, что губя
Все живое, едва не убили тебя!
Этот Гитлер – ублюдок, не знавший отца, –
Он не матерью – подлой гиеной рожден,
Отщепенец понурый с глазами скопца –
Цену детства как может почувствовать он?
Этот Гитлер – навозный коричневый жук,
Плотоядно тупые усы шевеля,
Захотел, чтобы свой предназначенный круг
По желанью его изменила земля.
Чтобы людям без крова по миру блуждать,
Чтобы детям без ласки людей умирать,
Но земле выносить его больше невмочь.
Спи спокойно, мой сын, скоро кончится ночь!
И продрогший простор словно сразу согрет
Полусолнной улыбки внезапным лучом.
Это скоро рассвет, это белый рассвет⁵.*

Эти строки были написаны в Узбекистане – не чужом краю для евреев, причем не только бухарских, считающихся автохтонным населением, но и ашкеназских, живущих здесь уже полтора столетия. В 1865 г. его нынешняя столица – Ташкент – была завоевана Российской империей, а через два года стала административным центром Туркестанского генерал-губернаторства (с 1886 г. – Туркестанский край) и Сырдарьинской области, входившей в его состав. Исторические факты свидетельствуют о том, что среди

⁴ См., например, Р. Турсунов, С. Максумхонов. Узбек адабиёти. 6-синф. Уқитувчилар учун кулланма. Ташкент, 2014. С. 57-59.

⁵ Гафур Гулям. Избранные произведения. С. 27-31.

военнослужащих, участвовавших во взятии города, были евреи-ашкенази – три солдата и унтер-офицер, которые остались жить в этом краю. В дальнейшем к ним присоединились другие отставные военнослужащие-евреи и члены их семей. В это же время в Ташкент стали переселяться евреи из Бухарского эмирата. К 1868 году общая численность еврейского населения города достигла примерно 200 чел. Несмотря на ограничения, еврейское население в Ташкенте быстро увеличивалась: так, по переписи 1897 г. в Ташкентском уезде проживали 1746 евреев (из них лишь 20% составляли ашкенази), в 1910 году в самом городе – около 3600. Среди ашкенази преобладали ремесленники и представители свободных профессий – врачи, типографы, журналисты, фотографы и другие. Бухарские евреи занимались главным образом торговлей и ремеслом.

В 1919 г. в условиях изменения политической ситуации в Ташкент прибыло много евреев, спасавшихся от погромов и голода на Украине и в Белоруссии; только в 1919-1920 гг. численность еврейского населения города увеличилась более чем вдвое. В 1920-30-х гг. приток евреев в Ташкент, ставший в 1930 г. столицей тогдашней Узбекской ССР, продолжался; среди них было немало ученых, врачей, инженеров, учителей, квалифицированных рабочих, содействовавших развитию в городе промышленности, науки, народного образования, здравоохранения. Здесь развивалась и еврейская культура на идише и бухарско-еврейском языках. В 1920-30-х гг. в Ташкенте на них выходили газеты и журналы.

Понятно, что основным населением города были узбеки, которые определяли его атмосферу. О гостеприимстве и отзывчивости этого народа ходили легенды. Об этом написан классический роман Александра Неверова «Ташкент – город хлебный»⁶. Его герой – двенадцатилетний мальчишка – едет в сказочный сытый город Ташкент добывать хлеб для умирающей от голода матери и братьев, живущих в Поволжье. Ташкент представлялся раем с добрыми и отзывчивыми

⁶ А.С. Неверов. *Ташкент – город хлебный*. Санкт-Петербург – Москва: Речь, 2015. 144 с.

восточными людьми, хотя он тоже голодал, как вся страна, стоял в очередях за военной «затиухой» – жидким мучным варевом, получал хлеб по карточкам. Роман А. Неверова повествует о 20-х годах, но подобное случилось и с началом Второй мировой войны. Как писала родившаяся и выросшая в Ташкенте израильская писательница Дина Рубина, в те годы жителей города опять испытали на душевное тепло, искренность и высшую терпимость к многотысячным толпам голодных и не всегда симпатичных «квартирантов», обрушившихся на город⁷.

Действительно, с началом войны, летом 1941 г., сюда устремился поток беженцев из европейской части СССР. Ташкент был крупнейшим городом тогдашней Средней Азии, промышленным и культурным центром, и именно он принял самое большое количество беженцев. Узбекистан стал местом, где нашли свой дом десятки тысяч евреев, спасающихся от Холокоста и сотни тысяч беженцев, бегущих от истребления в Европе.

Когда в самом начале войны, в Москве, на совещании руководителей республик Центральной Азии и сибирских регионов утверждали квоты эвакуированных и беженцев, Усман Юсупов, тогдашний первый секретарь ЦК КП Узбекистана, сказал: «Мы примем столько, сколько прибудут». Именно таковой оказалась и реальность. В республику хлынули полтора миллиона беженцев и эвакуированных. В их числе оказалось четверть миллиона евреев⁸. Евреи бежали от неминуемой смерти, ибо все, кто не успел уехать, попали в жернова Холокоста. По этой причине здесь оказались и беженцы из Польши, в которой фашистский оккупационный режим осуществлял планомерное уничтожение 3-х миллионной еврейской общины.

В годы Второй мировой войны, в 1941-42 гг., в Ташкент прибыли тысячи евреев из западных областей бывшего СССР, оккупированных фашистами; численность еврейского населения города достигла 200 тыс. человек. Сюда были

⁷ Дина Рубина: я ташкентский человек:
<https://stmegi.com/posts/57682/dina-rubina-ya-tashkentskiy-chelovek/>.

⁸ *Народное слово*, 7 мая 2017 г.

эвакуированы киностудии, где работали режиссеры-евреи М.И. Ромм, И. Хейфец, А.Г. Зархи, Г.М. Козинцев, Л. Трауберг, актеры-евреи; в городе разместился ряд научных учреждений и высших учебных заведений, среди сотрудников которых было немало евреев. Ташкент стал на время и местом спасения европейской театральной культуры, практически сгоревшей в пламени Холокоста. В этом городе до войны действовал еврейский театр. И когда началась война, «лучшего места для эвакуации еврейских театров трудно было придумать»⁹. Там оказалось целое созвездие еврейских театральных талантов, и первым из них был народный артист СССР Соломон Михоэлс. С. Михоэлс поставил несколько пьес в местных театрах, а в апреле 1942 г. стал художественным руководителем одного из них. Вместе с ним в Ташкент приехало более 50 артистов и сотрудников Московского Государственного Еврейского театра (ГОСЕТа). И если этот театр осенью 1943 г. вернулся в Москву, то коллективы Киевского, Харьковского, Одесского, Львовского, Белостокского, Молдавского еврейских театров находились в регионе до конца войны. Как пишет историк еврейского театра в Средней Азии Макс Вексельман, их спектакли и концерты шли не только на идише, но и на русском, узбекском, казахском языках¹⁰. Театры базировались не только в столице, но и на периферии.

Как поется в известной песне, «когда война опустошала и разрушала, гасила окна городов, его земля теплом дышала, давала людям хлеб и кров». Здесь ежесуточно принимали измученных и истощенных людей с их скучными пожитками. Каждый железнодорожный рейс доставлял сюда все новые потоки беженцев. Всех нужно было встретить, обеспечить жильем, работой, минимальным питанием. Жители города прямо с вокзала забирали в свои дома настрадавшихся людей, делились с ними последним.

Узбекистан стал второй родиной для большинства оставшихся в живых. Именно здесь согрели замерзших и

⁹ Александр Баршай. Атлантидиш по-ташкентски:
<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=10291>.

¹⁰ М. Вексельман. Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане (1933-1947). Иерусалим: Филобиблон, 2005. С. 173.

накормили голодных, дали им кровь, отнеслись с состраданием. Об одном из эпизодов такого подвига рассказал в своем фильме «Ты не сирота» известный узбекский кинорежиссер Шухрат Аббасов. Картина повествует о том, как ташкентский кузнец *Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри Акрамова усыновили и удочерили 14 детей разных национальностей, эвакуированных в Узбекистан из разных уголков СССР. В их числе был и еврейский мальчик. В начале 1980-х гг. на одной из центральных площадей столицы Узбекистана – Дружбы народов – был воздвигнут памятник кузнецу и его семье, получивший название «Дружбы народов». И сегодня он олицетворяет подвиг узбекского народа в годы войны.* В общей сложности узбекистанцы забрали под семейную опеку более 4,5 тысяч сирот разных национальностей. В Бухарской области власти даже не смогли удовлетворить многочисленные заявки местных жителей, разобравших всех эвакуированных детей на воспитание по семьям. При этом в трудное военное время жители республики делились с беженцами буквально последним куском хлеба, невзирая на собственные нужды и невзгоды. Так, в Ташкенте узбечка Хадича, воспитывая четырёх своих полуголодных детей и потеряв на фронте двоих старших сыновей, продала сапоги своего ребенка, чтобы купить молока и выходить девочку из семьи эвакуированных, желудок которой от истощения не принимал никакой другой пищи. И спасла её.

Бот несколько эпизодов той поры устами беженцев: «Узбеки очень гостеприимны и доброжелательны. В этом убедился лично. К нам во двор дома заходила девушка-узбечка лет 20 по имени Зухра. Она продавала козлиное молоко. Оказалось, что у неё дома маленький ребёнок, муж на фронте, проживает по соседству с нами. Девушка подружилась с мамой. Мы побывали у неё в гостях, познакомились с её родными, которые тепло нас встретили, угостили из своего сада фруктами. Наша дружба продолжалась долго, пока мы в 1944 году не вернулись из эвакуации на родину. Перед нашим отъездом Зухра вышила и подарила мне красочную узбекскую тюбетейку, которую я хранил долгие годы. Ташкент, который приютил нас в самые тяжёлые годы, оставил у меня самые

добрые чувства благодарности. Он стал очень родным и близким».

«Передвойной я жил с родителями в Минске. В июне 1941 г. маму, студентку мединститута, направили на практику в Могилев. Она взяла меня с собой. Там нас застала война. Спасаясь от фашистов, мы оказались в Ташкенте. Жили возле Алайского рынка, где соседями были несколько десятков семей разных национальностей. Мы сильно голодали. Иногда нас с мамой приглашала узбекская семья. Кормили нас обедом и давали продукты с собой. Это нас сильно выручало и дало возможность выжить».

«Меня зовут Яков, и я родом из Кременчуга. Когда началась война, мама с двумя детьми, спасаясь от истребления, бежала в Узбекистан. Мне было 10 лет, а брату – 4 года. Жили сначала в Янгиюле, потом – в Ташкенте. Коренные жители Узбекистана принимали беженцев с любовью, с добротой. Старались, чтобы у людей была крыша над головой, работа. Беженцы отвечали им тем же – добротой, вниманием».

«Я, Иосиф Васерман, родился в Молдове 17 сентября 1934 г. в г. Флорешти. В июне 1941 г. я с мамой и младшим братом эвакуировались сначала в Украину, а затем в Наманган. Я и моя семья очень благодарны Узбекистану. Всегда помним дорогой узбекский народ. Без него вряд ли мы бы выжили. Спасибо! Спасибо! Рахмат!»¹¹.

Вот свидетельство видного российского актера театра и кино Леонида Броневого: «Нас, оборванцев, голодных, вшивых, сирых и убогих в военные годы приютили узбеки, казахи, таджики. Они пускали эвакуированных под крыши своих домов, последней лепешкой с ними делились»¹².

Закончилась Вторая мировая война, большинство евреев, эвакуированных в Среднюю Азию, в том числе Узбекистан и его столицу Ташкент, вернулись к себе домой. В бытовом сознании все эти годы хранились воспоминания о годах тяжелых испытаний. Стихотворения поэта-классика Гафура Гуляма вошли в сокровищницу узбекской литературы, что,

¹¹ «Мы примем, сколько прибудут»: www.isrageo.com.

¹² Урок порядочности от Броневого:
<http://9tv.co.il/news/2014/12/16/192363.html>.

несомненно, способствовало сохранению памяти об этом среди коренного населения Узбекистана. В годы моей учебы на Восточном факультете Ташкентского государственного университета мне не раз приходилось убеждаться в том, что подвиг народов Узбекистана в годы войны культивируется как одно из важных событий недавней истории. В целом, сюжет дружбы народов довольно широко использовался в советское время для актуализации успешности самой идеи устройства советского строя. В Узбекистане как части СССР, своеобразной витрине достижений СССР на Востоке, этот сюжет был более выпуклым как на внутреннем, так и на внешнем поле. Соседним странам типа Афганистана он демонстрировал преимущества социализма, внутри Узбекистана он работал как фактор укрепления патриотизма и национальной идентичности. Вряд ли в таком рассуждении звучало слово Холокост, но в этом плане Узбекистан ничем не отличался от других республик бывшего СССР.

Что же изменилось после развода СССР и обретения его республиками национальной независимости? Во-первых, изучению трагедии Холокоста уделяется все больше внимания, чему способствует деятельность еврейских организаций и повсеместно работающих на постсоветском пространстве Посольств Государства Израиль. Тема Катастрофы восточноевропейского еврейства не является обязательной для преподавания в учреждениях образования, однако она фрагментарно включена в учебный материал по истории Второй мировой войны, где школьникам даются данные о депортации ряда народов СССР с территорий их компактного расселения и уничтожении миллионов евреев. При этом надо отметить, что евреи не выделяются из общего ряда жертв фашистских злодеяний. Речь о Холокосте идет и на уроках литературы, религии и этики, тем более, что, как отмечено выше, тематика Холокоста нашла отражение в ряде классических произведений узбекской литературы XX в.

По данным МИД Республики Узбекистан, в стране принято следующее определение понятия Холокоста: «физическое уничтожение (геноцид) еврейского народа во время Второй мировой войны». Эта тема часто изучается на

семинарах для преподавателей в контексте толерантности и этнических конфликтов. В течение последних десятилетий в Узбекистане регулярно проходят мероприятия, посвященные памяти жертв Холокоста. Они проводятся в рамках международного Дня памяти жертв Холокоста, а также являются частью национального Дня памяти, который отмечается 9 мая. Несомненно, памятные мероприятия проводятся и местными еврейскими общинами.

В молодежном клубе Израильского культурного центра в Ташкенте регулярно организуются тематические программы, посвященные годовщинам Холокоста. К ним готовятся экспозиции, включающие фотографии, видеоматериалы и свидетельства узников лагерей смерти. Звучат рассказы об ужасающих условиях, в которых находились люди в концлагерях; внуки и дети выживших в Катастрофе делятся семейными историями. Несколько лет назад была высказана и начала реализовываться инициатива молодых людей поговорить со своими родными и записать их истории. Ежегодно в этом центре проходит траурная церемония, вновь напоминающая о трагических событиях Холокоста. На одной из них прозвучал трогательный рассказ о 700 еврейских детях, которые были спасены благодаря жителям Самарканда.

К теме эвакуации в Узбекистан в годы Второй мировой войны в этой стране привлечено большое общественное внимание. В сентябре 2019 г. в Ташкенте прошла Международная научная конференция «Эшелоны идут на восток». На ней был поставлен вопрос о том, что в стране до сих пор нет специализированного музея. Именно эвакуация сохранила в те годы жизни миллионов беженцев, 2700 предприятий, промышленный, научный, творческий потенциал. Но Узбекистан не только принимал беженцев: тысячи его жителей добровольно обратились в военкоматы с просьбой отправить их на поля сражений. Из 6,5 млн. жителей Узбекистана, как писала 8 мая 1984 г. газета «Правда Востока», на фронт ушли более 1,4 млн., причем почти 659 тыс. погибли или пропали без вести.

В нынешнем году стало известно, что в одном из крупнейших в мире Мемориальном музее памяти жертв

Холокоста в Вашингтоне при участии Государственного архивного агентства Узбекистана открывается специальный раздел, посвященный вкладу этой страны в сохранение жизни евреев, бежавших сюда во имя спасения жизни. Цель открытия этого раздела директор музея Сара Блумфилд объяснила следующим образом: «Гуманность узбекского народа, проявленная во время Второй мировой войны, является истинным показателем великодушия и толерантности. Несомненно, весь мир должен знать данный вклад Узбекистана, который стал не убежищем, а домом для миллионов представителей разных национальностей, в том числе сотен тысяч евреев»¹³. Насущно необходимо открытие подобного уголка и в Мемориале Яд Вашем в Иерусалиме. Неоднократные обращения по этому поводу, предпринятые, в частности, послом Узбекистана в Израиле в 2008-2017 гг. Ойбеком Эшоновым, не имели, к сожалению, никакого эффекта.

Безусловно, для еще большего ознакомления граждан Узбекистана с проблематикой Холокоста важны и проводящиеся в стране разнообразные выставки. Одна из них прошла в январе 2019 г. в Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека и называлась «ШОА – Холокост. Как человек мог сотворить такое!». Еще одним важным событием в познании Холокоста жителями Узбекистана стал приезд в Ташкент в мае 2019 г. известного израильского режиссера-документалиста Бориса Мафцира, который представил свой проект «По следам неизвестного Холокоста». Он состоит из восьми фильмов, посвященных миллионам погибших в концлагерях и гетто на территории СССР. Его мать, семья которой погибла в рижском гетто, в те страшные годы смогла добраться до узбекского города Ферганы и пережить там войну.

Из общественно значимых мероприятий по сохранению памяти о Холокосте можно назвать и выставку «Не по долгу службы, а по зову сердца», которая прошла в рамках

¹³ Раздел Узбекистана откроется в Мемориальном музее жертв Холокоста: <https://fergana.agency/news/108558>, 28 июня 2019 г.

Международного дня памяти жертв Холокоста в стенах Университета мировой экономики и дипломатии в Ташкенте. Она была посвящена дипломатам 21-й страны мира, которые, несмотря на угрозу собственной жизни, спасали евреев от уничтожения нацистами во время Второй мировой войны и были признаны Праведниками народов мира.

Проведение этой выставки в столице Узбекистана еще раз подчеркнуло значимость темы Холокоста для этой страны, акцентировало тот факт, что в тяжелые годы Узбекистан стал местом спасения для многих тысяч евреев. Об этом идет речь в снятом в 2016 г. на киностудии «Фаввора-фильм» полнометражном документальном фильме «Большое сердце Ташкента», созданном «на основе богатейших архивных и видеоматериалов, свидетельств очевидцев»¹⁴. Это настоящая киноповесть о подвиге узбекского народа. Ее авторы – известный журналист Борис Бабаев, режиссер Хаджимурат Валиев и другие члены съемочной группы – провели огромную работу, использовав материалы, которые они собирали по всему миру. Как писали СМИ, фильм получился глубоким по содержанию, волнующе эмоциональным и запоминающимся. Посол Израиля в Узбекистане Кармела Шамир сказала по этому поводу, что эта часть истории Узбекистана «очень вдохновляющая и должна быть включена в учебники истории всех стран»¹⁵. Узбекистан стал местом спасения тех, кто мог погибнуть в ходе беспощадной войны, стать жертвой гитлеровской бредовой идеи тотального уничтожения еврейского народа. Кроме неоднократной демонстрации фильма по всем телеканалам Узбекистана, он не раз демонстрировался во многих странах мира. Недавно на экраны Узбекистана вышел фильм «Последнее лето детства», который снял известный режиссер Наби Рazzаков, который также повествует об этой важной странице истории Узбекистана. Несомненно, вся деятельность подобного рода будет способствовать сохранению памяти о Холокосте в Республике Узбекистан.

¹⁴ Б. Бабаев. Большое сердце Ташкента. Ташкент: Издательство Национальной библиотеки Узбекистана им. А. Навои, 2017. С. 11.

¹⁵ *Народное слово*, 7 мая 2017 г.

Отметим в заключение, что тема Холокоста находится к настоящему времени в Узбекистане, как и в других государствах бывшего СССР, на периферии общественной дискуссии, и если и затрагивается, то в значительной части в мероприятиях, организуемых и спонсируемых силами Посольства Израиля в Республике Узбекистан и местных еврейских организаций. Систематизированного и полного отражения тематики Холокоста как глобального явления XX в. в научной, учебной и популярной литературе на узбекском языке почти не отмечено. Государство практически не участвует в финансировании исследований по теме Холокоста, которому не находится реального места в строительстве национальной идеологии. Главным, хотя и достаточно опосредованным отражением Холокоста, остаются несколько произведений известных узбекских литераторов, о которых речь шла выше. Тематика спасения евреев в годы войны в Узбекистане получила реализацию и в ряде фильмов, способствовавших увековечению традиционных черт узбекского народа – доброты, отзывчивости, вниманию к чужому горю, милосердию, гостеприимству. В музеях Узбекистана эта тема получила лишь фрагментарное освещение в экспозициях, посвященных роли Узбекистана в победе СССР во Второй мировой войне. Изучение Холокоста как трагического явления XX в. должно стать важным импульсом в осуществлении демократических процессов и строительстве гражданского общества в Республике Узбекистан.

Память о Холокосте как инструмент внутренней и внешней политики

*Д-р Арон Шнеер,
бывший научный сотрудник «Яд Вашем», Национального
института памяти жертв Катастрофы восточно-
европейского еврейства и героев сопротивления (Иерусалим)*

Уже предшествовавшие Холокосту события, ставшие его составляющей, влияли на внутреннюю и внешнюю политику некоторых государств и международные отношения.

После прихода Гитлера к власти антисемитизм из важнейшего фактора нацистской пропаганды стал одной из основ внутренней политики Третьего Рейха. В результате евреи стали покидать Германию. Это породило проблему, на которую страны мира вынуждены были реагировать. В октябре 1933 г. при Лиге наций было создано специальное ведомство Верховного комиссара по делам беженцев. Для оказания помощи евреям Германии 8-15 августа 1936 г. в Женеве собрался Всемирный еврейский конгресс. В Британии был создан комитет помощи немецким евреям.

Многие политики считали преследование евреев внутренним делом Германии, не хотели принимать евреев-беженцев. Для решения этой проблемы в июле 1938 г. под эгидой Лиги наций в Эвиане прошла конференция с участием 32 стран. Однако еще до начала конференции ее участники получили заверение, что ни одной из стран не придётся менять эмиграционные законы. Англия приняла участие в конференции при условии, что вопрос о въезде евреев в Палестину не будет в повестке дня.

Всем известна история корабля «Сент-Луис» с беженцами из Германии в мае 1939 г. После отказа Кубы принять

беженцев последовало обращение к США. Однако и США отказали («иммиграционная квота исчерпана»). Канада также не приняла беженцев. 7 ноября 2018 г. премьер-министр Канады Джастин Трюдо официально извинился за отказ принять «Сент-Луис».

В Наркоминдел СССР еврейская тема тоже звучала неоднократно. Так, замнаркома иностранных дел СССР Потемкин 17 декабря 1939 г. беседовал с послом Германии Шулленбургом о насильственной переброске польских евреев на территорию СССР, указав, что при обратной отправке евреев на германскую территорию немецкие пограничники открывают огонь, в результате чего десятки людей оказываются убитыми. Шулленбург заявил, что потребует у Берлина прекращения насильственной переброски евреев на территорию СССР¹.

9 февраля 1940 г. начальник и председатель коллегии Переселенческого комитета при СНК СССР Е. М. Чекменев сообщил Председателю СНК В. М. Молотову о том, что получил два письма от Берлинского и Венского бюро по эмиграции с предложением переселить евреев Германии и Австрии в СССР – Биробиджан и Западную Украину. Чекменев пишет Молотову: «Считаем, что эти предложения не могут быть приняты»².

Я не говорю о причинах отказа³. Важен факт, что этапы предхолокоста были известны и рассматривались дипломатическими ведомствами многих государств еще до войны на самом высоком уровне. Однако мир равнодушно отвернулся от преследований евреев, и тем самым дал Гитлеру карт-бланш на окончательное решение еврейского вопроса. Однако нашлись дипломаты, которые на свой страх и риск

¹ Документы внешней политики. 1939 год. Редколлегия: В.Г. Комплектов и др. Москва: Международные отношения, 1992. Т. 22, книга 2, с. 421.

² Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Москва: Международные отношения, 2001, с. 188-189. Авторами писем были: от Берлинского бюро Адольф Эйхман, а от Венского – начальник венской полиции, штурмбанфюрер СС Франц Йозеф Хубер.

³ О вероятных причинах см.: П. Полян. Недостающее звено в предыстории Холокоста. Журнал «Неприкосновенный запас». 2006. № 47. <https://polit.ru/article/2006/11/08/holokost/>.

спасали евреев. 36 поslам и дипработникам разных стран присвоено звание «Праведник народов мира».

Естественно, что сразу после войны у евреев возникло стремление достойно увековечить память убитых соплеменников. В восстановленных еврейских общинах Центральной и Западной Европы, даже в некоторых странах социалистического лагеря (Чехословакия, Польша) при официальной поддержке были созданы мемориалы, книги Памяти. В Советском Союзе ни о какой поддержке со стороны властей не могло быть и речи. Наоборот, было сознательное целенаправленное противодействие советских и партийных органов любым попыткам евреев увековечить память погибших. В 1946 г. евреи Каменец-Подольска обратились в горсовет с просьбой «отметить траурный день, когда наши матери, отцы и безвинные дети были расстреляны и замучены». Горсовет отказал⁴. Горсовет Черновиц на просьбу установить памятник убитым евреям ответил: «сооружение памятника по национальному признаку противоречит нашему мировоззрению»⁵.

Лишь многолетние обращения в советские и партийные органы рижских евреев об установлении памятного камня на месте расстрела 25 тысяч рижских евреев в Румбуле заставили местные власти дать согласие на его установку с надписью на латышском, русском и идиш: «Жертвам фашизма».

Запрет на увековечивание памяти жертв евреев был одним из важнейших способов замалчивания Холокоста на территории СССР. Неприличное слово «евреи» на обелисках заменили эвфемизмом – «советские граждане», либо «жертвы фашизма», что было правдой, однако это стало удобной завесой для сокрытия факта уничтожения евреев.

В 1961 г. Е. Евтушенко написал «Бабий Яр». Стихи вызвали бурную полемику, которая выявила литературных, политических, номенклатурных антисемитов. За публикацию поэмы уволили редактора «Литературной газеты» Валерия

⁴ М. Мицель. Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. Вип.1 (2). Київ, 2007, с. 10.

⁵ Там же, с. 13 (ЦГАОУ, ф. 1, оп. 31, д. 2647, л. 105).

Косолапова. Публичное чтение поэмы было запрещено до начала перестройки.

Замалчивание трагедии в 60-70 годы привело евреев к борьбе за увековечивание памяти погибших, к нелегальному изучению истории Холокоста, усилило национальное самосознание евреев, способствовало принятию многими решения о выезде в Израиль.

Во время перестройки в СССР и после нее в бывших советских республиках возникли многочисленные еврейские организации. Одной из их задач стало возвращение и сохранение памяти о Холокосте. Эта деятельность в большей или меньшей степени поддерживалась официально.

Сегодня проблемы сохранения памяти не только жертв Холокоста, но событий Второй мировой войны имеют свои особенности. Историческая память все более политизируется. В некоторых странах Европы, включая постсоветское пространство, радикальное националистическое, порой фашистующее меньшинство навязывает государственную политику и свои приоритеты памяти.

Увековечение тех или иных событий, исторических деятелей свидетельствует об отношении государства, местной власти и населения к прошлому. Любой народ всегда стремится в собственных глазах выглядеть высоконравственным. Выбор героев и объектов поклонения свидетельствует об идеологических приоритетах, духовности, морали народа и политиков, его представляющих. У каждого народа своя историческая память, свои объекты и субъекты этой памяти. Причем и те, и другие порой противоречиво оцениваются и воспринимаются разными политическими и национальными группами. Такое восприятие может быть в среде одного и того же народа, например, Николай II, Сталин, генерал Власов, Маннергейм.

Противостояние еще более обостряется, когда в представлении одного народа некие лица или организации считаются героями, а другой видит в них убийц и преступников. Например, С. Бандера, Р. Шухевич, Гарегин Тер-Арутюнян (Нжде), ОУН, УПА, латышский и эstonский легионы СС. События, важные для одной группы населения,

могут совершенно не восприниматься другой. Так, День победы в Прибалтике и сегодняшней Украине противостоит дням памяти латышского и эstonского легионов СС, дивизии СС «Галичина», дню рождения Бандеры. Все это напрямую связано с памятью о Холокосте.

Будучи в Вильнюсе, я был приятно удивлен тем, что территория бывшего гетто содергится в порядке. Но есть прискорбное противоречие. Президент Литвы Валдас Адамкус в 2002 г. присвоил посмертно звания полковников, как сказано, «организаторам антинацистского и антисоветского сопротивления в Литве» Антанасу Балтусису, Винцасу Каулинису, Йонасу Крикштапонису. Они в пантеоне национальных героев Литвы. Однако все трое участвовали в убийстве евреев. Балтусис, командир роты 252-го полицейского батальона, охранявшего концлагерь Майданек⁶, участвовал в массовых расстрелах узников. Каулинис – начальник полиции Вильнюсского края, в котором убили более 100 тысяч евреев. Крикштапонис – командир взвода 2-го полицейского батальона. Осенью 1941 г. этот батальон расстрелял в Белоруссии около 46 тысяч человек, в основном евреев⁷, но это не помешало назвать площадь в Укмерге в честь Крикштапониса⁸.

7 ноября этого года в очередной раз Третий комитет Генассамблеи ООН принял российский проект Антинацистской резолюции о борьбе с героизацией в любой форме нацистского движения, членов Ваффен СС, о проведении демонстраций, прославляющих нацистское прошлое, объявлении или попытках объявить тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции, сотрудничал с нацистским движением и совершил военные преступления, участниками национально-освободительных движений, а также переименовании улиц в целях их героизации, об осквернении или разрушении памятников, в честь тех, кто боролся против

⁶ Pocius, Mindaugas. Kita Ménuliopusė: Lietuvos partizanų kovas u kolaboravimu 1944–1953 metais. Vilnius: LIU leidykla, 2009. P. 280.

⁷ <http://defendinghistory.com/category/balciunas-evaldas>.

⁸ <https://www.obzor.lt/news/n13849.html>.

нацизма. Поддержала документ 121 страна, 55 воздержались, и только США и Украина, как обычно, высказались против⁹.

Россия занимает жесткую последовательную позицию, которая полностью совпадает с официальной позицией Израиля, в оценке событий Великой Отечественной войны и роли коллаборационистов: нет, и не может быть места прославлению соучастников нацистских преступлений. Сохранению памяти о Холокосте в России способствует Научно-просветительский центр «Холокост». Он дважды получал президентский грант для своей осуществления деятельности. С 2009 года действует программа «Вернуть достоинство». В ней участвуют: Фонд евангельских христиан России «Эвен Эзер», Центр «Холокост», Российский еврейский конгресс. В результате при поддержке местной администрации за 10 лет в России открыто 67 памятников на местах массовых убийств евреев в годы войны. По сообщению ТАСС, и этот факт важен, только с 11 по 15 ноября этого года в России были открыты пять памятников на местах массовых убийств евреев. Установлены обелиски со звездой Давида и плиты с именами погибших, четыре – в Ставропольском крае, а пятый – в городе Велиж Смоленской области¹⁰.

В сегодняшней России о Холокосте говорят не только в Еврейском музее и центре толерантности в Москве, который, что важно, посещается людьми разных национальностей. Трагедия Холокоста, точнее, желание подчеркнуть роль солдат Красной Армии в еврейском сопротивлении, вызвало появление фильма «Собибор». У него есть художественные и исторические неточности. Но главное – он вышел, и тема Холокоста по-новому прозвучала в России. Появились улица, самолет, пассажирский поезд, носящие имя Александра Печерского. Чрезвычайно важно участие 4 июня 2019 г. в открытии памятника Героям сопротивления в фашистских концлагерях и еврейских гетто Президента России. Ибо он, его слова задают вектор памяти и отношения к Холокосту в России. Путин сказал: «Я очень рад быть сегодня здесь.

⁹ США и Украина не поддержали в ООН резолюцию РФ против героизации нацизма. <https://ria.ru/20191108/1560696658.html>.

¹⁰ <http://tass.ru/obschestvo/7095090>.

Памятники – это хорошо, это нужно, но самое главное – чтобы мы сохранили память об этом в наших сердцах, в нашей душе. <...> То, что произошло с еврейским народом, это, безусловно, одна из самых трагических и вместе с тем великих страниц не только в истории еврейского народа, а в мировой истории»¹¹.

Сохранение памяти о Холокосте является одним из внешнеполитических инструментов МИДа для создания положительного имиджа России. Этому помогает выставка «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение», созданная Центром «Холокост». Эта выставка рассказывает о трагедии евреев, способствует формированию в мире образа Красной Армии как армии освобождения и спасения от нацистов. На английском, немецком, испанском, чешском, словацком, иврите, русском языках за три года при поддержке МИДа выставка демонстрировалась в Госдуме, в ООН, ОБСЕ, Совете Европы, штаб-квартире ЮНЕСКО, парламентах Австрии, Словакии, Чехии, Израиля, была в Лондоне и Берлине, побывала в Уругвае. 17 ноября выставка открылась в Мюнхене и Нюрнберге. Это направление деятельности МИДа является не только пропагандой, но способствует также развитию и укреплению контактов с влиятельными в некоторых странах еврейскими политиками и еврейскими общинами, способствует проведению внешнеполитического курса России.

Попытка Гитлера уничтожить европейское еврейство вывела еврейскую проблему на сцену мировой политики, и эта драма – «Холокост, евреи и современный мир» – играется и сегодня. К сожалению, приходится констатировать, что антисемитизм, ревизионизм истории Холокоста и сегодня являются потенциальной силой в политике, международных делах и обществе. Эта трагедия активно используется политиками разных стран для достижения своих внутри- и внешнеполитических целей.

Печально, что журналисты разных стран, политики, сознательно цинично извращают суть трагедии евреев, говорят о «холокосте» палестинского народа, об «Аушвице», устроенном Израилем в Газе. Геноцид подразумевает

¹¹ <https://ria.ru/20190604/1555249620.html>.

уничтожение, а значит, уменьшение численности населения. О каком геноциде может идти речь, если по официальным данным палестинской автономии арабское население Палестины в 1952 г. составляло 927 тыс. 840 чел., а в 2019 г. – 5 млн. 132 тыс.?¹² Завидный геноцид, при котором арабское население увеличилось более чем в пять раз!

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на то, что гитлеровская Германия была разгромлена 75 лет назад, идеология нацизма так и не побеждена. Она живет, увеличивает влияние, находит государственную, общественную поддержку не только в западноевропейских, но и в некоторых постсоветских странах.

Воссоздание еврейских общин, внимание к памятным датам Холокоста, существование музеев, центров по изучению Холокоста на постсоветском пространстве диктуется pragmatическими политическими интересами, стремлением стать частью современной Европы, мира, где официальный антисемитизм подменен антисионизмом и антиизраильством. На сортирах и маршах в честь тех, кто носил эсэсовские мундиры, кто сотрудничал с нацистами, можно увидеть политиков и общественных деятелей.

Сегодня война памяти, идеологии разворачивается в интернете. К сожалению, нацистский вирус и в наши дни жив, и в России есть так называемые патриотические, славянские, православные, исламские, антисемитские группы, которые заполонили интернет нацистской идеологией. Они провозглашают: «Холокоста не было!!! А был Иудейский ЛОХОКОСТ!»¹³

Читатели сайта «Вся правда о «богоизбранном народе»¹⁴ сожалеют, «что не всех жидов сожгли». Лекции в интернете откровенного нациста Григория Климова, называющего евреев микробами, дегенератами, сынами дьявола, находят десятки тысяч почитателей. В подобном стиле на Фейсбуке, в некоторых телепрограммах высказываются известные журналисты, писатели, а порой и политики. Ни СМИ Израиля,

¹² https://countryometers.info/ru/Palestinian_Authority.

¹³ <https://poexaliroma.livejournal.com/49316.html>.

¹⁴ https://vk.com/judastruth_re.

ни тем более МИД, к сожалению, не реагируют на подобное. Всемирная практика дипломатии подтверждает, что политика всегда оказывается выше моральных принципов. Поэтому, помня о Холокосте, Израиль слишком pragматичен. На международной арене Израиль, борясь за каждый голос в ООН, не выступает с официальным осуждением различных мероприятий, маршей в память немецких пособников, регулярно проходящих в балтийских странах и в Украине. Лишь Президент Ривлин в сентябре 2016 г. позволил себе быть неполиткорректным в своем выступлении в Верховной Раде¹⁵, что вызвало бурное негодование многих украинских политиков, обвинивших его во лжи и использовании советских штампов. К этому присоединились и некоторые еврейские деятели Украины.

Историческая и политическая память о Холокосте привела к тому, что Израиль, дабы не допустить повторения трагедии, взял на себя право и миссию защиты евреев в странах, где их права и интересы нарушаются, где случаются антисемитские акции, число которых, к сожалению, неуклонно растет.

Эта защита осуществляется дипломатическим путем: отправляются официальные письма, заявления с выражением серьезной озабоченности положением евреев, осуждаются антисемитские акции, просьбы принять меры по защите евреев. Израиль организационно и материально поддерживает еврейскую жизнь в различных странах. Когда в этом есть необходимость, например, военные конфликты в Эфиопии, Боснии, Сербии, Чечне и других местах, Израиль организует вывоз – спасение евреев из горячих точек. Важен урок, который усвоил Израиль: трагедия Холокоста, память о нем доказали, что только вооруженное сопротивление – единственная форма борьбы против тех, кто стремится физически уничтожить евреев.

Трагедия Холокоста, память о нем привела к тому, что политики мира до сегодняшнего дня совершенствуют систему мер безопасности и гарантят существования любого народа

¹⁵ <https://112.ua/mnenie/u-evreyskogo-naroda-dlinnaya-istoriya-kotoraya-svyazyvaet-ego-s-ukrainoy-341896.html>.

Земли. И все-таки для многих история – плохой учитель. Поэтому и важно помнить слова историка Михаила Яковлевича Гефтера: «Не бывает геноцида одного народа, геноцид касается всех».

Память о Холокосте в России и Украине: внутриполитические и геополитические аспекты

*Д-р Хаим Бен Яаков,
глава Отдела академического развития
Тель-Авивского университета, Генеральный директор
Евро-Азиатского Еврейского Конгресса*

В странах бывшего СССР наблюдается значительное снижение зафиксированных случаев проявлений антисемитизма. При этом антисемитские теории и стереотипы, связанные с историей Холокоста, фиксируются исследователями и привлекают внимание общественности. Мы обращаем внимание в настоящей статье на ряд аспектов политики формирования исторической памяти, связанных с проблемой оправдания и даже героизации нацистских пособников и общественных деятелей – носителей антисемитских идеологий в России и Украине.

На постсоветских территориях отрицатели Холокоста, как правило, обращаются к мотивам, получившим ранее распространение на Западе: утверждения о фальсификации документов и дневников; заявления о недостоверности большинства свидетельств о геноциде евреев, искаженных из политических соображений или полученных у пленных немцев под пытками; манипуляции с цифрами погибших, основанных на утверждении о том, что нет технической возможности уничтожить такое количество людей и их останки. Они обвиняют евреев в создании «культы Холокоста», ставшего силой, негативно воздействующей на современную культуру и цивилизацию в целом. Еврейские лидеры подвергаются нападкам за то, что они якобы спровоцировали уничтожение европейских евреев ради получения территорий, на которых

было создано Государство Израиль, и значительных денежных средств – компенсаций. Этот «культ», согласно обвинениям, служит «охранной грамотой» от преступлений, совершаемых евреями в прошлом и настоящем, начиная от распятия Христа и заканчивая ролью еврейских банкиров в развязывании мировых войн. Евреев также обвиняют в том, что они помнят только о «своих» жертвах, пренебрегая жертвами других народов, а также в стремлении приписать вину за Холокост представителям других национальностей, с целью заставить их платить евреям.

Цель настоящей статьи – не столько ввести в научный оборот новые факты, сколько стимулировать поиск методов противодействия антисемитизму, когда недостаточно находить места массового уничтожения еврейского населения, выверять методики подсчета жертв. Нам представляется важным привлечь внимание к необходимости координации исследователей, политических и общественных деятелей в деле подготовки и принятия законодательных и правовых актов; интеграции темы Холокоста в учебные программы на государственном уровне в рамках формирования политики исторической памяти, воспитания патриотизма, культуры межнационального общения, бережного отношения к историческим фактам; требования расследований антисемитских актов и привлечения к суду виновных.

Было показано, что существует связь между толерантностью населения и знаниями о Холокосте. В ходе социально-психологического исследования, проведенного в 11 городах России в 2008 г., только 52% смогли ответить на вопрос «Знаете ли вы, что такое Холокост?», а 72% участников опроса сообщили, что «внимание к Холокосту отражает интересы евреев»¹. Этот и многие другие факты свидетельствуют, что антисемитизм вообще и отрицание Холокоста в частности не являются только европейской проблемой. Исследование уровня антисемитизма в стране, проведенное в 2018 г. Центром Левады, показало, что за 12

¹ И.В. Бемо-Белокур. Социально-экономический анализ взаимосвязи толерантности и информированности о Катастрофе. Санкт Петербург, Иерусалим, 2008.

месяцев до момента опроса половина респондентов (четверть – постоянно или часто) слышали, что «евреи эксплуатируют тему Холокоста в корыстных целях», и что «Холокост – это миф или его масштабы преувеличены»². Подобные факты должны настораживать и заставляют принять во внимание, что политика исторической памяти на постсоветских территориях переживает сложный процесс формирования³.

В Украине мы являемся свидетелями прославления лиц, прямо или косвенно причастных к убийству евреев. Имеют место попытки придания сотрудничавшим с нацистами деятелям статуса героев сопротивления, боровшихся за национальную независимость. Умышленное скрытие их антисемитской идеологии недопустимо и противоречит международным стандартам. В отчете об уровне антисемитизма в мире в 2018 г., опубликованном израильским Министерством по делам европейской diáspory⁴, отмечалось «вызывающее особое беспокойство прославление преследователей и убийц евреев, как часть процесса декоммунизации, и усиление украинского национализма, проявляющиеся в правительственные законодательных инициативах».

² К.Д. Пипия. К пониманию одного ксенофобского лозунга “Россия для русских” // Вестник общественного мнения. № 3–4 (июль–декабрь, 2017), с. 159–171,
<http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2018/07/Vestnik-obshhestvennogo-mneniya-3-4-2017.-Levada-TSentr-1-1.pdf>.

³ Мониторинг проявлений антисемитизма, в том числе феномена отрицания Катастрофы, ведется на протяжении многих лет различными экспертами, в частности «Экспертной группой еврейской общины России по проблемам антисемитизма», возглавляемой д-ром С. Чарным. См.: С. Чарный. Антисемитизм на постсоветском пространстве: обзор современной ситуации // Ежегодник ЕАЕК-2018, Израиль, 2019. С. 54. Регистрация антисемитских проявлений проводится несколькими украинскими организациями: Ethnic National Minorities Rights’ Monitoring Group (Группа мониторинга прав национальных меньшинств – ГМПНМ), во главе с В. Лихачевым; Украинским еврейским комитетом (директор – Э. Долинский); Объединенной еврейской общиной (директор – М. Ткач). При этом организации придерживаются различных методологий сбора информации, классификации и анализа исследований.

⁴ «Антисемитизм в 2018 году: состояние, тенденции и явления». Иерусалим: Министерство по делам европейской diáspory, январь 2019, с. 69–72 (на иврите).

В мае 2015 г. президент Украины П. Порошенко подписал Закон «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX в.», включивший членов Организации украинских националистов и бойцов Украинской повстанческой армии, а также армии Украинской Народной Республики, возглавляемой Симоном Петлюрой. В законе присутствовал пункт об ответственности в соответствии с действующим законодательством «лиц, которые публично проявляют пренебрежительное отношение к борцам за независимость Украины». Подобный закон значительно ограничивает объективное исследование прошлого. В мае 2018 г. президент Порошенко подписал закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно усовершенствования процедуры реабилитации жертв репрессий коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 гг.», позволяющий реабилитировать членов ОУН–УПА, осужденных за преступления против человечества и человечности в годы СССР, за участие в карательных акциях против мирного населения в период Второй мировой войны. При этом оправданием осужденных предложено заниматься не судам, а специальным комиссиям по реабилитации⁵. 10 июля 2019 г. премьер-министр Украины В. Гройсман утвердил «Порядок предоставления статуса участника боевых действий борцам за независимость в XX веке». Этот статус будет предоставляться «лицам, которые участвовали во всех формах вооруженной борьбы» в составе ОУН, УПА и других организаций⁶.

В последние годы в Украине были установлены многочисленные памятники и мемориальные доски различным деятелям ОУН–УПА, некоторые из которых принимали участие в уничтожении евреев. Установка этих памятников продолжается и в 2019 г.⁷ Так, по сообщению директора

⁵ А. Климов. Закон о «реабилитации жертв репрессий» ведет к международным осложнениям как оправдание карателей // <https://golos.ua/i/610914> (03.05.2018).

⁶ www.facebook.com/eduard.dolinsky/posts/2591080120924040.

⁷ Активный мониторинг фактов переписывания истории в Украине ведет директор Украинского еврейского комитета Эдуард Долинский.

Украинского Еврейского Комитета Эдуарда Долинского, «в Калуше торжественно открыли мемориальную доску гауптштурмфюреру дивизии СС «Галичина» Дмитрию Палиеву. На архивном фото Палиев в нацистской форме рядом с трибуной и скульптурой Гитлера»⁸.

При этом случай демонтажа памятника в Украине был отмечен в июне 2019 г. (поселок Варва Черниговской области), где по распоряжению местной администрации была удалена мемориальная доска в честь гауптштурмфюрера дивизии СС «Галичина» Аверкия Гончаренко⁹.

Необходимо отметить, что одновременно еврейские организации как России, так и Украины при поддержке местных местной администрации открывают памятники евреям, погибшим в Холокосте. Не так дано стало возможным открыть памятник евреям села Махновка¹⁰ и близлежащих сел, ставшим жертвами нацизма. Больше внимание органы власти стали уделять борьбе с антисемитизмом. Последний факт (на момент написания статьи) действия следственных и судебных органов был зафиксирован в городе Торецк¹¹ (Украина), когда гражданин был приговорен к двум годам тюремного заключения за демонстрацию нацистского флага у мемориальных плит с именами погибших в годы Второй мировой войны в день освобождения города от оккупации.

В декабре 2019 г. Верховная Рада Украины приняла постановление о праздновании памятных дат и юбилеев в 2020 г.¹² В списке имен общественных деятелей прошлого, юбилеи которых предложено отмечать на государственном уровне, есть люди, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами. Документ вызвал официальный протест Посла Государства Израиль в Украине, в котором указывалось: «Мы считаем, что отмечать юбилеи тех, кто сотрудничал с

⁸ facebook.com/photo.php?fbid=2825686524130064&set=pcb.2825686854130031&type=3&theater

⁹ <https://www.facebook.com/eduard.dolinsky/posts/2622618527770199>.

¹⁰ Село Махновка имеет богатую историю, связанную с хасидизмом: здесь жил хасидский ребе Авраам Й.Г. Тверский.

¹¹ По сообщению Прокуратуры Донецкой области от 5. 12. 2019.

¹² http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?id=&pf3516=2364&skl=10

нацистами, является оскорблением памяти шести миллионов евреев, уничтоженных нацистами. В свете наших добрых отношений мы требуем пересмотреть включение этих спорных личностей в список тех, юбилеи которых официально отмечаются». В ежегодном отчете Госдепартамента США о правах человека подчеркивается тот факт, что ряд объектов в Украине нарекаются в честь людей, «некоторые из которых были связаны с антисемитизмом»¹³.

Зафиксированы попытки затушевывать участие украинских националистов в актах массового убийства евреев. Так, в статье журналиста О. Шамы (июль 2019 г., «Новое время») описывается деятельность националистов по «возрождению Украины», что, вполне возможно, соответствует историческим фактам; в то же время игнорируется их соучастие в Холокосте, при этом в статье подчеркивается, что «чекисты-евреи» гнали заключенных на восток¹⁴.

25 апреля 2018 г. не менее 50 конгрессменов, представляющих как республиканцев, так и демократов, подписали письмо заместителю госсекретаря Джону Салливану, подготовленное конгрессменами Ро Ханна (демократ от штата Калифорния) и Дэвидом Н. Чичеллине (республиканец от Род-Айленда), с требованием оказать дипломатическое давление на Украину и Польшу за случаи государственного отрицания Холокоста и антисемитизма. «Мы настоятельно призываем вас присоединиться к нам и правозащитным организациям в борьбе против антисемитизма, ксенофобии и всех форм нетерпимости, призвав правительства Польши и Украины безоговорочно отказаться от искажения истории Холокоста и чествования нацистских коллаборационистов и полноценно преследовать за антисемитские преступления», – отмечалось в

¹³ 2017 Country Reports on Human Rights Practices: Ukraine // Сайт госдепа США

www.state.gov/reports/2017-country-reports-on-human-rights-practices/ukraine/.

¹⁴ О. Шама. Смена оккупантов. Что происходило в Украине с уходом большевиков и приходом нацистов // «Новое время». 20.07.2019 <https://nv.ua/ukraine/events/vtoraya-mirovaya-voyna-istoriya-ukrainy-mezhdugermaney-i-sssr-50033005.html>.

письме¹⁵. Директор УИНП В. Вятрович после появления письма конгрессменов назвал его «смесью некомпетентности и сознательного искажения информации, смешиванием правды и лжи»¹⁶.

В контексте протеста против подобной политики следует рассматривать и последнее заявление МИД Израиля, который 13 января 2020 г. официально выступил против прославления властями Украины «лиц, ответственных за убийства евреев во время Холокоста и погромов, а также антисемитских идеологов украинского национального движения»¹⁷.

В России отмечены отдельные попытки преуменьшения размаха уничтожения евреев и прославления коллаборационистов. В исследованиях¹⁸ было зафиксировано, что, согласно мнению опрошенных, именно русские, а не евреи, составляли основную группу жертв, не было никакого специального отбора жертв, а целью войны со стороны Германии была попытка истребления всего советского населения. Кроме того, имеет место вера в миф о еврейском большевизме и наличии еврейского большинства в советской политической элите. Восхваление националистов, придерживающихся фашистской идеологии, и попытки минимизировать память о жертвах-евреях в России зафиксированы на местном уровне. Так, в Ставропольском крае уже несколько лет продолжаются попытки прославления уроженца этого города, писателя, драматурга и общественного деятеля Ильи

¹⁵ Release: Rep. Khanna Leads Bipartisan Members In Condemning Antisemitism In Europe: khanna.house.gov/sites/khanna.house.gov/files/Combat%20Anti-Semitism%20Letter.pdf.

¹⁶ О. Лашенко. Праздник 9 мая – это «элемент российского имперского мифа» (Вятрович) // Радио «Свобода», 05.05.2018. www.radiosvoboda.org/a/29209115.html.

¹⁷ <https://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2020/Pages/MFA-condemns-public-glorification-of-individuals-responsible-for-the-murder-of-Jews-and-antisemitic-ideologists-in-Ukraine-.aspx>.

¹⁸ К. Винклер. Современные антисемитские представления ростовчан (в ходе интервью о Холокосте) // Сборник материалов 1-ой московской международной конференции по противодействию антисемитизму. Москва – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018, с. 348-358.

Сургучева (1881-1956), сотрудничавшего с нацистами в годы войны.

В ноябре 2011 г. городское управление культуры Ростова-на-Дону приняло решение заменить мемориальную доску в «Змиеиской балке». На новой доске не было упоминания о евреях и слова «Холокост», а лишь сообщение, принятое в СССР, о погибших от рук фашистских захватчиков «мирных советских гражданах»¹⁹. Городские власти также отказывались предоставить еврейской общине место для строительства мемориала, посвященного жертвам-евреям, но в декабре 2013 г. изменили позицию. Мемориальная доска была заменена вновь, и жертвы-евреи были упомянуты наряду с жертвами других национальностей.

Анализируя публикации о Холокосте, нередко мы видим упоминания нацистских пособников, воевавших против СССР и Красной армии, которые сегодня воспринимаются национальными героями и бескомпромиссными борцами за независимость. Мы должны отметить скрытые опасности такого подхода. С другой стороны, использование событий Холокоста для ведения пропагандистских кампаний и идеологических войн является формой упрощения этих событий. Так, А. Проханов²⁰ и И. Шамир стали упоминать события Холокоста именно в таком контексте после событий в Украине 2014 г., при том, что ранее они и другие авторы газеты «Завтра» неоднократно отрицали Холокост²¹. Таким образом, замалчивание масштабов еврейской трагедии, отсутствие профессионально подготовленных преподавателей и методических материалов ведет к формированию

¹⁹ <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/851833-echo/>.

²⁰ Главный редактор газеты «Завтра», известной своей антисемитской и антисионистской позицией.

²¹ А. Проханов обвинил поддерживающих Майдан евреев в приближении нового Холокоста. Об этом он заявил 23 февраля в эфире программы «Мнения» телеканала «Россия 24»: «Удивительно в этом знаете, что? Что эти вот еврейские организации – европейские и наши российские – они поддерживают этот Майдан. Они что делают? Они не понимают, что они своими руками приближают второй холокост?». В ответ ведущая Э. Закамская сказала: «Они и первый приближали так же».

антисемитских теорий и представлений в общественном пространстве.

Напомним, что 3 октября 2019 г. Европейский суд по правам человека постановил, что отрицание фактов преследования и массового уничтожения еврейского народа во время нацистского режима не подпадает под защиту свободы выражения мнений²².

В заключение отметим, что рабочее определение антисемитизма, принятое в мае 2016 г. Международным альянсом в память о Холокосте (IHRA), стало результатом многолетней деятельности исследователей и общественных деятелей и способно стать инструментом для подготовки сотрудников правоохранительных органов, следователей, прокуроров и судей, а также для социологических исследований и изучения общественного мнения. Принятие этого определения на государственном уровне сыграет большую роль в укреплении позиций гражданского общества и академического содружества, осознающих, что проблема антисемитизма – это не только проблема евреев, сколько важный показатель здоровья общества, соблюдения прав человека.

²² Case of Pastörs v. Germany (Application no. 55225/14)
<https://hudoc.echr.coe.int/eng>.

Сохранение памяти о Холокосте советских евреев в Азербайджане

*Д-р Моисей Беккер,
ведущий научный сотрудник Института права и прав
человека Национальной Академии наук Азербайджана (Баку)*

Известная истина гласит, что предавший забвению уроки истории рискует повторить их вновь. В Азербайджанской ССР в период советской власти о Холокосте говорили только в узком кругу близких друзей. Нееврейское население республики, поглощенное бытовыми заботами, практически ничего не знало о судьбе, постигшей еврейский народ в годы Второй мировой войны. Советская власть старалась не выпячивать трагедию Холокоста, и если вдруг где-то на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике обнаруживались места массовых захоронений жертв нацизма, то их обычно декларировали как «советских граждан», замученных нацистами и их пособниками.

В годы Великой Отечественной войны, согласно переписи, проведенной 1 февраля 1942 г. по указанию Государственного Комитета Обороны, в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2545 евреев. В Городской и Дзержинский районы Баку из эвакуированных к 1 февраля 1942 года прибыло 386 евреев. Именно от них в тот период стало известно о тех преступлениях, которые творили нацисты на оккупированных территориях Советского Союза. Многие с недоверием относились к данной информации, так как не могли понять смысл нацистской политики массового уничтожения людей. Человеческий разум не мог смириться с тем, что кого-то истребляют исключительно по

национальному признаку. Тем не менее, оказавшиеся на фронте выходцы из Азербайджана стали проявлять в этом вопросе особую бдительность. Так, в боях за Моздок участвовали 402, 416 и 223-я Азербайджанские дивизии, в которых было достаточно много евреев, призванных из Баку и других районов республики. Зная о том, что попавших в плен коммунистов, политработников и евреев нацисты расстреливали немедленно, многие сослуживцы старались спасти последних, утверждая, что они не евреи, а мусульмане. Так удалось сохранить жизнь родному брату моей матери Иуде Самуиловичу Сприкуту, чьи документы были заменены на другие, Ефиму Матвеевичу Гершковичу, врачу Лихтману и многим другим. Следует отметить, что в Азербайджане отношение к евреям всегда было лояльным, и фактов антисемитизма практически не наблюдалось. Наоборот, когда в 1919 г. стало известно о жутких еврейских погромах на Украине, первым на эту беду откликнулся председатель мусульманского благотворительного общества Касим Касимов, который внес в еврейский национальный совет тысячу рублей в пользу евреев. Тогда же председатель еврейского национального совета М. Гухман обратился к Председателю Совета Министров Азербайджанской Демократической Республики с докладной запиской по вопросу о разгрузке города. В записке указывалось, что находящиеся в Баку евреи-беженцы прибыли сюда из Закаспия и Туркестана, спасаясь от насилия большевиков или от погромов, и возвращение в родные места обрекло бы их на неминуемую гибель. Национальный совет просил не выселять евреев-беженцев из города. Независимо от подачи докладной записки, председатель национального совета сделал устный доклад Премьер-министру о положении евреев-беженцев в Баку. Премьер-министр отнесся к докладу сочувственно и заявил, что докладная записка национального совета им будет передана на рассмотрение генерал-губернатора г. Баку¹. Беженцы были оставлены.

¹ Газета «Азербайджан», 29 ноября 1919 г, № 259, л. 103.

Став после распада СССР независимым государством, Азербайджанская республика делает все возможное для сохранения памяти о Холокосте и недопущения в стране любых проявлений национализма и антисемитизма. Так, в начале 90-х гг. попытка опубликовать книгу «Майн кампф» в переводе на азербайджанский язык в газете «Мейдан» была немедленно пресечена по требованию ряда общественных, в том числе и еврейских организаций. Кроме того, тогда же в республике запретили деятельность ряда экстремистских религиозных партий и групп, которые финансировались из-за рубежа.

В 1995 г. на основании распоряжения президента Гейдара Алиева в школе № 46 столицы Азербайджана был открыт еврейский сектор с изучением иврита, истории и традиций еврейского народа. В 2003 г. в Баку начинает свою работу общеобразовательная еврейская школа, для которой 4 октября 2010 г. при активном участии Фонда Гейдара Алиева и организации «Ор Авнер» в Хатаинском районе было построено новое 3-этажное здание. В обеих школах на уроках истории изучается трагедия Холокоста, а в школе «Ор Авнер» по инициативе ее директора Ефима Лезника, отец которого Песя Лезник был узником гетто в городе Хмельник, создан музей Холокоста.

По данным на 1 августа 2015 г., в Государственном Комитете Азербайджана по работе с религиозными организациями прошли государственную регистрацию 6 еврейских общин. Помимо трех еврейских общин Баку, существуют общины горских евреев в поселке Красная слобода, селении Огуз, городах Сумгаите и Гяндже. С целью распространения и пропаганды опыта азербайджанской модели мультикультурализма на международной арене республика сотрудничает с организациями ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, ИСЕСКО и другими международными структурами. Как отметил президент Азербайджана Гейдар Алиев во время посещения музея Холокоста в США, «геноцид, учиненный немецкими фашистами в отношении евреев, – одно из самых страшных, трагических событий в истории человечества. Мы в Азербайджане знаем, что такое геноцид. В

ХХ в. в отношении нашего народа несколько раз осуществлялась политика геноцида, и азербайджанцы пережили страшные трагедии, погибали. Видя все это, будучи свидетелями этих трагедий, мы понимаем, со сколькими трагедиями столкнулись евреи по всему миру, и воспринимаем это как свою трагедию. Политика геноцида немецких фашистов против евреев осуществлялась с невиданной жестокостью, в страшной форме. Музей Холокоста наглядно демонстрирует это. По правде говоря, несмотря на то, что мы знаем об этих трагедиях, видели в отдельных кинофильмах, видеть, наблюдать сегодня экспонаты в музее Холокоста очень тяжело и трудно. Порой невозможно бывает представить, как люди могут друг против друга учинять такие зверства? Но это правда. Такие зверства были учинены против евреев, их учинили немецкие фашисты. <...> Музей Холокоста наглядно демонстрирует беды, ужасы, трагедии, которые пережили евреи. Создатели этого музея, те, кто собрал здесь эти экспонаты, на высоком уровне представили их человечеству, осуществляют историческую миссию. <...> Сегодня здесь, в музее, я склонил голову перед Вечным огнем, перед памятью погибших. Этот музей нужен не только евреям, но и всем народам мира. Знакомясь с этим музеем, рассматривая экспонаты, каждый человек должен сделать для себя вывод. Единственный вывод заключается в том, что человечество больше нигде не должно допускать геноцида против какого-либо народа. Мировое сообщество должно погасить пламя войн, устраниТЬ конфликты, прилагать больше усилий для установления мира и безопасности в мире. Это тот вывод, к которому приходишь, знакомясь с музеем.

Я благодарю вас. Спасибо за предоставление нам обширной информации. В Азербайджане евреи жили с древних времен, азербайджанский народ никогда не проводил в отношении них дискrimинацию. Евреи в Азербайджане всегда обладали равными правами. С земель, оккупированных во время Второй мировой войны, на территорию Азербайджана было переселено несколько тысяч евреев. Несмотря на трудности в военные годы в Азербайджане, о евреях была проявлена большая забота, они были размещены,

и для них были созданы все необходимые жизненные условия. <...> Сейчас в независимом Азербайджане евреи живут, работают, участвуют в общественно-политической жизни нашей страны как полноправные граждане. В Азербайджане наряду с мусульманской конфессией также действуют христианская и иудейская конфессии. Это – сегодняшние реалии независимого Азербайджана. Мы желаем еврейскому народу успехов в устройстве своей жизни и достижении своих желаний.

Я хочу представить вашему музею некоторые архивные материалы о евреях, переселившихся в Азербайджан в 20-е годы прошлого века. Знакомясь с этими материалами, вы увидите, какой заботой были окружены в то время евреи, переселившиеся в Азербайджан. Полагаю, эти материалы будут очень значимы для вас. Еще раз благодарю вас»².

Ежегодно в день памяти жертв Катастрофы и Геноцида еврейского народа руководство Азербайджана публикует в средствах массовой информации «Обращение к еврейской общине в связи с трагедией еврейского народа». Вот текст одного из таких обращений.

«Сегодня с глубокой скорбью отмечается день траура еврейского народа. Во время Второй мировой войны еврейский народ подвергся жестокой дискриминации и политике геноцида. Шесть миллионов человек стали жертвой кровавой реакции фашизма только по причине их этнической принадлежности, лишь из-за того, что они были евреями.

Политика массового преследования и уничтожения евреев в те годы составляет одну из самых страшных страниц истории человечества. Такие бедствия не могут считаться национальной трагедией только одного народа, подвергнутого политике геноцида, и должны быть расценены как тяжкое преступление против всего человечества.

Азербайджанский народ – человеколюбивый и гуманный по своей природе, исторически выступал против любой формы дискриминации, не оставался равнодушным и безучастным к

² Политика Гейдара Алиева. Толерантность. Баку: Издательско-полиграфический центр «Nurlar», 2016, с. 243.

трагедиям других народов. Это очень хорошо знают все народы, проживающие у нас в республике, в том числе еврейское население, которое на протяжении столетий по разным причинам, ища защиту, поселилось у нас в стране. В этот скорбный день разделяю ваше горе, призываю все миротворческие силы мира и прогрессивное человечество встать на решительную борьбу против фашизма, расизма, любой формы акта геноцида».

*Гейдар Алиев, Президент Азербайджанской Республики,
Баку, 22 апреля 1998 г.³*

В память о жертвах Холокоста телевидение Азербайджана ежегодно демонстрирует документальные и художественные фильмы, проводит интервью с историками и политологами, в синагогах и еврейских школах проходят траурные мероприятия.

Большую работу в этом направлении осуществляют созданный 15 мая 2014 г. Бакинский международный центр мультикультурализма. 27 января в международный день памяти жертв Холокоста в его актовом зале ежегодно проводятся траурные мероприятия, на которых присутствуют представители Администрации президента Азербайджана, международные эксперты, сотрудники Посольства Государства Израиль, а также главы религиозных и национальных общин республики. Данное мероприятие освещается республиканскими телевизионными каналами и средствами массовой информации. В настоящее время в вузах Азербайджана введено преподавание спецкурса «Введение в мультикультурализм»⁴, где отдельная глава посвящена антисемитизму и Холокосту. В течение учебного года указанное пособие будет переведено на русский и английский языки, поскольку курс рассчитан на преподавание в двадцати трех зарубежных вузах, с которыми у Азербайджана есть соглашение о сотрудничестве. Кроме того, во вновь созданном

³ Там же, с. 160.

⁴ Multikulturalizmə giriş: Ali Məktəblər üçün dərslik. Bakı: Şərq Qərb, 2019, səh. 355.

музее горских евреев в поселке Красная слобода есть специальный стенд, который посвящен памяти Холокоста на Северном Кавказе и в Крыму. В настоящее время при поддержке фонда Гейдара Алиева планируется проведение работы по еврейским беженцам, прибывшим в Азербайджан в период 1941-1945 гг., изучению их судеб и жизненного пути. Это будет передвижная выставка: помимо Азербайджана ее увидят и в ряде других стран.

Сохранение памяти о Холокосте во многом отвечает интересам Азербайджана, который позиционирует себя как демократическое, светское, цивилизованное государство, где все граждане пользуются равными правами и возможностями. Конечно, то, что в Азербайджане сохраняется память о Холокосте, во многом результат политики руководства страны, от которого, как показывает опыт истории, зависит основной вектор внутренней и внешней политики любого государства. Мы помним, что в кайзеровской Германии, равно как и в Веймарской республике, евреи жили достаточно комфортно и безопасно, пользовались основными правами и имели собственные общинные структуры. В этой связи следует особо подчеркнуть, что в Азербайджане на протяжении веков не было еврейских погромов, и никогда здесь не велась антисемитская пропаганда. Наоборот, элита Азербайджана всегда стремилась создать для всех этнических и конфессиональных групп безопасные условия для проживания. Примером тому служит политика Кубинских ханов, которые в XVIII в. предоставили возможность горским евреям поселиться в Подгорной еврейской слободе (ныне Красная слобода), причем с гарантиями полной безопасности со стороны правителей страны. Кроме того, многие евреи в эпоху нефтяного бума оказались в Баку, где они обнаружили полное отсутствие антисемитизма со стороны исконного населения, с чем приходилось считаться и представителям имперской власти. Достаточно сказать, что, несмотря на процентную норму, существовавшую в то время, число еврейских учащихся в гимназиях достигало 10%, что вдвое превышало установленные правительством квоты за пределами «чертты оседлости». В эпоху недолгого

существования Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 гг.) евреи пользовались абсолютно всеми правами граждан страны. Они были представлены в правительстве и парламенте республики, а их национальные школы и общинные структуры пользовались защитой закона и финансовой поддержкой со стороны государства. В то же время, начиная с крестовых походов, евреи в Германии подвергались постоянной религиозной дискриминации и ограничениям, которые периодически выливались в кровавые погромы и изгнания. В Азербайджане просто невозможно было появление таких одиозных проповедников антисемитизма, как Мартин Лютер, Трейчке, Люгер, Вильгельм Марр и прочих предшественников нацизма. Здесь, как показывает история и опыт живущих здесь поколений еврейского народа, этого явления нет, и как сказал президент Гейдар Алиев, «мы его у себя никогда не допустим»⁵.

⁵ Политика Гейдара Алиева. Толерантность. Баку: Издательско-полиграфический центр «Nurlar», 2016, с. 160.

Культура памяти о жертвах Холокоста в современной Украине: тенденции и перспективы

*Д-р Анатолий Подольский, директор
Украинского центра изучения истории Холокоста (Киев)*

Для украинского общества и государства вопрос сохранения памяти жертв национал-социализма, в частности, жертв Холокоста, уже давно стал актуальным и, с одной стороны, является выражением европейских устремлений независимой Украины, с другой – показывает достойное отношение к памяти жертв Второй мировой войны, как в большинстве европейских стран. Формирование культуры памяти является и задачей, и вызовом для страны.

История еврейской общины Украины насчитывает более тысячи лет, поэтому трагическая судьба евреев в годы Второй мировой войны является составной частью истории Украины XX в. В годы Холокоста на территории центральной, восточной и южной части Украины (включая румынскую оккупационную зону «Транснистрия», Волынскую и Ровенскую области, которые входили в рейхскомиссариат «Украина») было убито около 1 миллиона евреев; с территории Закарпатья и западной Украины (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) евреи были депортированы в лагеря смерти (Аушвиц-Биркенау и Белжец), и там было уничтожено около полумиллиона человек. Таким образом, мы можем сегодня говорить о 1,5 миллионах украинских евреев – жертв Холокоста в Европе¹.

¹ Например, см. А. Круглов. Потери евреев Украины в 1941-1944 гг. – Харьков, 2005, 374 с.; *Холокост на территории СССР: Энциклопедия* / Гл.ред. И.А. Альтман. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Научно-просветительный Центр «Холокост», 2009. - 1143 с.

Достойное увековечение памяти о них – одна из главных задач суверенной Украины, украинского общества.

На украинских землях в годы немецкой оккупации геноцид против евреев и еврейских общин был тотальным и безжалостным. В такой ситуации для местного нееврейского населения (украинцев, русских, поляков и др.) вопрос спасения евреев от нацистов под угрозой очевидной опасности стал особым вызовом. Известный украинский историк Ярослав Грицак писал, что спасение еврея на оккупированной национал-социалистами территории было ярким подвигом, открытым героизмом. Но такое поведение представляло для тех, кто спасал людей, смертельную угрозу, и героизм не мог быть явлением ежедневным². Проблема Праведников народов мира, как и проблема коллaborации в годы Холокоста, очевидно, не является уникальным украинским случаем. Абсолютно во всех оккупированных нацистами странах были и те, кто соучастовал в преступлениях гитлеровцев против евреев, и те, кто спасал еврейские жизни, когда это было сродни смертному приговору. О числе тех, кто помогал нацистам совершать убийства евреев, говорить трудно, так как сохранилось очень мало документов. Однако, после академических исследований последних двух десятилетий в украинской и немецкой историографии, с опорой на архивные документы советской службы безопасности, а также на немецкие документы и воспоминания очевидцев, можно говорить приблизительно о 30-40 тыс. местных полицейских. Речь идет о людях различного этнического происхождения (украинцах, но также и русских, поляках, белорусах, советских военнопленных других национальностей), которые были вовлечены немецкими оккупантами в процесс убийства еврейского населения и стали соучастниками нацистских преступлений³. По данным Мемориала «Яд Вашем», Украина

² Я. Грицак. Українці в антиєврейських акціях у роки Другої світової війни // Незалежний культурологічний часопис «Ї», число 8 , 1996.

³ Наприклад, см. А. Усач. Місцеві колаборанти та Голокост в Україні: перспективи і виклики дослідження / Андрій Усач // Українське суспільство і пам'ять про Голокост: наукові та освітні аспекти (Вибрані доповіді IX і X круглих столів до Міжнародного дня пам'яті жертв

сегодня занимает достойное четвертое место по количеству Праведников народов мира. На 1 января 2019 г. этого звания удостоены в Украине 2634 человека⁴. Однако тема моей статьи – не коллаборация и спасение евреев Украины в период Холокоста, а сохранение памяти о жертвах Холокоста в современной Украине. Именно на этом я остановлюсь подробнее.

Одним из ярких ответов на вызов сохранения памяти о жертвах Катастрофы стал международный научный и образовательный проект «Защита и мемориализация мест массовых захоронений евреев Украины в годы Второй мировой войны» (сокращенное название – «Заштитим память»)⁵, начало которому в Украине было положено в 2010 г.

Данный проект совместный – немецко-украинский. Жертвы Холокоста воспринимаются как часть своей истории на всех уровнях, что проявляется, например, в помощи местных властей в открытии и сохранении мемориалов в пяти областях Украины. Реализация проекта продолжается и сегодня. Его кардинальной задачей является возвращение памяти об уничтоженных немецкими оккупантами еврейских общинах на территории небольших украинских деревень и городков – именно там, где наряду с украинцами, другими этносами, веками проживали евреи.

На территории современной Украины находится около 2000 мест массовых расстрелов. В отдаленных оврагах, лесах, среди полей, в бывших противотанковых рвах или песчаных карьерах отряды Вермахта, СС и полиция – в некоторых

Голокосту). - Київ: УЦВІГ; КВІЦ, 2018. - С. 41-48.; Dieter Pohl, Ukrainische Hilfskräfte beim Morden den Juden, in: Gerhard Paul (Hrsg.): Die Täter der Shoah. Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? (Dachauer Symposien zur Zeitgeschichte Bd. 2), Göttingen, 2002, S. 205-234.

⁴ Статистика Праведников народов мира Мемориала «Яд Вашем», режим доступа: www.yadvashem.org/ru/righteous/statistics.html

⁵ Проект «Защита и мемориализация мест массовых захоронений евреев Украины в годы Второй мировой войны». <http://protecting-memory-ua.org/>

случаях с участием местного населения – уничтожали целые еврейские общины, нередко в течение нескольких дней⁶.

После войны многие из этих мест убийств были несправедливо забыты. Для тех людей, кому удалось выжить, сохранение памяти об убитых членах семьи, друзьях и знакомых было возможным только в узком кругу. Официальная советская историография отказывалась признать евреев как отдельную группу жертв Второй мировой войны. Когда по инициативе евреев, которые выжили и вернулись, устанавливались скромные памятные обелиски, они должны были быть посвящены только «мирным советским гражданам»⁷.

Процесс общественного осмысления преступлений в годы Холокоста в Украине начался сразу после распада СССР и обретения независимости. Пока Украина была советской, это было просто невозможно. Исследование и преподавание этой темы стартовало с самого начала 1990-х гг. Первые диссертационные исследования по истории Холокоста в Украине были защищены в 1996-1997 гг⁸. Сейчас насчитывается уже больше 20 диссертаций, в теме которых стоит слово «Холокост» и которые содержательно посвящены истории Холокоста. Защищались эти диссертации во всех концах страны – в университетах Киева, Львова, Днепра, Одессы, Николаева, Харькова, Винницы. С 2000 г. (то есть 20 лет назад) Министерство образования Украины включило тему Холокоста и в программы, и в экзаменационные билеты для средней школы и высшей школы.

⁶ См., например: Шоа в Украине: история, свидетельства, увековечение. Киев: Дух и литература, 2018.

⁷ См., например: Arkadi Zeltser. Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union. Yad Vashem Publications, 2019.

⁸ А. Подольський. Нацистський геноцид щодо євреїв України (1941-1944). Дис. на здобуття наукового ступеня канд. істор. наук. – К., 1996; Ф. Левітас. Євреї України в роки Другої світової війни. Дис. на здобуття наукового ступеня докт. істор. наук. – К., 1997. В період с 2002 по 2019 гг. зачитили диссертации по істории Холокоста следующие украинские ученые: Ф. Винокурова, Н. Сугацкая, Р. Михальчук, Ю. Радченко, И. Склопкина, А. Гончаренко, Е. Трепкачева, В. Зилинский и др.

Только в 1990-х гг., уже в независимой Украине, во многих местах были установлены памятные знаки, указывающие на еврейское происхождение жертв. Однако сотни массовых захоронений остаются до сих пор необозначенными, незащищенными и заброшенными. Эти земли используются в сельском хозяйстве или застраиваются. Следы осквернения могил производят удручающее впечатление. Большое количество массовых захоронений не являются достойными местами скорби и памяти об уничтоженной здесь европейской жизни.

Именно сложная ситуация сувековечением памяти жертв Холокоста в небольших населенных пунктах Украины вызвала к жизни такую серьезную научную и образовательную инициативу. С участием американского еврейского комитета в Берлине в 2010 г. начался международный проект «Protecting memory» («Зашитим память»). Пять захоронений в западной части страны до 2015 г. были обустроены как достойные места памяти. Под патронатом Фонда «Мемориал убитым евреям Европы», который расположен в Берлине, с 2016 г. начался следующий этап защиты и определения мест массовых захоронений. Фонд, вместе с украинскими партнерами, обустраивает 15 памятных мест, в том числе те, что посвящены убитым ромам (цыганам)⁹. С украинской стороны главным партнером уже почти десять лет выступает Украинский центр изучения истории Холокоста (сокращенно – УЦИИХ)¹⁰. Именно эта организация обеспечивает научную и педагогическую составляющую проекта. Финансирование начинания «Зашитим память» все эти годы осуществляется только Министерство иностранных дел Германии; со стороны украинского государства пока, к сожалению, не было вложено ни одной гривны. Однако есть показательные примеры помощи местных властей в создании мест памяти, практически во всех регионах проекта.

Проект «Зашитим память» состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: архитектурной защиты и

⁹ Божена Казакевич. Звіт про діяльність проекту "Захистимо пам'ять" упродовж 2018 року / Уроки Голокосту. № 4 (56), 2018. с. 13-14.

¹⁰ Украинский центр изучения истории Холокоста. www.holocaust.kiev.ua

достойного обустройства массовых захоронений в сочетании с исторической и педагогической работой. Комплексность проекта отображается в таких направлениях и основных принципах деятельности:

- точное местонахождение и границы захоронений в местах проекта определяются с помощью специальных методов, без раскопок, с целью соблюдения религиозных предписаний иудаизма (Галахи);
- проведение работ (археологических исследований и дальнейшего строительства) сопровождают представители Комитета по делам сохранения еврейских кладбищ в Европе, которые также следят за соблюдением Галахи;
- представители местных еврейских общин также привлекаются к работе над проектом.

В рамках инициативы «Зашитим память» массовым захоронением и прилегающим территориям предоставляется административная защита, включающая, в первую очередь, переход этих территорий в коммунальную собственность и превращение их в памятные места с соответствующим внесением в кадастровые планы. После обустройства они должны быть внесены в Государственный реестр недвижимых памятников Украины по категории местного значения и, таким образом, подлежать государственной охране.

Массовые захоронения в рамках проекта защищены архитектурными конструкциями и оснащены как достойные места памяти и информации. С помощью инженеров с этой целью осуществлялся поиск экономных решений, которые обеспечили бы сохранение памятных мест на долгий период. Имеющиеся памятные знаки сохранены и интегрированы в новые места памяти. Особая задача для всего проекта «Зашитим память» – защита мест памяти от осквернения.

Местонахождение массовых захоронений, количество жертв, судьбы некоторых из них и тех, кому удалось выжить, ход преступления и информация о тех, кто совершал убийства, – все это определялось с помощью очень глубоких, тщательных исторических исследований. Их результаты представлены разными путями. История еврейских общин и их уничтожения во времена Холокоста показана на

информационных стелах, на трех языках (украинский, английский, иврит). Результаты исторической работы используются в образовательной программе, которая проводится с местными школами, а также со студентами в проекте по устной истории¹¹. Программа направлена на поощрение учителей, учеников и студентов к самостоятельному изучению истории края и привлечение их к дальнейшему поиску.

В целом, в рамках проекта «Заштитим память» в течение почти десяти лет деятельности было создано 20 мемориалов в пяти областях Украины (Волынская, Львовская, Ровенская, Житомирская и Винницкая). Эти мемориалы стали эталоном для увековечения памяти жертв Холокоста и всех других жертв немецкой оккупации украинских земель во время Второй мировой войны.

Далее остановимся подробнее на научной и образовательной составляющих проекта «Заштитим память», о которых уже было сказано выше. Именно эти составляющие обеспечили успех проекту, и именно они создают методологические основы сохранения исторической памяти, а также кардинально отличают данный проект от других подходов к увековечению памяти жертв Второй мировой войны, жертв Холокоста на территории сегодняшней Украины.

Исторические исследования были и остаются фундаментом всех работ по проекту. Именно такие исследования определяли то или иное место памяти, затем происходила работа с корпусом документальных и устно-исторических источников по данному населенному пункту, связанных с судьбой местных евреев или ромов. Была проделана большая исследовательская работа украинских и немецких историков из двух институций: Украинского центра изучения истории Холокоста из Киева и Фонда «Мемориал убитым евреям Европы» из Берлина.

Архивы, в которых проводилась работа, были не только украинскими. Исследователи работали в архивах Германии,

¹¹ О научной составляющей проекта «Заштитим память» см:
<http://protecting-memory-ua.org/>.

Франции, Израиля. В ходе такой академической работы историков были накоплены свидетельства и документы по еврейским общинам того или иного населенного пункта в определенных регионах проекта, в период между двумя мировыми войнами и во времена немецкой оккупации и Холокоста. Почти во всех местах проекта исследовательской группой были найдены персональные истории евреев, тех, кто пережил Холокост или был убит в годы оккупации. Также одним из важнейших результатов поисковой части проекта явилось то, что были найдены или восстановлены имена местных жителей, которые спасали евреев, рискуя собственной жизнью. Истории людей или целых семей из Вахновки, Липовца, Бердичева, Хажина, Самгородка, Любара и других мест – возможно, самый ценный результат исследовательской деятельности в рамках проекта. По меньшей мере, такие истории не менее важны, чем памятные знаки, которые были созданы в ходе реализации «Зашитим память»¹².

Результаты научной составляющей имели решающее значение для установления мемориальных знаков или памятников убитым евреям и ромам на местах, которые были определены исследователями¹³. Каждое место памяти было оснащено информационной стелой на трех языках, мемориальной надписью на самом памятном знаке или памятнике. Одним из важнейших итогов научной деятельности было издание исторических брошюр на двух языках (украинском и английском) по каждому населенному пункту. Таким образом, мы стали свидетелями нового подхода к сохранению мест массовых захоронений жертв Холокоста и

¹² С изданиями исторических брошюр по местам проекта «Зашитим память» на территории Житомирской и Винницкой областей можно ознакомиться по ссылке: URL: <http://www.holocaust.kiev.ua/home/ramyat>.

¹³ Памятные знаки убитым ромам Украины были установлены в трех местах на территории Житомирской области: пгт. Иванополь Чудновского района, с. Девошин Овручского района и с. Калиновка Олевского района. Подробнее:

<http://protecting-memory-ua.org/divoshyn>
<http://protecting-memory-ua.org/kalynivka>
<http://protecting-memory-ua.org/ivanopil>.

геноцида ромов, когда на местах памяти жертв не только установлены каменные глыбы, но и присутствует живая история людей, которые были жестоко убиты нацистами, отображенная в справках на информационных стелах, в мемориальных надписях, брошюрах. Таким образом, по выражению Тимоти Снайдера, мы возвращаем человеческий облик жертвам, а не только говорим о цифрах, уничтоженных; мы говорим о тех людях, которые жили вместе с нами и внесли свой вклад в культурное наследие Украины¹⁴.

В период научных исследований по проекту, во время работы в архивах, с научной литературой, с частными коллекциями воспоминаний украинские и немецкие исследователи готовили материал для исторических справок на информационных стелах. Многих усилий потребовала процедура создания текста мемориальной надписи на будущих памятных знаках и памятниках. Процесс подготовки таких мемориальных надписей не в последнюю очередь продемонстрировал разницу между методологическими подходами к политике исторической памяти в современных Германии и Украине, а также наглядно показал отношение к памяти о жертвах Второй мировой войны в украинском социуме.

Речь шла о создании краткого, выверенного текста, подтвержденного различными массивами документальных и устно-исторических источников, о сути трагического события, происходившего в том или ином месте, где массово были убиты люди. Такой текст должен был полностью соответствовать действительности, какой бы ужасной и античеловеческой она ни была. Дискуссия между историками по поводу мемориальных надписей началась в первой фазе проекта (2011-2015 гг.), когда готовились к созданию памятные знаки на территории Львовской, Волынской, Ровенской областей. Это был вызов для современной украинской культуры исторической памяти, позволявший отойти от лживых мемориальных надписей советского

¹⁴ Тимоти Снайдер. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. Киев: Грани-Т, 2011.

периода, в которых идентичность жертв фактически была нивелирована. Таким образом, именно благодаря проекту «Заштитим память» появился исторический шанс построить современную, понятную модель таких мемориальных надписей на местах массовых расстрелов гражданского населения, в частности, украинских евреев и ромов¹⁵. Процесс создания мемориальных надписей, безусловно, содействует появлению и развитию в современном украинском обществе европейской модели памяти о прошлом.

Исследователи проекта в результате профессиональных дискуссий полностью отвергли советские клише, которые присутствовали на мемориалах жертвам войны в прошлом, и разработали новые критерии мемориальных надписей. Такая надпись на памятных знаках жертвам Холокоста и геноцида ромов должна была соответствовать следующим критериям:

- определение этнической идентичности жертв. В случае массовых убийств евреев и ромов нацистская оккупационная власть лишала жизни этих людей именно за их этническую принадлежность.
- идентичность преступников. Кто именно совершил преступление, кто был участником массовых расстрелов (какие именно карательные подразделения оккупантов и местных исполнителей, если таковые были, участвовали в совершении массового убийства). В расширенных исторических справках, которые располагались на информационных стелах, была возможность называть имена преступников, если они были известны.

- определение места, где проходил массовый расстрел.
- дата, когда произошел расстрел, если она известна точно. Если нет, тогда приблизительно.

- количество жертв, точное или приблизительное, в зависимости от результатов исторического исследования.
- кто и когда построил мемориал, памятный знак или памятник.

¹⁵ См., например, памятные знаки в г. Липовец Винницкой области: <http://protecting-memory-ua.org/lypovets/fotohalereia>.

— кто отвечает за сохранность мемориала, памятного знака или памятника.

С такими критериями согласились исследователи проекта, и они стали определяющими при построении будущих мемориалов. Однако при осуществлении работ возникла довольно острая дискуссия по поводу одного из критериев (причем все остальные критерии надписей на будущих памятных знаках проекта нигде и ни у кого возражений не вызвали), а именно, идентичности преступников.

Именно этот критерий оказался наиболее уязвимым и вызвал широкую дискуссию среди ученых и, одновременно, среди ученых и представителей власти и местных общин. Эта дискуссия наглядно продемонстрировала различия культур памяти в современных немецком и украинском обществах, а также довольно ярко обрисовала отношение к сохранению памяти о жертвах национал-социализма в Украине.

В дискуссии среди ученых речь шла о точном указании исполнителей преступления в каждом конкретном месте проекта. Украинские исследователи предложили писать «нацистские карательные подразделения и местная полиция...». По первой части такой надписи немецкие историки предложили писать не «нацистские», а «немецкие». Они настаивали именно на такой формулировке, тем самым объясняя, что ответственность за 12 лет власти и преступлений национал-социалистов в Германии, в период Третьего Рейха, несет не только сам политический режим, но часть этой ответственности лежит на тогдашнем немецком социуме, который допустил приход к власти в Германии национал-социалистов. Немецкие коллеги, исходя из документальных источников, утверждали, что исполнители массовых расстрелов евреев на украинской территории — участники карательных подразделений СС и Вермахта — далеко не все были членами национал-социалистической партии, но сознательно шли добровольцами на Восточный фронт и принимали участие в массовых убийствах гражданского населения, находясь под влиянием нацистской пропаганды, считая, что они поступают правильно, так как освобождают жизненное пространство для немецкого народа.

На мой взгляд, такая позиция молодых немецких историков ярко характеризует тот факт, что немецкое общество преодолело кризис и вызовы с признанием абсолютной преступности национал-социалистического режима, господствовавшего в их стране двенадцать лет в середине прошлого века, и сумело взять на себя не вину за прошлое, а ответственность за память о прошлом, и именно эта ответственность открыла всему немецкому обществу и современному немецкому государству путь к определенному катарсису, к открытости перед собой и миром, признанию полной правды о тяжелом, преступном и, одновременно, трагическом прошлом Германии XX века и создало условия для культурного, экономического, политического развития современной Германии¹⁶.

Современное украинское общество находится только в начале пути к открытому осмыслиению сложной истории прошлого века, к ответственности за память о жертвах Холокоста. Об этом красноречиво свидетельствует украинская часть дискуссии о мемориальных надписях на памятных знаках в проекте «Зашитим память». Причем, очевидно, что академическая историческая наука опережает в этом весьма сложном процессе осмыслиения власти страны. Местные чиновники, от которых зависело утверждение мемориальных надписей на будущих памятниках жертвам Холокоста или геноцида ромов, часто оказывались не готовы воспринять ту часть надписи, где речь шла о соучастии в массовых расстрелах украинской вспомогательной полиции, как маркировала полицейские подразделения нацистская оккупационная власть. Такая ситуация, к примеру, сложилась накануне или во время открытия мемориалов в местах проекта на территории Волынской области.

В 2015 г. в поселке Бахов, что в девяти километрах от Ковеля, районного центра Волынской области, во время открытия нового мемориала восьми тысячам евреев,

¹⁶ О дискуссии немецких и украинских историков об ответственности за преступления периода Третьего Рейха см., например: www.ukrinform.ua/rubric-politics/2811470-karl-slogel-nimeckij-istorik-i-pismennik.html.

заключенным ковельского гетто, которые были уничтожены на этом месте, произошла публичная дискуссия по поводу мемориальной надписи. Текст надписи, следующий: «*В 1941-1944 годах в г. Ковель и окрестных селах было уничтожено более 8000 евреев немецкими оккупантами и подчиненными им местными службами. Пусть души их будут завязаны в узел вечной жизни*¹⁷». На основе документов, убийство осуществляли немецкие подразделения СС, а помогали им (собирали евреев, выгоняли их из собственных домов в Ковеле, вели к месту казни, конвоировали, окружали место массового убийства, предотвращали побег обреченных людей) представители местной полиции, состоявшие в большой степени из украинцев, а также русских, поляков и других. Таким образом, в части надписи об исполнителях этого ужасного преступления было принято решение отметить информацию о помощи местной полиции в массовых расстрелах, что соответствует тому, что произошло на этом месте и восстанавливает память о ковельских евреях, которых сегодня нет в этом городе. Во время открытия один из представителей местной власти выступил и сказал, что, безусловно, открытие такого мемориала является важным для Ковеля, и он сам знает, что когда-то в Ковеле была большая еврейская община, которая была уничтожена в годы немецкой оккупации города. Однако, по его мнению, не надо было в надписи указывать, что участие в убийствах евреев принимала украинская полиция, потому что этой надписью авторы проекта сделали виновными в Холокосте украинцев, которые сегодня живут в современном Ковеле¹⁸.

На мой взгляд, эти примеры говорят о двух, по крайней мере, тенденциях в Украине по формированию исторической памяти об истории Второй мировой войны. Первая: украинскому обществу, государству в целом, еще трудно признать, что «наши были не всегда хорошими»; мы скорее готовы говорить о жертвенности и героизме в годы, но

¹⁷ См.: <http://protecting-memory-ua.org/bakhiv/fotohalereia>.

¹⁸ Об открытии мемориала в с. Бахов Ковельского района Волынской области: https://vgolos.com.ua/news/na-volyni-vidkryly-memorial-zhertvam-golokostu-iz-superechlyvym-napysom_184786.html.

открыто признать, что были среди нас и преступники, пока еще очень трудно. Вторая: благодаря мемориальным проектам, в том числе, и проекту «Зашитим память», в Украине сегодня постепенно начинается открытая дискуссия на такую болезненную тему, как сотрудничество части местного населения с нацистским режимом и соучастие в преступлениях против гражданского населения в период немецкой оккупации. На мой взгляд, такая дискуссия является тяжелой, но крайне необходимой для преодоления остатков тоталитарного мышления в украинском обществе и формированию европейских ценностей.

В целом, детальные научные исследования были проведены во всех местах проекта; на территории пяти областей на всех мемориалах имеются надписи, а также, что очень важно, стелы с историческими справками; изданы исторические брошюры, в которых подробно расписана как история местной еврейской или ромской общины, так и обстоятельства ее гибели в годы Второй мировой войны. Очень важным является то, что мемориалы были построены преимущественно в маленьких поселках, где их до того или вообще не существовало, или были памятники с лживыми надписями. Из 20 мемориалов проекта «Зашитим память» только три появились в райцентрах: Рава-Русская, Липовец, Бердичев, а все остальные памятные знаки и мемориалы были сооружены в маленьких населенных пунктах. Очевидно, что такой проект имеет огромное воздействие на формирование европейской модели памяти о жертвах Холокоста в современной Украине.

Сегодня инициатива сохранения памяти о геноциде евреев исходит, как от еврейских организаций, так и украинской общественности. Еврейские организации в Украине – это часть украинского гражданского общества¹⁹. На этом фоне особенно

¹⁹ Изучение, преподавание и сохранение памяти о жертвах Холокоста – это органичная часть современного гражданского общества в Украине. Доказательство этого – два мощных научных и образовательных Центра по истории Холокоста, которые уже почти 20 лет работают в Украине – в Киеве (www.holocaust.kiev.ua) и Днепре (www.tkuma.dp.ua), и подготовили целые поколения учителей и гуманитариев разных профессий по этой теме.

заметна пассивность украинских государственных структур, которая связана не только с отсутствием финансирования, но и простым незнанием исторического прошлого, отказом признать, что история Холокоста – это часть истории Украины времен Второй мировой войны. В то же время нельзя отрицать участие государства в формировании политики памяти жертв нацистского геноцида евреев. Национальному историко-мемориальному комплексу в Бабьем Яру в Киеве – придан статус государственного. В Харькове и Львове мемориалы поддерживаются из государственного и местного бюджетов. Именно благодаря усилиям всех частей гражданского общества, научных и образовательных институций, которые работают в поле изучения истории Второй мировой войны и истории Холокоста, государственные структуры всех уровней встали на путь увековечения памяти Холокоста в Украине.

История и память о Холокосте в Украине

Д-р Борис Забарко,

*бывший узник Шаргородского гетто, председатель
Всеукраинской Ассоциации евреев – бывших узников гетто и
концлагерей, руководитель Научно-просветительского центра
«Память Катастрофы» (Киев)*

Холокост (Катастрофа, Шоа) в годы Второй мировой войны стал ключевым событием в человеческой истории. Я обращаюсь к этой теме не только как историк по профессии, и не потому, что сам пережил гетто в украинском местечке Шаргород Винницкой области и память об этом у меня осталась на всю жизнь, но и потому, что чувствую свою вину за то, что остался в живых, перед невинными людьми, которые мученически погибли от рук нацистов и их пособников. Это мой долг, который я пытаюсь оплатить работой по сохранению памяти о жертвах нацизма. Мы не смогли предотвратить ужасные преступления и смерть родных и близких, всех, кто погиб в пламени Катастрофы. Но можем сохранить память о ее невинных жертвах, не дать миру забыть о них, не позволить исказить историю и отрицать правду, передать горький опыт и уроки новым поколениям.

Еврейский народ потерял 6 миллионов своих сынов и дочерей. Одной из самых страшных сцен Холокоста была Украина. Здесь было уничтожено наибольшее число евреев – почти половина всех его жертв, которые являлись гражданами СССР к началу войны, или больше четверти европейских жертв Холокоста.

По данным д-ра Александра Круглова, на Украине во второй половине 1941 г. были убиты 509 тыс. 190 евреев, примерно одна треть всех жертв. В 1942 г. уничтожено 773 тыс. 700 чел. – примерно половина общего числа жертв. 1943 год

унёс 150 тысяч жизней. В первой половине 1944 г. погибло 185-190 тысяч. Подавляющее большинство евреев было уничтожено на территории собственно Украины, более 22 % (около 340 тысяч) вывезено и уничтожено на территории Польши – в лагерях Белжец, Освенцим, Собибор и Майданек. В Восточной Галиции евреи были уничтожены за 2 года; на Волыни, в Подолии, на Правобережной Украине – за 1,5 года; в Южной и Левобережной Украине – почти за 0,5 года¹. В Украине нет ни одной еврейской семьи, которой не коснулась эта трагедия.

Тимоти Снайдер в книге «Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным» справедливо отмечает, что мы обязаны превратить цифры в людей, а если мы на это неспособны, то Гитлер и Сталин сформировали не только наш мир, но и нашу человечность...². И если мы действительно хотим представить трагичность цифр – 1,5 миллиона в Украине и 6 миллионов в Европе, – мы должны поставить себя на место каждого, кто умирал, не забывая при этом, что уничтожение для евреев было тотальным.

Только немногие смогли пройти через эти страшные испытания. Чувство облегчения людей в момент освобождения было смешано с неизбежным осознанием ужасной судьбы, постигшей бесчисленное количество тех узников нацизма, которых уже нельзя было спасти. К радости наступления свободы, писал Примо Леви, бывший узник Освенцима, отразивший в литературе драму Холокоста, «примешивалось болезненное ощущение стыда... и страдания, потому что мы чувствовали, что свобода – это иллюзия, и с этого момента никогда не случится ничего доброго и чистого, что заставило бы нас стереть прошлое и предать забвению незаживающие шрамы от нанесенных нам обид»³.

С тех пор прошло около 80 лет. И все эти годы мы вспоминали с болью и печалью, пытаясь понять: как эта

¹ Alexander Kruglov. Jewish Losses in Ukraine, 1941-1944, in: The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Edited by Ray Brandon and Wendy Lower. INDIANA UNIVERSITY PRESS. 2008. P. 279, 281, 282-283.

² Timothy Snyder. Bloodlands. Europa zwischen Hitler und Stalin. München, 2011. S. 41.

³ Primo Levi. The Drowned and the Saved. New York, 1988. P. 15.

беспрецедентная трагедия стала возможной? Почему мир не смог предотвратить это массовое преступление нацизма? Как предотвратить подобное в будущем? Извлекли ли люди уроки из прошлого? Мы и будущие поколения еще долго будем искать ответы на эти сложные вопросы, которые оставила нам Катастрофа.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в Послании по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста 27 января 2010 г. подчеркивал мысль о триумфе человеческого духа. Живое подтверждение того, что тирания, даже если она возникает, не может торжествовать победу. Тем, кто пережил Катастрофу, отводится также важная роль в том, чтобы его уроки были сохранены в памяти будущих поколений»⁴.

Трудно принять вызов, который бросает нам прошлое. И что должны делать те, которые выжили, которые в долгую перед теми, кто погиб? Ответ выдающегося философа, писателя, лауреата Нобелевской премии мира, бывшего узника Освенцима Эли Визеля: «Рассказать о геноциде невозможно, только и молчать о нем нельзя»⁵. Ему вторит Примо Леви. «Тяжело и малоприятно погружаться в эту пучину зла», – пишет он в книге «Если это человек». «Есть искушение, поморщившись, отвернуться и отключить сознание. Этому искушению нельзя поддаться»⁶. А вот мнение с другой стороны: «Стремление пощадить наши чувства, исходящее от нас самих или других людей, не пойдет нам на пользу»⁷. Это сказал президент Германии Рихард фон Вайцзеккер в речи, посвященной 40-летию Победы над нацизмом.

...Когда в 1993 г. в Вене проходила презентация «Энциклопедии Холокоста», подготовленной учеными из Израиля, США, Германии, я спросил одного из редакторов,

⁴ United Nations Secretary General Ban Ki-moon: Message on the International Day in Memory of the Victims of the Holocaust, 27 January 2010. www.unis.unvienna.org/unis/pressrels/2010/unissgsm164.html.

⁵ Elie Wiesel. «Silence helps the tormentor, never the oppressed...» Speech at the conference at Boston University. // www.ijc.ru/cen16.html.

⁶ Primo Levi. If this is a man. The Orion Press. New York, 1989. P. 17.

⁷ www.dhm.de/lemo/html/dokumente/NeueHerausforderungen_redeVollstaendigRichardVonWeizsaecker8Mai1985.

профессора Юлиуса Шоепса: «Почему в Энциклопедии так мало материала о Катастрофе украинского еврейства в годы войны?» «Вы же очень мало или почти ничего не написали об этом»⁸, – таков был ответ ученого, с которым нельзя было не согласиться. И дело было не только в отсутствии доступа к архивным документам. Антисемитизм советского периода в течение долгого времени служил препятствием к осмыслению Холокоста.

Долго и вынужденно молчали «носители правды» не только потому, что не смогли перенести прошлое Холокоста, но еще и потому, что государство, которое их оставил один на один с нацистами, не нуждалось в их правде. Долгие годы и другие страны мира не были заинтересованы в изучении истории и уроков Холокоста.

После войны победители и проигравшие отвернулись от прошлого. Оставшиеся в живых узники, их истории и проблемы оказались никому не нужны. Все пытались замалчивать воспоминания. Долгое время молчал и еврейский мир. Ужас происшедшего трудно было осмыслить в непосредственной близости к нему. Он не укладывался ни в какие логические и иные представления, не поддавался разумному объяснению. «Пролитая кровь была слишком горяча, чтобы о ней можно было рассуждать спокойно»⁹.

Не собирались свидетельства и воспоминания тех, кто пережил Катастрофу в гетто, рабочих и концентрационных лагерях, в лагерях уничтожения; тех, кто воевал в партизанских отрядах, кто выжил, а также тех, благодаря которым они спаслись от смерти; тех, кто все это видел и знал всю правду о страшных годах оккупации и геноцида. До последнего времени жертвы Холокоста и войны так и не обрели права на свой собственный голос – или стали приобретать это право слишком поздно.

⁸ Boris Zabarko. Holocaust in Ukraine. London–Portland, 2005. pp. XXVII–XXVIII.

⁹ Steven T. Katz. Jewish Faith after the Holocaust. Four Approaches, in: Post-Holocaust Dialogues. Critical Studies in Modern Jewish Thought, New York, 1983, p. 90.

Проект сбора свидетельств в Украине начался в 1993 г. по инициативе Русского отдела израильского музея «Бейт Лохамей ха-Геттаот» под руководством д-ра Пинхаса Агмона – бывшего узника Варшавского гетто. Эта работа продолжалась около двух лет, и мы собрали первые 130 аудиосвидетельств евреев, выживших в Украине в годы войны. Успешное выполнение проекта привлекло внимание научных кругов и общественности зарубежных стран, и к организаторам проекта подключились Центр документации Йельского Университета и Музей Катастрофы в Вашингтоне. Наша экспедиция летом 1994 г. проехала по городам и местечкам Украины более 3500 километров. Записаны уникальные видеосвидетельства¹⁰.

Итоги работы мы подвели на международной научной конференции и сборниках воспоминаний свидетелей и жертв Холокоста «Винницкая область. Катастрофа (Шоа) и Сопротивление»; «Запоздалые свидетельства» и «В огне Катастрофы (Шоа) на Украине. Свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения»¹¹. Включились мы в эту работу с большим опозданием. Горько признать, что многое упущено навсегда. Необходимо представить историческую истину во всей ее полноте, не обходя и сложные, болезненные вопросы сотрудничества определенной части украинского общества с нацистами, коллaborации и антиеврейских акций националистов, хотевших, как отмечает известный украинский историк Ярослав Грицак, «видеть будущую украинскую страну как страну Judenfrei, без евреев»¹².

¹⁰ См.: Пинхас Агмон. Сохранение памяти; Борис Забарко. Испытание Катастрофой; Натан Бирак. Проект сбора свидетельских показаний на Украине: подробности и проблемы // Информационный бюллетень Дома-музея борцов гетто имени Ицхака Каценельсона. Специальный выпуск. Киев, 1996.

¹¹ Борис Забарко. Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Кн. I. Киев, 2008, с. 5-64.

¹² Ярослав Грицак. Чи УПА брала участь у погромах, а чи допомагала рятувати євреїв? // Український журнал. 2009, № 10, с. 35.

Необходимо также не обходить и светлые страницы истории, которые замалчивались официальной историографией – о роли украинцев в помощи и спасении евреев. Замалчивались, может быть, потому, что мужество этих людей – укор местным погромщикам, палачам и полицейским, а также пассивным, равнодушным; доказательство того, что и во мраке Холокоста можно было сделать другой выбор, кроме бессловесного подчинения преступному режиму или сотрудничества с ним, и оставаться порядочным человеком.

Первую в Украине книгу свидетельств и воспоминаний жертв Катастрофы «Живыми остались только мы: Свидетельства и документы» мы опубликовали в 1999 г., когда отмечалось 55-летие освобождения страны от нацистских захватчиков.¹³ С особым вниманием книга воспоминаний была встречена в Федеративной Республике Германия. В 2004 г. она увидела свет в издательстве Dittrich Verlag: «*Nur wir haben überlebt. Holocaust in der Ukraine. Zeugnisse und Dokumente*». Совместно с моими друзьями-коллегами Маргret и Вернером Мюллер из Кельна мы провели презентацию книги во многих городах Германии и Швейцарии.¹⁴ В 2005 г. книга была переведена на английский язык и опубликована в Великобритании – «*Holocaust in the Ukraine*». Научно-поисковая работа продолжалась.

В 2006-2008 гг. мы опубликовали трехтомник воспоминаний евреев, выживших в Холокосте в Украине в 1941-1944 гг. «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы». И в 2013-2014 гг. вышел из печати двухтомник воспоминаний «Мы хотели жить... Свидетельства и документы».

По просьбе представителей науки, просвещения, политики и широкой общественности зарубежных стран, которые не читают по-русски (а книги «*Nur wir haben überlebt. Zeugnisse und Dokumente*» и «*Holocaust in the Ukraine*» стали библиографической редкостью), я подготовил и издал в 2019 г. на английском языке новый двухтомник воспоминаний «*Life*

¹³ Boris Zabarko. Life in the Shadow of Death: Recent memories about Holocaust in Ukraine: Testimonies and Documents. Vol. 1. Melitopol, 2019, p. 14-62.

¹⁴ Boris Zabarko. Life in the Shadow of Death...

in the Shadow of Death: Recent memories about of the Holocaust in Ukraine: Testimonies and Documents». И в соавторстве с Вернером и Маргret Мюллер мы опубликовали немецкий вариант трехтомника «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста»: «Leben und Tod in der Epoche des Holocaust in der Ukraine 1941 – 1944. Zeugnisse von Überlebenden». В отличие от ранее опубликованных книг, последние воспоминания очевидцев и свидетелей Холокоста охватывают всю территорию Украины и расположены в хронологическом порядке. К основному тексту сделаны примечания и научные комментарии с указаниями на источники и литературу на разных языках, включены вводные статьи известных зарубежных исследователей истории Холокоста Дитера Поля (Германия), Мартина Дина (США) и Карела Беркгофа (Нидерланды).

Важность и ценность воспоминаний людей, переживших Холокост, возрастает, поскольку скоро мы, в силу естественных причин, утратим возможность общаться с живыми свидетелями той эпохи. К сожалению, чем меньше остаётся живых свидетелей, тем больше возникает отрицателей Холокоста. Воспоминания жертв нацизма (в ситуации, когда уничтожены следы и свидетели преступлений, отсутствуют правдивые документальные материалы и закрыты ещё многие архивные фонды, относящиеся к Катастрофе) – незаменимый источник. «*Именно их душераздирающие воспоминания и истории, – подчеркивал президент Израиля Шимон Перес, – являются залогом того, что никто не сможет исказить историю, не сможет отрицать правду о Катастрофе. Голоса выживших сохраняют живую память о жертвах Холокоста и не позволяют стереть из истории темные страницы прошлого. Именно благодаря им мы помним невинных жертв. Их истории помогают нам помнить. И никогда не забывать. Ни сегодня, ни впредь*»¹⁵.

До открытия архивов основные сведения о Холокосте базировалась на показаниях жертв нацизма. Вокруг них разворачивались дискуссии в научных и общественных кругах,

¹⁵ Шимон Перес. У каждого человека есть имя! Обращение Президента Израиля ко Дню Катастрофы и Героизма <http://jewish.kiev.ua/news/3427>

они становились объектом политических спекуляций националистических и антисемитских сил. Правда оказалась слишком страшной¹⁶. Чтобы развеять недоверие к Холокосту, необходимы веские доказательства и, в первую очередь, свидетельства и воспоминания очевидцев и участников событий. Елена Щербова, чудом выжившая в аду гетто и Дробицкого Яра в Харькове, отмечает в одной из наших книг: «*То, что реально происходило, могут знать и рассказать только очевидцы*»¹⁷. Узники, по свидетельству Примо Леви, мечтали выжить, не только подчиняясь инстинкту самосохранения, но и потому, что хотели рассказать о том, что им довелось испытать. Они хотели, чтобы их личный опыт помешал повториться чему-то подобному в будущем. Но была еще одна причина: они стремились рассказать о пережитых трагических днях, чтобы те не растворились в забвении. Об этом же пишут и авторы воспоминаний, собранных в наших книгах.

Показания людей, прошедших через «долину смертной тени», дают возможность на личностном уровне, на примерах индивидуальных судеб жертв показать чрезвычайно широкую панораму тотального уничтожения евреев, назвать те места кровавых расправ в Украине, в которых осуществлялся геноцид евреев, о которых никто до настоящего времени не знал. Как не знал и о благородных людях, которые, несмотря на опасности и тяжелые испытания, делали все возможное для помощи и спасения своих собратьев, оказавшихся изгоями на своей родине. Такая информация получает особое значение в свете опасности, исходящей от всё более множающейся неонацистской, антисемитской литературы, направленной на преуменьшение Катастрофы и даже полное ее отрицание.

Как проверить полученную от свидетелей информацию, чтобы сделанные на её основе оценки как можно больше были приближены к истине, т. е. учитывали бы всю совокупность обстоятельств, при которых произошло то или иное событие? Уважать память переживших Холокост – значит не только сохранить её, но одновременно анализировать, пытаясь ясно

¹⁶ За гранью понимания. Богословы и философы о Холокосте. Под ред. Джона К. Рота и Майкла Беренбаума. Киев, 2003, с. 137.

¹⁷ Борис Забарко. Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Кн. 3, с. 515.

представить сложность сопутствующих обстоятельств, и с помощью исторических исследований реконструировать мир, из которого они были насильственно вырваны и который чаще всего переставал существовать вместе с ними. Мы обязаны не просто помнить о прошлом, но и четко осознавать, какие угрозы современному миру несут межнациональная рознь, расовая нетерпимость и пренебрежение человеческим достоинством. Холокост принес нам горький урок того, что антисемитизм и нацизм – это одно и то же явление, и ростки его надо уничтожать на корню.

Почему столько людей, которые пережили Холокост, ощущают появление угрозы еврейскому народу еще до того, как она принимает конкретные очертания?» Отвечу словами писателя и бывшего вице-премьера Швеции Пера Олмарка: «*Потому что им известно, как «безвинные» намеки перерастают в обвинения, которые в свою очередь, превращаются в дискриминацию, а потом становятся частью заведомого порядка. И тогда начинается истерия. Те, кто пережил это один раз, бьют в набат, потому что знают, что поставлено на карту. Этими действиями они укрепляют демократию в наших странах таким образом, каким способны только они. И мы должны прислушаться к этим людям, чтобы выжить самим*».

И если мы сохраним и передадим «долг памяти», который порождает действие и является необходимым бастионом в борьбе с искушением забвения, с нами останется и станет ещё более актуальным в будущем «долг просвещения» грядущих поколений о важности защиты достоинства и ценности каждой человеческой личности, вне зависимости от расы или религиозных убеждений. Это наша задача. И мы должны её выполнить. Потому что, как писал известный еврейский историк Шимон Дубнов – ещё одна жертва Холокоста – «без памяти любой народ утрачивает свои корни, свой опыт, свой шанс жить и дальше»¹⁸. Мы, надеюсь, собираемся жить дальше.

¹⁸ Цит. по: Соломон Динкевич. Почему Б-г молчал? // Мы здесь, № 252, 1-7 апреля 2010.

Места памяти о Холокосте на территории Республики Молдова

*Д-р Ирина Шихова,
старший научный сотрудник Института культурного
наследия при Министерстве образования, культуры и науки
Республики Молдова (Кишинев)*

В 2014 г. Республика Молдова вступила в Международный союз сохранения памяти Холокоста (IHRA, International Holocaust Remembrance Alliance) в статусе страны-наблюдателя. В ноябре 2015 г. Парламент РМ объявил 27 января Национальным Днём памяти жертв Холокоста, который впервые отмечался на государственном уровне в 2016 г. Парламент Молдовы одобрил опубликованный доклад Эли Визеля, согласно которому в Молдове (включая Транснистрию) в годы Второй мировой войны погибло от 150 до 180 тыс. евреев¹; а в 2017 г. был принят Национальный план увековечения Холокоста.

Разумеется, увековечение памяти жертв Холокоста в Молдове началось не с 2010-х годов. На национальный уровень тема Холокоста вышла несколько раньше – по крайней мере, со второй половины 2000-х, когда Еврейский культурный центр КЕДЕМ, отмечая ежегодно 27-го января Международный День памяти жертв Холокоста, приглашал (и продолжает приглашать) на мемориальный вечер-реквием первых лиц государства и представителей дипломатического корпуса.

На частном же уровне память о Холокосте (хотя, как мы помним, само слово это впервые прозвучало в СССР не

¹ См.: Comisia Internațională pentru Studierea Holocaustului în România, Raport final. Iași: Polirom, 2005.

раньше 1987 г.) сохранялась с 1944-45 гг., когда евреи, возвращаясь из эвакуации, а немногие уцелевшие – из концлагерей в Транснистрии и гетто – оказались в совершенно новой реальности. Напомню вкратце исторический фон.

Молдова относилась к той части Восточной Европы, которая стала советской территорией позже других областей, после подписания пакта Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 г., третий пункт секретного приложения к которому гласил: «Касательно юго-востока Европы с Советской стороны подчёркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о её полной политической незаинтересованности в этих областях»². Уже после начала Второй Мировой войны и раздела территории Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 г. (как оговаривалось в п. 2 Секретного протокола), после присоединения стран Балтии к СССР (как оговаривалось в п. 1) в октябре-декабре 1939 г., 28 июня 1940 г. румынский король Кароль II принял ультимативную ноту советской стороны, в результате которой территория междуречья Прута и Днестра, известная под названием Бессарабия, перешла под юрисдикцию Советского Союза.

Последние перед присоединением к СССР годы, с конца 1930-х, евреи Румынии, до того бывшие полноправными гражданами не самой богатой, но всё-таки свободной европейской страны, испытывали всё нараставший государственный антисемитизм. Поэтому приход советской власти они в большинстве своём приветствовали – хотя некоторые, самые осторожные или самые информированные, ничего хорошего и от новой власти не ждали, и, увы, оказались правы. Почти год, с 28 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г., Молдавия была советской. За это время сталинская власть сделала всё, чтобы превратить её население в законопослушных советских граждан – то есть запугивала и терроризировала их своими отработанными за годы Большого Террора методами. В ночь с 12 на 13 июня 1941 г., за считанные дни до начала Великой Отечественной войны,

² Цит. по: <http://historyfoundation.ru/2019/05/31/pakt/>.

сталинский террор в Молдавии достиг апогея. Из Бессарабии в одночасье было сослано, по разным подсчётам, от 20 до 30 тысяч человек (большинство бессарабцев оказались в лагере Ивдель в Свердловской области, но многие – в Сибири и северном Казахстане). Среди репрессированных было и значительное число евреев со всей Молдовы. Многие погибли в жерновах сталинских лагерей, но многие были парадоксальным образом спасены, оказавшись вне пламени Холокоста. Необходимо отметить, что изучение и увековечение советских репрессий – отдельная востребованная тема исследований в современной Молдове.

Наступление румынско-немецких войск после 22 июня 1941 г. продвигалось относительно медленно, и этот небольшой зазор, продлившийся меньше месяца, спас многие еврейские семьи, успевшие эвакуироваться. Советская власть не задумывалась о целенаправленном спасении именно евреев, притом, что ожидавшая их судьба была очевидна. Эвакуировали специалистов, работников промышленных и военных предприятий, государственные ценности, медицинские учреждения, членов семей партийных, советских работников и командиров Красной Армии.

Считается, что из уже упомянутого числа в 150-180 тысяч около 50 тысяч погибло за первые несколько недель войны, а к концу 1941 г. между Прутом и Днестром евреев практически не осталось, и Холокост перекинулся за Днестр, в образованное 19 августа 1941 г. губернаторство Транснистрия со столицей в Одессе.

Вся эта непростая предыстория объясняет сложное отношение евреев ко всем государствам, в которых им довелось жить – Румынии, Советскому Союзу, Молдове.

Когда евреи стали возвращаться из эвакуации, из Сибири, они обнаружили землю, пропитанную кровью их родственников, и в то же время – отсутствие общепризнанного места памяти. И, конечно, первым напрашивющимся решением становились кладбища. Во-первых, кладбище – это в первую очередь и есть место памяти. Во-вторых, могила – это чуть ли не единственное публичное место, которое находилось в собственном ведении семьи, без вмешательства

государства. И поэтому чуть ли не на каждом еврейском кладбище в Молдове (автору приходилось бывать с исследовательскими целями практически на всех из них) на многих надгробных камнях (как предвоенных, так и послевоенных) есть дополнительные мемориальные таблички с текстом типа «*Памяти членов семьи таких-то и таких-то, погибших в 1941*» (реже: «*от рук фашистов*» или «*в гетто*»). Характерна в этом контексте мемориальная табличка, зафиксированная автором на Кишинёвском еврейском кладбище. Надпись гласит:

Памяти

РАПОПОРТ Мойше-Лейб Пинкусович

1876 – 1920

РАПОПОРТ Цыпа-Ривка Эльевна

1876 – 1943

РАПОПОРТ Эстер Моисеевна

1896 – 1941, погибла в Освенциме

Очевидно, что Мойше-Лейб Пинкусович умер в 1920 году по неизвестной нам причине, и имя его увековечено после войны не на месте его захоронения, а на могиле его дочери только потому, что, видимо, могила его по какой-то причине не сохранилась или была недоступна для семьи; Цыпа-Ривка Эльевна в 1943 году умерла или погибла – может быть, в эвакуации, а может, и в гетто или лагере – советском или румынском; а место смерти Эстер Моисеевны не оставляет места для догадок.

Но есть в Молдове и редкий пример того, как в первые послевоенные годы по инициативе евреев (не скажем – «еврейской общиной», поскольку община в советский период не была официальным институтом) было увековечено место массовой казни и захоронения евреев. Это – так называемый «Дубоссарский Бабий Яр». Здесь в августе 1941 г. было создано гетто, куда сгоняли евреев не только из Дубоссар и окрестностей, но и из Кишинёва, Тирасполя, Балты, Котовска, Ананьева, Красных Окон и т. д. В этом месте за несколько дней, с 12 по 28 сентября 1941 г., немецкая айнзацкоманда 12 айнзацгруппы D в составе 20 рядовых и 5 офицеров под

командованием гауптштурмфюрера Носке и фельдфебеля Келлера, при пособничестве 11 местных коллаборантов расстреляла от 6 до 8 тысяч человек³, а всего во рвах лежит более 18 тысяч тел. Место это находилось на отшибе, за табачной фабрикой, но сразу после войны вокруг стали появляться новые постройки, и возникла опасность, что прямо на костях тоже что-то будет построено. Тогда евреи стали обращаться во все инстанции – вплоть до маршала Жукова, который, как известно, был военным комендантом Одессы с июня 1946 г. по февраль 1948 г.

Возможно, это местная легенда, но она гласит, что Жуков лично дал распоряжение организовать на месте расстрелов мемориал. Композиция мемориала первоначально была типично советской: табличка «На этом месте покоятся мирные советские граждане, расстрелянныне фашистами в годы Великой Отечественной войны» (*орфография и пунктуация оригинала – И.Ш.*) на русском и молдавском языках, и добавленная в 1956 г. трёхфигурная композиция в эстетике соцреализма – советский солдат, защищающий двоих детей, девочку и мальчика. На постаменте была надпись «Советскому солдату-спасителю», но евреи всегда воспринимали эту надпись как неуместную (кого из 18

³ См.: А.М. Москалёва (Векслер). Дубоссарская трагедия, сентябрь 1941 г. Документальная повесть. Дубоссары, 1999; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., Россспэн, 2011, с. 284. Ст. «Дубоссары»; И. Шорников. Зондеркоманда в Дубоссарах. Очерк истории и документация о геноциде и патриотической борьбе в годы фашистской оккупации. Тирасполь, 2016.

тысяч лежащих там спасла Красная Армия?), и после распада СССР эта надпись была устраниена, хотя остальные элементы мемориала остались.

С годами звучание мемориала становится многоголосым. В 1990-е гг. архитектор Семён Шойхет и скульптор Натан Эпельбаум разрабатывают целостный проект мемориала (который вследствие вечной нехватки денег не был реализован полностью – но его вечная незавершённость стала тоже символичной). Вход в мемориал оформляется воротами с узнаваемо еврейским семисвечником. На стенах изнутри появляются гранитные таблички с информационными текстами на русском, иврите и идише: «На этом месте в сентябре 1941 г. оккупантами совершён массовый расстрел более 18 тысяч узников дубоссарского гетто», «Господи! Дай покой твоим мёртвым детям и мир – живым... Амен!» Там же одна за одной, по мере уточнения имён, добавляются гранитные таблички с поимёнными списками жертв.

В 2017 г. на деньги частного спонсора (еврея, родственники которого тоже там погибли) напротив фигуры солдата с детьми воздвигается ещё один монумент, авторства Л. Дубиновского (хотя по первоначальному проекту предполагалась другая скульптура, авторства Н. Эпельбаума). Стилистически скульптура решена с использованием распространённого в постсоветский период мотива зияния, пустоты – это склонившаяся в скорби женщина, и в определённом ракурсе видно, что фигура в плаще – пустотелая. На постаменте – слова «За что?» на русском, английском и идише. Пространство дополняется шестью факелами с вечным огнём – символом шести миллионов жертв Холокоста.

Можно сказать, что вся история увековечения памяти о трагедии в памятниках Молдовы продолжает эти две тенденции: в советский период либо частная инициатива в частном пространстве, либо государственный мемориал «мирным советским гражданам»; а в постсоветский – добавление информационных табличек о Катастрофе на советских монументах и памятники, возводимые в публичном

пространстве, но не по государственной инициативе и не за государственные деньги.

Примерно в 1960-е гг. начинаются перезахоронения останков из братских могил на местах расстрелов и массовых расправ на еврейские кладбища – и на этих братских могилах тоже ставятся памятные знаки, часто с поимёнными списками жертв. Например, такие мемориалы есть на еврейских кладбищах Сорок, Рыбница, Тирасполя; в Оргееве и Единцах таких братских могил даже по две.

На Оргеевском шоссе в Кишинёве, в историческом районе Вистерничены, который во время войны был вне черты города, приблизительно на том месте, где практически с первого дня существования кишинёвского гетто устраивались массовые казни⁴, в начале 1980-х гг. возведён памятник «Жертвам фашизма» авторства Аурела Давида: символическое изображение двух рук, разрывающих связывающую их колючую проволоку. После распада СССР памятник оказался бесхозным: ни одно ведомство не собиралось брать на себя уход за ним, и он постепенно пришёл в запустение, металл с постамента был украден. В 2016 г. памятник восстановлен на деньги еврейской общины и частных спонсоров, добавлены таблички и информационное панно, территория вокруг облагорожена – впрочем, не обошлось и без досадных казусов:

4 См.: Paul A. Shapiro. The Kishinev Ghetto 1941-1942. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 2015. Paul A. Shapiro. Ghetoul din Chișinău 1941-1942. Curtea Veche, 2015.

по первоначальному плану реконструкции предполагалось, что частью мемориала станет Аллея Праведников Мира. Но пока происходила реконструкция самого памятника, находящийся рядом Mercedes-центр расширился, захватив и территорию предполагаемой Аллеи (и ситуация пока не разрешена).

В постсоветское время ситуация несколько меняется: во многих городах и сёлах, где до войны было значительное еврейское население, и на местах расстрелов и братских могилах появляются большие мемориалы или скромные памятные знаки, увековечивающие память о Холокосте. Каждый из них интересен историей, которая за ним стоит, дизайном, расположением. Приведём только несколько примеров.

На окраине села Скуляны Унгенского района – родины скулянской хасидской династии, прославившейся в США после войны, – посреди пустого пространства (которое трудно назвать площадью, а не пустырём) стоит памятник уничтоженной еврейской общине местечка. Интересен он тем, что этот пустырь – место, где находилось снесённое в советский период еврейское кладбище, а памятник стилистически решён в виде мемориального, но не надгробного камня.

На въезде в село Теребна Единецкого района стоит памятный знак с именами и звездой Давида слева и крестом справа – это памятник жертвам оккупационного режима: и евреям, и советским активистам.

С 2018 г. на территории Молдовы – пока только в Кишинёве – разворачивается кампания Stolpersteine (Камни преткновения), инициированная частным образом немецким художником Гюнтером Демнигом.

При этом до сих пор на территории Республики Молдова нет ни одного памятника жертвам Холокоста, поставленного по инициативе государства, – видимо, всё ещё впереди.

Показательно, что увековечение Холокоста в Молдове идёт по пути деанонимизации жертв: от советской традиции возводить «Памятники Неизвестному Солдату» – к мемориалам с поимёнными списками. Надо сказать, что это общая тенденция современной молдавской локальной истории.

Известно много примеров местных мемориалов, где зафиксированы списки жертв Холокоста; участников Второй (реже – Первой) мировой войны; жертв сталинских репрессий; в некоторых случаях даже первых поселенцев колонии или жертв послевоенного голода.

В целом тема Холокоста звучит в общественном пространстве Молдовы всё громче. При этом существуют две наиболее заметных тенденций: первая рассматривает Холокост в общеевропейском контексте, будь то контекст геноцидов XX в. или сталинские репрессии; вторая увековечивает Холокост в рамках «микроистории» – села или города. В обоих случаях несколько смазывается целостная специфическая картина Холокоста в Молдове: он либо теряется на фоне крупных исторических событий, живописуемых широкими мазками, либо наоборот – тонет в мелких локальных подробностях, именах и цифрах.

Осмысление Холокоста в разных аспектах: от статистики до частных историй, от коллаборационизма до спасений Праведниками Мира – постепенно становится всё более важной и широко востребованной общественной повесткой. То, что многие годы было «внутренним делом» евреев, а на государственном уровне происходило преимущественно как следование общеевропейской тенденции и «дорожной карте» ассоциации IHRA, превращается в важный аспект общественной жизни Молдовы. Движение это происходит буквально на глазах: всё чаще журналисты и общественные деятели обращаются к этой теме вне «обязательной программы», привязанной к 27 января, а в гораздо более широком контексте.

Современное гражданское общество строится на нескольких краеугольных камнях: личные и экономические свободы, борьба с насилием и коррупцией, равенство всех перед законом, в личной и общественной жизни, и т. д. В разных регионах, в силу различия истории и традиций, приходится концентрировать усилия на разных «участках фронта»: где-то на расовом равенстве, где-то на гендерном, где-то на борьбе с этническими предрассудками... И везде необходимо образование и просвещение, с привлечением

Места памяти о Холокосте
на территории Республики Молдова

исторических примеров. Изучение истории XX в., Второй Мировой войны, тоталитарных режимов необходимо как в формальном образовании, так и в неформальном просвещении, и это невозможно без обращения к теме Холокоста, которая, таким образом, становится важной частью современных процессов в обществе.

Увековечение памяти евреев – участников Второй мировой войны в военно-историческом музее «Энергия мужества» (г. Хадера)

*Давид Зельвенский,
председатель военно-исторической комиссии
Израильского Союза ветеранов II Мировой войны,
член Союза русскоязычных писателей Израиля*

Среди глубинных факторов возрождения Государства Израиль, после почти двух тысячелетий рассеяния, несомненно, выступают национальное самосознание, коллективная историческая память, народные традиции. В условиях же полигэтнического государства и решения неотложных задач по его консолидации именно идентичность, память и традиции приобретают едва ли не главенствующее значение в формировании общественного сознания, гражданской мотивации, патриотизма. В нашей стране эти задачи еще остро актуализированы внутренней и внешнеполитической обстановкой, проблемой безопасности, сменой поколений. Обладает ли возрождающийся, сравнительно молодой Израиль достаточной мемориальной базой исторической памяти, в том числе ее наглядными «трансляторами» – музеями, мемориалами, памятными знаками?

Кроме самой земли Израиля, являющейся уникальным «археологическим парком», в стране функционируют более 200 музеев, что на душу населения – «впереди планеты всей». Не счесть и мемориалов, памятных знаков, символов... Выделим в этом насыщенном мемориальном пространстве интересующий нас аспект военной истории народа. Какие ее судьбоносные события особо отмечены и зафиксированы? Как способствуют они преемственности лучших воинских традиций поколениями израильтян? Включен ли богатейший

послужной список еврейских солдат стран исхода в общую военную летопись народа? Исходя из постулата, что история любого государства есть история его народа, еврейское государство, по существу, не добирает ярчайших страниц именно народной истории, коллективной памяти, чудом сохранившихся традиций. Веками, находясь в изгнании, евреи на всех выпавших им дорогах усердно «разбрасывали камни» духа и дел своих, нередко выдающихся, в том числе и на полях сражений многих войн истории, однако «собирали» их затем далеко не все, нередко выборочно, иные с пристрастием. Это неизбежно оборачивалось искажением исторической правды, социальной безграмотностью и невежеством вступающих в жизнь поколений. Именно подобная картина предстала перед репатриантами «Большой алии» 1990-х годов – алии, имеющей в своем составе большое количество участников величайших событий XX столетия: Второй мировой войны и Холокоста.

Между тем, в стране почти полвека после окончания войны ни один музей, в том числе центральные, не отражал документально ни главные ее события, ни подлинно героического участия в ней, под флагами стран антигитлеровской коалиции, более 1,5 млн. воинов-евреев. В государстве, которого без победы над нацистами просто не существовало бы на карте мира, царила «эра умолчания» долгого и жертвенного боевого пути через всю войну к Берлину, который прошли в общем строю союзников братья-соплеменники. Такой взгляд на историю вызывал восприятие Второй мировой войны лишь как колосального поражения еврейского народа. С Катастрофой же связывались не только боевой призыв «Больше никогда», но и само создание государства Израиль.

Воспитатели юношества в Израиле увидели в Шоа не только народную трагедию, но и воодушевляющий пример еврейского сопротивления¹. Ежегодно в Польшу едут многочисленные группы молодежи, воинов, школьников, пропуская места боевых сражений Второй мировой войны, где проявлены были советскими бойцами, и в их числе воинами-

¹ В Освенцим – за вдохновением // газета «Взгляд», 27. 4. 2017.

евреями, высокие образцы героизма и воинского мастерства. Едут в Освенцим и Треблинку, другие лагери смерти, минуя бывший лагерь смерти Собибор, где в октябре 1943 г. военнопленный офицер-еврей Александр Печерский возглавил единственное за годы Холокоста успешное восстание узников. При всем понимании масштаба и глубины европейской трагедии, как и святости ее памяти, этот перекос в воспитании будущих защитников Родины далеко не безобиден: из истории народа искусственно вычёркивались яркие страницы его стойкости, героизма, воинского мастерства; молодежь лишалась ее законного наследия – боевых традиций отцов и дедов.

Однако героический образ еврея, «нового израильтянина», борца-кибуцника, храброго и сильного воина, всегда поддерживался пропагандой и массовой культурой Израиля. И вот в страну прибыло более двух десятков тысяч непосредственных участников боевых действий и победы над гитлеровской Германией: ветеранов, партизан, инвалидов... Они организовались в союзы, начали издавать газеты и журналы, соорудили на горе Герцля мемориал двумстам тысячам погибших на войне красноармейцев-евреев, заложили памятный лес в честь Красной Армии. Фронтовики терпеливо ждали, когда их пригласят в школы и вузы, в армию и на кафедры, не раз сами предлагали встречи – не дождались. Единичные случаи картины не меняли. Кроме того, удручало отсутствие в музеях Израиля широко освещенной темы Второй мировой войны и «испорченные» неправдой школьные учебники. Место евреев – бойцов и командиров Красной Армии, сражавшихся с врагом в годы советско-германской войны, фактически замалчивалось. Министр культуры Шуламит Алони в правительстве Ицхака Рабина (1992-1993 гг.) заявляла: «Это была не наша война!» Подобный подход к национальной истории был неприемлем для участников войны, бывших узников Холокоста, всех 1,5 млн. репатриантов из бывшего СССР – СНГ.

Чувства справедливости и исторической правды требовали перемен. Приступить к крушению стереотипов мог насыщенный исторической документацией музей. Мне в силу сложившихся обстоятельств выпала честь взять на себя

инициативу по созданию первого в Израиле музея еврейских воинов Второй мировой войны в честь 50-летия Победы. Открытие в Хадере музея «Энергия мужества» положило начало движению ветеранской общественности за возвращение и утверждение исторической правды о Второй мировой войне и ее еврейских солдатах. Со временем, вслед за нашим музеем во многих организациях Союзов, в десятках городов страны (Кармиэле, Ашдоде, Ариэле и других) появились ветеранские музеи и комнаты воинской славы, документально рассказывающие о трудной Победе и бывших фронтовиках, партизанах и тружениках тыла своей организации. Так самодеятельно, «по-солдатски», был создан своеобразный коллективный портрет воина-еврея Второй мировой войны. Мне же довелось возглавить Военно-историческую и музейную комиссию Союза ветеранов, а музей «Энергия мужества» стал своеобразным методическим центром этой работы. По-государственному, масштабно создается в Латруне новый музей Второй мировой войны (руководитель – генерал Цви Кантор), которому мы, разумеется, оказываем посильную помощь.

Вместе с тем, нужно отметить, что время «Большой алии» 1990-х годов совпало с интереснейшими процессами, происходившими в самом израильском обществе. В стране бурно проходила смена нравственных ориентиров, шел поиск новых кумиров. Вспоминается выставка «Кто является героем», организованная в Иерусалиме, в Музее Израиля в конце 1995 г. и показанная нам по программе для новых репатриантов. Все было ярко и оптимистично: среди многих героев улыбались со стендов Голда Меир и Давид Бен-Гурион, на плакате гордо вышагивали в освобожденном Иерусалиме Моше Даян и Ицхак Рабин, строго глядел бронзовый Иосиф Трумпельдор, а рядом привлекал обаятельный образ отважной Ханы Сенеш и Зеева Жаботинского.

Для меня, недавнего военного преподавателя и музейного специалиста, в этом не хватало главного: на какие традиции опирается Армия Обороны Израиля? Ведь сила и мощь армии создается преемственностью. Для воюющей страны – это вопрос стратегический. Работая над созданием музея в Хадере,

я встречался с генералом Эхудом Бараком, заместителем министра обороны Израиля генералом Эфраимом Снэ, посещал музеи Латруна, Армии обороны Израиля, беседовал с десятками военнослужащих. Но программный исчерпывающий ответ я получил от д-ра Реувена Гала, директора Института военных наук, в прошлом главного психолога ЦАХАЛА. Пусть через газету, но – ответ.

«Сионистское движение с первых дней своего существования испытывало острую потребность в создании нового «комплекта» героев, которые компенсировали бы 2000 лет пассивного существования евреев в диаспоре. В процессе обучения в армии упор всегда делался на воинскую доблесть и отвагу, начиная с таких исторических фигур, как Маккавеи и защитники Масады, и заканчивая современными героями – Трумпельдором и его последователями. Новобранцы посещали Тель-Хай и Масаду, чтобы учиться на примерах героического поведения воинов в сражениях»². Уверен, просвещенного читателя удивит и обескуражит и галущное «пассивное существование» (вспомнить только XIX-XX вв.!), и предлагаемый набор примеров, «чтобы учиться» на них. А где же недавние герои легендарной Шестидневной войны или спасители Израиля в Войне Судного Дня?..

В том же 1995 г., когда в мире отмечалось 50-летие Победы над нацистской Германией, газета «Джерузалем рипорт» провела опрос учеников 10-11 классов в еврейских школах США и Израиля. Был задан всего один вопрос: «Кто, по-вашему, является героем Израиля?» Вот ответы учеников из Израиля: 1. Ицхак Рабин. 2. Авив Гефен (поп-звезда). 3. Гиди Гов (телеведущий). 4. Давид Бен-Гурион. 5. Шломо Арци (поп-звезда). 6. Офер Леви (поп-звезда). 7. Менахем Бегин. 8. Мики Беркович (баскетболист). 9. Йонатан Гефен (поэти-лирик). 10. Дуду Топаз (актер). Думаю, комментарии излишни. Нужно было срочно помочь ребятам сменить ориентиры и стереотипы. И это было главной мотивацией моего музеиного проекта и стимулом всей нашей музейной команды.

² «Джерузалем рипорт» – «Вести», 19. 01. 1995.

Остановлюсь на предыстории создания музея. Во время своей 30-летней воинской службы я много времени уделял ветеранам, как мне думалось, однополчанам моего не вернувшегося с передовой отца. Мне всегда был понятен и близок их «постфронтовой синдром», не раз делил с ними боль забвения и унижение равнодушием. Их судьбы, как в Советском Союзе, так и в Израиле требовали не только душевного такта и понимания, но и благодарной, единственной памяти. Они были моими командирами в армии, затем героями моих книжек, я же помогал им собираться в Советы их бывших полков и дивизий. Так и зачислили они меня, однажды, мальчишку фронтовых лет, почетным ветераном сибирских дивизий! В Израиле многие из них станут рядом со мной создавать Музей – и мы его создадим!

Я преподавал в высшем офицерском училище и государственном университете курс «История войн и военного искусства», и о лучших «наглядных пособиях», чем ветераны, и мечтать было нечего. Участвовал в крупных музейных проектах (Томск, Ленинград, Кишинев). Опубликовал в 1974-1979 гг. серию книг, которые условно можно объединить названием «Традиции. Преемственность. Символы»³, позже – другие книги по военной истории⁴; учился на знаменитом «Выстреле», где архивную практику прошел в не менее известном Подольске. На музейных курсах Министерства культуры и во время создания очередных экспозиций постигал секреты музееведения. И повсюду: на службе, в учебе, архиве, в хитросплетениях войн и сражений нередко обнаруживал следы своих далеких собратьев-евреев. И вместе с гордостью и чувством сопричастности возникало неодолимое стремление поведать всему миру о честной и храброй душе моего народа. Собирал в папки-коробки до лучших времен документы, предметы, реликвии. И, наконец, Израиль – вот они, лучшие времена!

³ Д. Зельвенский. Подвиг зовет. Новосибирск: Западносибирское книжн. изд., 1974. 152 с.; он же: Искры негасимые. Новосибирск: Западносибирское книжн. изд., 1976. 280 с.; он же: У древка сыновья и внуки. Новосибирск: Западносибирское книжн. изд., 1979. 240 с.

⁴ Д. Зельвенский. Храброе сердце Сибири. Томск, 2004. 244 с.; он же: Легенда о Днестровских Маккавеях. Тель-Авив, 2010. 102 с.

Нужно, между тем, сказать, что в развитие идеи Ильи Эренбурга о необходимости издания книг о евреях-участниках и героях войны над этой темой в разные годы плодотворно работали Ефим Райзе⁵, Авраам Приблуда, Ефим Гохберг, Арон Абрамович⁶, Гершон Шапиро⁷, Семен Авербух⁸, Вениамин Меирчак, Авраам Ингбер, Арон Пейсахович⁹, Ицхак Арад¹⁰, Арон Шнеер¹¹, Леонид Смиловицкий¹², Федор Свердлов¹³, Павел Песати¹⁴, Анатолий Кардаш (Аб Мише)¹⁵ и другие ученые – исследователи, которые продолжают и сегодня обогащать науку своими открытиями. В музее проводятся ежегодные Чтения «От Баренцева моря до Черного» в память о российском историке Федоре Свердлове, внесшем весомый вклад в изучение героизма советских евреев на фронтах. В Чтениях не раз принимал участие известный российский

⁵ Далеко не всем известно, что именно Ефимом Райзе в газете «Дер Эйникайт» 9 мая 1946 г. был опубликован первый в СССР список евреев – Героев Советского Союза. В нём значился 101 чел.

⁶ А. Абрамович. В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. Санкт-Петербург: ДЕАН, 1999, 746 с.

⁷ Г. Шапиро. Евреи – Герои Советского Союза. Тель-Авив: Рольник, 1982, 790 с.

⁸ Очерки еврейского героизма / авторы-составители: Шапиро Г.С., Авербух С.Л., Тель-Авив, Киев: Київська єврейська міська громада, 1994, т. 1. Евреи – Герои Советского Союза; т. 2. Не ради славы – ради жизни на земле.

⁹ А. Пейсахович. Евреи в агентурной разведке в период Второй мировой войны / Кармиэль: Эльграф, 2000. 312 с.

¹⁰ И. Арад. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945). — Днепропетровск: Центр «Ткума»; Москва: Центр «Холокост», 2007. 816 с., И. Арад. Они сражались за Родину: евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. Иерусалим-Москва: Гешарим – Мосты культуры, 2011.

¹¹ А. Шнеер. Плен. Иерусалим, 2003, т. 1-2.

¹² Л. Смиловицкий. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941-1944. Тель-Авив, 2000.

¹³ Ф. Свердлов. Энциклопедия еврейского героизма. Москва: Дограф, 2002. 503 с.; Ф. Свердлов. Советские генералы в плену. Москва: Изд-во фонда «Холокост», 1999. 246 с.

¹⁴ П. Песати. Помним всех поименно. Участие евреев во Второй мировой войне. Статистика. Кирьят Бялик, 2010. 138 с.

¹⁵ Аб Мише (Анатолий Кардаш). Посреди войны. Иерусалим, 1998; его же: Преображения еврея. Тель-Авив, 2013.

историк Холокоста, главный редактор энциклопедии Холокоста на территории СССР И. Альтман¹⁶.

Вместе с тем требовалось, опираясь на этот мощный научный потенциал, используя накопленный документально-предметный фонд, имеющийся музейный опыт, создать своими силами доступный, достоверный Музей, где бы правда фактов диктовала правду выводов, где наглядно и терпеливо, с документами в руках можно было доводить правду истории до самой широкой аудитории. Пусть негосударственный, волонтерский, но музей должен быть: мудрое собрание «вещественных доказательств» истории заменить ничто не может. Этой моей верой и темой музея мне удалось увлечь и объединить группу замечательных, думающих о будущем людей.

24 апреля 1995 г. в Нетании, а затем в Хадере, музей «Энергия мужества» развернул свою экспозицию. И более счастливых и гордых евреев-ветеранов, чем в тот день, я не припомню. Смысл названия в том, что по закону сохранения энергии духовная энергия народа, накопленная тысячелетиями, не исчезает, а аккумулируется, чтобы затем проявиться в жизни новых поколений. Евреи возродили государство не с чистого листа. Музей призван предметно и научно, вместе с посетителями «перелистывать» эту историю, обязательно прийти к своей «странице», своему месту, целям и задачам. И в этом подходе заключается интерактивность музея: «мы – участники истории».

Основные темы музея: 1. Военные традиции евреев. 2. Евреи – участники Второй мировой войны и творцы Победы. 3. Холокост: трагедия, память, уроки. 4. ЦАХАЛ – армия победы.

Целям освещения этих тем служат коллекции реликвий: знамена, награды, документы, фотографии, предметы снаряжения и вооружения, форма, письма. В коллекции музея находятся подлинники документов, оружие и Георгиевские

¹⁶ Холокост на территории СССР: Энциклопедия/ Гл. ред. И.А. Альтман. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Научно-просветительный центр «Холокост», 2011.

награды евреев – участников Крымской, Балканской и Первой мировой войн; реликвии участников Второй мировой войны, в том числе подлинники писем и документов генерала Якова Крейзера, Ильи Эренбурга, Эммануила Казакевича, Льва Кербеля, Соломона Михоэлса, командира партизанского отряда Леонида Беренштейна, Константина Симонова, генерала Семена Кривошеина, полковника Михаила Кричмана и других известных деятелей, военачальников. В музее три экспозиционных зала и актовый зал на 150 мест.

Кроме экскурсий, в музее традиционно проводятся круглые столы, устные журналы, презентации новых книг, встречи, семинары, дни традиций. Развита выставочная деятельность: особой популярностью пользуется мультимедийная выставка «На линии огня. Евреи СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Опыт коллективного портрета», получившая международное признание. Она прошла многочисленные презентации и приобрела широкую известность в России¹⁷, Израиле¹⁸, США (Нью-Йорк), Канаде, Германии¹⁹, Азербайджане²⁰, Украине²¹,

¹⁷ В. Лебедев. Выставка касимовской общины передана городу // *Еврейский камертон* (приложение к израильской газете «Новости недели»). 2005. 30 июня. С. 2.

¹⁸ Г. Рейхман. Прорыв на линию огня // *Еврейский камертон*. 2005. 22 сентября. С. 12-13; его же: "Лишь памятью одной..." // *Еврейский камертон*. 2006. 9 февраля. С. 5.

¹⁹ С. Шехтман. Антифашистский форум. На острие проблем. http://kyivvestnik.com.ua/public_s4522.html.

²⁰ Л. Гольдшмидт. Евреи "на линии огня": www.aen.ru/?page=brief&article_id=58197/; его же: Неразрывная связь времен: www.aen.ru/index.php?page=brief&article_id=58343/.

²¹ Из переписки с директором Музея культуры еврейского народа и истории Холокоста «Музей Михаила Мармера» (г. Кривой Рог, Украина), историком Светланой Поддубной (июнь 2013 г., спустя полгода после передачи диска) известно, что материалы выставки "На линии огня" используются в работе с учениками и студентами; см. также анонс о выставке в «Музее Михаила Мармера»: http://jewish-museum-marmer.dp.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=233:-l-r-l-r-&catid=4:2011-06-02-03-36-17&Itemid=5/

Латвии²² и т. д. Серьезную работу по популяризации музея и выставки в странах СНГ проводит историк и журналист, давний активист музея, участник нашей конференции Григорий Рейхман. Он представил ее на международных научных конференциях – как личным участием, так и заочно, статьями. Так, за 2013-2016 гг. благодаря публикациям в научных сборниках о выставке "На линии огня" узнали участники международных конференций в Риге, Харькове, Саратове, Иваново, Витебске, Оренбурге, Москве, Курске, Кемерово, Брянске и Новороссийске²³; причем, в процессе

²² Г. Рейхман. Чтобы помнили // *Время НН* (приложение к газете «Новости недели»). 2013. 27 июня. С. 12; его же: «На линии огня»: презентация в Риге // Ветеран и воин (приложение к газете «Вести»). 2013. 10 июля. С. 8-9; его же: В Риге вспомнили о Холокосте. Сохранить память: <https://isrageo.wordpress.com/2013/07/05/riga1002/#more-50491/>; см. также Г. Рейхман. "На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Опыт коллективного портрета". Презентация мультимедийной музейной выставки-альбома // Материалы конференций и семинаров 2009–2014. Рига: Общество "Шамир", 2015. С. 206-217.

²³ См., напр.: Г. Рейхман. Презентация мультимедийной выставки "На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945гг. Опыт коллективного портрета" и буклета-памятки музея "Энергия мужества" (г. Хадера, Израиль) // Актуальні проблеми регіональних досліджень Великої Вітчизняної війни: Матеріали міжнародної наукової конференції (Харків, 20-21 вересня 2013 р.). Харків: Колегіум, 2013. С. 132-138; Г. Рейхман. На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Опыт коллективного портрета. Презентация мультимедийной экспозиции музея еврейского наследия и Холокоста «Энергия мужества» // Формирование культурной памяти при изучении событий Второй мировой и Великой Отечественной войн: феномен Холокоста. Материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием. Саратов, 12 февраля 2014 г. / Под ред. И.М. Ильковской. Саратов: Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2014. С. 33-41; Г. Рейхман. «На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Опыт коллективного портрета». Документальная выставка музея еврейского военного наследия и Холокоста «Энергия мужества» // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы VI международного семинара (2 декабря 2016 г.). Филиал ОАНО ВО «МПСУ» в г. Брянске. Брянск: ООО «Новый проект», 2017. С. 71-77; Григорий Рейхман. Сохранение памяти о воинах-евреях Второй мировой войны: из опыта работы военно-исторического музея «Энергия мужества» (г. Хадера,

подготовки статей для каждого научного сборника всегда учитывалась «региональная специфика»: так, в статье для Брянска говорилось о евреях-уроженцах Брянщины на полях сражений, а в материалах конференции в Новороссийске – о евреях-участниках знаменитого морского десанта и т. д. Доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды Елена Дьякова, познакомившись с нашей выставкой, стала автором статьи «Евреи в годы Второй мировой войны – это не только Холокост», написанной на основании анализа данных выставки «На линии огня» и подготовленной к публикации в сборнике материалов Четвертой международной конференции «Музеи и мемориальные места Холокоста в посткоммунистических странах: вызовы и возможности».

Выставка, как и музей, в целом, во многом «семейный продукт»: первую экспозицию помогли создать сыновья Юрий и Александр, названные именами погибших на войне дедов; они также участвовали в проекте выставки «На линии огня». В Москве на конференции в Российском НПЦ «Холокост» выставку представлял внук Максим, а в Нью-Йорке на военно-историческом конкурсе, где выставка получила премию «RAJE», ее представил внук Роман.

В музее самоотверженно трудится группа волонтеров: Татьяна Кравец, Юлий Любоцкий, Сима Эпштейн, Эмма Кушнир, Фаина Штепан, Александр Бурдо, Борис Млынский (бывший узник Минского гетто, партизан и воин), Виталий Полиес, Лев Литвак и другие. Помогал в становлении музея и постоянно поддерживает дружбу с ним историк д-р Арон Шнеер. По-прежнему оказывает музею посильную помощь заместитель мэра Роман Гишер. Музей тесно сотрудничает с Союзами ветеранов, инвалидов и партизан, Федерацией скаутов Израиля «ЦОФИМ», Федерацией ФЕНКА (Россия). Среди многотысячной аудитории музея Анатолий Алексин,

Израиль) // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сб. ст. Междунар. науч-практ. конф. (г. Новороссийск, 12-15 сентября 2016 г.) / Отв. ред.: Т.В. Лохова, С.Г. Новиков. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 353-360, и ряд других публикаций.

Дина Рубина, Лев Кербель, Давид Тухманов, Григорий Канович, Эфраим Баух. Первый в Израиле музей еврейских воинов Второй мировой войны и многовековых военных традиций достойно оценен его посетителями. «Новой страницей в саге о народе Моисеевом» назвал музей поэт Евгений Евтушенко. «Подвигом во имя народа-героя» определил его заслуги писатель Анатолий Алексин. «Теперь я горжусь, что тоже еврей», записал в Книге отзывов десятилетний Илья Думский.

Теме сохранения памяти о Холокосте посвящен специальный зал. Среди материалов привлекает внимание композиция фотографий жителей Хадеры – узников гетто и лагерей, памятные альбомы, редчайшие экспонаты. Экспонируются культовые предметы раввина Хайма Занвела, последнего хасидского цадика в СССР, которыми он пользовался, проводя службу в Рыбницком гетто. Раввин остался в живых, а после войны был соратником Любавичского Ребе в США. В зале представлена инсталляция «Другая жизнь...», собранная из подлинных предметов, которые позволили взять из дома перед расстрелом еврейской семьи. Неизменно волнует комплекс, посвященный праведникам, в том числе немецким солдатам. Безусловно, интересен фотоколлаж из знаковых фотографий «Когда политики заигрывают с бандитами...». Оживленные обсуждения постоянно вызывают подлинные материалы Кишиневского погрома 1903 г. под заголовком «Первые раскаты Холокоста» и известная история Януша Корчака с его воспитанниками.

Касаясь темы конференции, считаю важным заметить: сохранению памяти о Холокосте на бывшей оккупированной территории СССР способствуют в большой степени захоронения воинов-евреев, погибших в боях в той же местности, городе, крае. Уважение к погибшим воинам гарантирует внимание и уважение и к памяти их соплеменников, уничтоженных в Холокосте. Приведение в порядок воинских захоронений, независимо от имен на обелисках, также способствует бережному сохранению памяти о войне, ее жертвах и героях. И памятные места Холокоста

воспринимаются здесь как наиболее трагическая часть все той же войны.

Сохранению памяти об участии и героизме воинов-евреев во Второй мировой войне посвящен Центральный зал музея. Здесь нет крупных карт, схем и пространных описаний великих сражений – история войны в музее персонифицирована: она в судьбах участников этих битв. Это наглядный рассказ о людях на войне. Музей полон предметов, звуков, даже запахов войны: фронтовые, из окопов и землянок каски, плащ-палатки, кисеты, масленки, бинокли, патефон с пластинками Утесова и Шульженко. Совсем недавно израильская русскоязычная пресса рассказала об истории поиска родных Якова Нагерова, еврейского солдата, погибшего в боях под Сталинградом и считавшегося пропавшим без вести. Российские следопыты совместно с нашим музеем разыскали в Израиле дочь солдата, Клару, и передали ей «последний привет» от отца – часы, которые он держал в руках перед боем. Дочь передала бесценную семейную реликвию в музей, как экспонат²⁴, и это всего лишь один из сотен примеров действенного сохранения памяти о той, отдаляющейся от нас эпохе...

В музее, как и в реальной жизни, материалы о Холокосте и воюющих евреях демонстрируются неразрывно, рядом. Евреи Холокоста становились в иных условиях героями – это один народ, с разной судьбой в годы войны. В марте 1944 г. после освобождения Рыбницкого гетто в Молдавии 50 вчерашних узников, оборванных, измощденных, обратились в полевой военкомат, стремясь скорее на фронт. Все они были направлены в 210-й запасной полк, где их в краткий срок обмундировали, вооружили, научили – и в бой! Все они стали участниками знаменитой Ясско-Кишиневской операции, воевали в составе 2-го Украинского фронта, все до единого были награждены за доблесть и мужество, третья из них

²⁴ Д. Зельвенский. Часы еврейского солдата, погибшего под Сталинградом, вернулись к его дочери в Израиль – через 75 лет // *Окна* (приложение к израильской газете «Вести»), 31. 05. 2018. С. 8-11. Режим доступа: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5274808,00.html>.

Увековечение памяти евреев – участников Второй мировой войны
в военно-историческом музее «Энергия мужества» (г. Хадера)

погибли в боях²⁵. В экспозиции музея рядом с боевым знаменем – солдатская гимнастерка и куртка лагерника. И это в высшей степени справедливо – их общая кровь на Знамени Победы.

Музей «Энергия мужества» в Хадере, наряду с другими инструментами политики памяти, способствует сегодня не только сохранению в Израиле знаний о Холокосте и героизме евреев, но и построению широкой, объективной, правдивой картины исторических событий для будущих поколений.

²⁵ Д. Зельвенский. Легенда о Днестровских Маккавеях... С. 54-58.

Осмысление документов личного происхождения (фронтовые письма, дневники) в контексте сохранения памяти о Холокосте и героизме советских евреев

*Григорий Рейхман,
исторический обозреватель, журналист (Израиль)*

*«30 июля 1944 года.
г. Москва.*

Дорогая тов. Куниченко!

*С большим волнением прочитал я Ваше письмо. Я прошу Вас, напишите
подробно все, что Вам пришлось пережить от того дня, когда пришли
немцы и до того дня, когда Вы были освобождены Красной Армией. Ваш
рассказ, матери трех детей, войдет в «Черную книгу», посвященную
зверскому уничтожению евреев немцами, над которой я работаю сейчас.*

Напишите мне, как живете теперь.

Крепко жму Вашу руку.

И. Эренбург».¹

За уникальным письмом – судьбы молодой еврейки Брониславы Яковлевны Тартаковской (по мужу Куниченко) и ее малышей-«полукровок», чудом избежавших гибели во время массового расстрела евреев Днепропетровска в октябре 1941 года. Ее рассказ должен был быть опубликован в «Черной книге», не увидевшей света в СССР из-за государственного антисемитизма, и впервые был напечатан в начале 80-х гг. в Израиле². Письмо Ильи Эренбурга до сих пор, увы, не

¹ Подлинник письма Ильи Эренбурга был передан в декабре 2007 г. Брониславой Тартаковской в архив Российского НПЦ «Холокост», а копия в архив Эренбурга в «Яд Вашем».

² «Черная книга». Иерусалим: Тарбут, 1980; 2-е изд. 2002, с. 71.

появилось в научных изданиях³ ни в Израиле, ни в России, но дважды публиковалось в израильской русскоязычной прессе в 2011 году⁴ автором настоящей статьи в связи с 97-летием Б. Тартаковской и 75-летием ее сына Леонида Куниченко. Письмо Эренбурга – не только просьба дать показания против преступлений нацизма, но и свидетельство понимания «еврейским печальником» масштабности трагедии ШОА.

К началу 1990-х гг. «белым пятном» в изучении истории Холокоста оставалась трагедия евреев СССР. Благодаря распаду Союза и падению «железного занавеса» в изучении Холокоста на территории постсоветского пространства достигнуты серьезные успехи в открытии архивов для историков многих стран. В то же время, в начале 90-х, из бывшего Советского Союза в Израиль прибыли тысячи новых репатриантов, переживших Холокост, – участники войны, блокадники и эвакуированные, сохранившие и вывезшие (что ранее не представлялось возможным) массу документов личного происхождения – фронтовую переписку, дневники, фотографии, «похоронки» и т. д. Многие реликвии были переданы в «Яд Вашем», в комнаты Боевой славы, музеи, созданные при отделениях Союзов инвалидов и ветеранов Второй мировой войны, в том числе, в единственный музей еврейской военной традиции «Энергия мужества» (создатель и руководитель – Давид Зельвенский, г. Хадера).

Первый шаг в изучении личных документов сделали историки – архивисты российского НПЦ «Холокост». Многоплановая информация о «человеке на войне» интересовала их еще в советский период. В результате в рамках «Российской библиотеки Холокоста» с 2007 по 2019 гг. изданы пять выпусков писем и дневников советских евреев в годы Великой Отечественной войны, объединенных общим

³ В частности, отсутствует оно и в сборнике документов «Советские евреи пишут Эренбургу. 1943-1966» под ред. М. Альтшуллера и Ш. Краковского, Иерусалим, 1993.

⁴ Цветы для Бронечки // *Новости недели* (приложение «Время НН»), 3 ноября 2011, с. 8-9; Рассказать о пережитом // *Вести* (приложение «Ветеран и воин»), 2 ноября 2011, с. 4-5; 9 ноября 2011, с. 4-5.

названием «Сохрани мои письма...»⁵. Автор статьи принимал участие в этом историко-издательском проекте в качестве представителя в Израиле, и с 2004 по 2014 гг. в каждом выпуске представлены материалы из Израиля. Предпосылкой к участию в проекте стал опыт филателиста, образование историка, опыт журналиста – автора радиоочерков по письмам военных лет в середине 80-х в Баку, а также влияние опубликованных в журнале «Филателия СССР» очерков Ю. Лурье (1927-2016), написанных на основе фронтовых писем воинов разных национальностей, в том числе и евреев; основой его коллекции («1418 ночей и дней») стали письма погибшего отца-ополченца. В 2007 г. издана книга Ю. Лурье «Автографы Победы», в ней есть «еврейский след» – автографы на фронтовых письмах писателей-евреев и Героев Советского Союза⁶; некоторые из них переданы в вышеуказанные российские сборники.

Информационную поддержку проекту в Израиле оказала газета «Новости недели» (приложения «Еврейский камертон», «Время НН»); позже – публикации материалов в газете «Вести» (приложение «Ветеран и воин»). Благодарности заслуживают коллеги-журналисты и историки, как и все, кто предоставил нам уникальные материалы.

⁵ Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост.: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. Москва: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2007. 320 с.; Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И. В. Бродская; под ред. и с предисловием И. Альтмана. Москва: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. 328 с.; Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3. Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова; под ред. и с предисловием И. Альтмана. Москва: Центр «Холокост», 2013. 288 с.; Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4. Составители: И.А. Альтман, Л.А. Терушкин; под ред. и с предисловием И. Альтмана. Москва: Центр «Холокост», 2016. 288 с.; Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 5. Составители: Р.Е. Жигун, Л.А. Терушкин; под ред. и с предисловием И. Альтмана. Москва: Центр «Холокост», 2019. 368 с.

⁶ Ю.С. Лурье. Автографы Победы. Москва: Центр и Фонд «Холокост», 2007. 164 с.

Из статьи «Когда приходит почта полевая...»⁷ в Израиле узнали о новом российском проекте документального сборника. О его концепции рассказал И.А. Альтман. В Российском НПЦ «Холокост» на 2004 год сохранялось более 400 писем, но еще не было поступлений из Израиля. Приступая к поиску писем и дневников евреев в годы войны в Израиле, мы знали – публикации в Израиле и в России будут отличаться по форме подачи материалов.

В рамках междисциплинарного подхода научный издательский проект российских историков получил в Израиле «журналистскую составляющую»: серия очерков о погибших авторах писем и их потомках – хранителях памяти в рубрике «Катастрофа и героизм» предшествовала появлению этих свидетельств эпохи в каждом из упомянутых российских сборников⁸. Копии и оригиналы документов пришли со всего Израиля. Их публикация в виде очерков помогла лучше узнать о веривших в победу и павших в боях юношах – офицерах Александре Фурмане, Зелике Клеймане, Борисе Гинзбурге; понять, что заботило и тревожило воевавших мужей и отцов, успевших отправить в эвакуацию семьи – Матвея Пороховника, Гедалью Шейнфельда и Мордехая Бродского; бережно прикоснуться к истории пронесенной сквозь войну любви Марка Файнбайма и Раины Клейман⁹; сопереживать украинцу Григорию Жоге, спасшему в оккупированном нацистами городе своих детей-«полукровок», но не сумевшему спасти жену-еврейку¹⁰. Личный контакт с родными авторов писем

⁷ Газета «Новости недели», 23.12.2004 (прил. «Еврейский камертон»).

⁸ Факт регулярных публикаций писем и дневников в израильской русскоязычной прессе и пополнение архива НПЦ «Холокост» отмечен во вступительных статьях к 1-3-му выпускам И. Альтманом.

⁹ Публикации писем Марка Файнбайма и Раины Клейман (оба умерли в Израиле), присланных их дочерью Жанной Глозман из Москвы, в «Новостях недели» («Еврейском камертоне» от 1 марта 2006 г.) и в первом сборнике «Сохрани мои письма...» (2007, с. 40-49), стали «предтечей» книги, вышедшей в Москве в 2015 г.: Ж.М. Глозман. «...Нам судьба обязана счастьем». Любовный роман в письмах и стихах. М.: Смысл, 2015. 459 с.

¹⁰ Газета «Новости недели», приложение «Еврейский камертон» от 31 марта и 7 апреля 2005 г. (А. Фурман), 25 апреля 2005 г. (М. Пороховник), 19 мая 2005 г. (М. Бродский), 14 июля 2005 г. (З. Клейман), 25 августа 2005 г.

помог проследить послевоенные судьбы семей: трагедию семьи Фурман – жертв сталинского режима; упорство Пороховника сына в увековечении памяти отца; поиски захоронения отца и мужа, посещения могилы дочерью и вдовой Бродского; находку захоронения Бориса Гинзбурга под Сталинградом и т. д.

Проблема сохранения памяти Холокоста на постсоветском пространстве требует ответа на вопрос: откуда и как поступали известия об этой трагедии? Кем ощущали себя их авторы – евреями или мирными советскими гражданами? Как гибель родных от рук нацистов влияла на судьбы авторов писем и дневников, на их мотивацию жить дальше и сражаться?..

Тема Холокоста как семейной трагедии «всплывает» в письмах с фронта капитана М. Бродского, лейтенанта З. Клеймана, боевого товарища, погибшего Б. Гинзбурга Б. Шварцмана. Так, 7 ноября 1943 г., в день освобождения Киева, М. Бродский пишет эвакуированным жене и дочери: «Сегодня я написал несколько писем в Киев, папе, хотя я и не ожидаю, что получу от него ответ; написал я также в домоуправление и к Перепидиной, что жила ниже нас этажом, больше писать кому, я не знаю, потому что знаю – все выехали или погибли»¹¹. Зная о нежелании родителей эвакуироваться, он знал: не выехавшие погибли в Бабьем Яру. Одессит З. Клейман переписывался с разведенными родителями (отец сидел в Пермлаге, мать с младшим братом были эвакуированы в Челябинскую область). 12 июня 1944 г. (*письмо не включено в российский сборник с остальными – Г.Р.*) Зелик Клейман узнал из письма отца, что «семья Давида и тетя Сима погибли в Одессе в лагере смерти»; его реакция: «Прибавилось ещё, за что мстить. За них открою новый счёт мести». В том же письме есть интересные для историков Холокоста строки: «[...] Мой друг, Анатолий Кусталёв, получил из Одессы от матери письмо. Живы-здоровы. Я написал письмо Мише и Иде. Интересно, как они спаслись [...].» Таким образом, неевреи в Одессе могли выжить. А Миша и Ида, о которых мы никогда ничего не знаем, спаслись не иначе, как чудом в условиях оккупации,

(Г. Шайнфельд), 6 октября 2005 г. (Б. Гинзбург), 1 марта 2006 г. (М. Файнбойм – Р. Клейман), 19 октября 2006 г. (Г. Жога).

¹¹ «Еврейский камертон», 19 мая 2005 г.

либо успели эвакуироваться¹² (*напомним, что Одесса была освобождена 10 апреля 1944 г. – Г. Р.*).

В июле 1943 г. семья погибшего под Сталинградом Бориса Гинзбурга получила письмо его боевого товарища, Бориса Шварцмана: «Я буду мстить за свою семью, за разбитую жизнь и за Борю. 2 года как я потерял свою семью, ни от кого не получено ни одного письма... Я когда-то жил в Одессе. Жил мирно и работал. У меня была семья. Отец-старик, жена и сынок, которому должно быть 9 лет. Я потерял все, у меня теперь никого нет». Б. Шварцман, закончивший войну в Берлине, был военным переводчиком, допрашивал военно-пленных немцев и румын, отсюда и информация о гибели евреев Одессы¹³.

Наиболее полное представление об «окончательном решении «еврейского вопроса» в отдельно взятом городе можно получить из писем украинца Григория Жоги близким родственникам расстрелянной нацистами любимой жены Марии (в архивном документе ЧГК – Марии Жоги), отправленные в Баку после освобождения Феодосии весной 1944 г. Так большая семья Шик в советском тылу узнала о трагедии Холокоста на личном уровне.

Именно по таким «новостям» из едва освобожденных районов находившиеся в сотнях километров восточнее линии советско-германского фронта евреи могли получить, пусть хаотичное, но представление о тотальном уничтожении соплеменников, о судьбах своих родных и близких, не успевших эвакуироваться или бежать.

Спасенная в оккупированном городе дочь Григория Жоги и Марии Шик, Розалия Кричевская (г. Беэр-Шева) сохранила письма отца. Они, наряду с другими документами, стали основой ее первоначальной рукописи «29 месяцев из детства», затем – книги «Сирена памяти», в издании которой мы приняли

¹² «Еврейский камертон», 14 июля 2005 г.

¹³ Журналист из г. Арад Борис Баншац опубликовал статью «Навечно девятнадцатилетний» о поиске захоронения Б. Гинзбурга и судьбе Б. Шварцмана: «Новости недели», 15 января 2018 г., с. 15; уточнить военную специальность Б. Шварцмана стало возможным благодаря проекту «Подвиг народа» <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>

участие. Они были включены в первый российский сборник писем¹⁴. Из письма от 17 апреля 1944 г.: «Мы должны были быть уничтожены все, так как детей Розу и Вову, как и в трех ещё семьях, жандармерия 30 марта переписала, но привести в исполнение им не удалось ввиду быстрого прихода Красной Армии. Эти дети подлежали уничтожению, как дети евреек, а заодно и мы, их мужья, вероятно, как «связавшиеся» с евреями. Но я твердо решил идти вместе с детьми, так как мне ничего бы не оставалось больше, все было потеряно. Еще день-два, и все бы погибли. Что касается Цили Моисеевны и Веры Моисеевны, то они погибли ещё в феврале 1942 года, их расстреляли. Массовый расстрел евреев был произведён 1 декабря 1941 года, когда расстреляли 900 человек, и 12 декабря 1941 г. крымчаков 600 чел. Затем после десанта Красной Армии в январе 1942 г. расстреляли оставшихся случайно и бывших в браке с лицами другой национальности (смешанные браки). После этого осталось только несколько душ из смешанных браков, которых также постепенно забирали, и, наконец, последних четырёх, в том числе и Мусю, взяли 2/II этого года...». Письма отца в Баку, сохраненные в течение полувека, сыграли, по словам Розалии, не последнюю роль в получении дочерью после длительной тяжбы с израильскими и немецкими инстанциями (поскольку Роза не была ни в гетто, ни в концлагере) компенсации из Германии в виде ренты, как пережившей Катастрофу. Документальные свидетельства Холокоста, таким образом, оказались задействованы в юридических инстанциях, что, на наш взгляд, является одним из путей к построению правового общества¹⁵. Книга «Сирена памяти» отправлена автором в

¹⁴ Розалия Кричевская. Сирена памяти. Тель-Авив: Terra Incognita, 2006; Архивный документ ЧГК и письма опубликованы в приложении к газете «Новости недели» «Еврейский камертон» от 19 октября 2006 г.; см. также «Сохрани мои письма...», 2007, с. 254-260.

¹⁵ В том же юридическом аспекте следует рассматривать переписку родителей жительницы израильского города Ашдод Эйги Авидон (Ольги Гадасик) (см. наши публикации в газете «Новости недели», приложение «Время НН» от 28. 07. 2011; газете «Вести», приложение «Ветеран и воин» от 03. 08. 2011; см. также «Сохрани мои письма...», Вып. 3, с. 105-111), которая бежала из расстрельной колонны в феврале 1942 года и из Лиозненского гетто попала в партизанский отряд; была переправлена на

Феодосию, а в 2009 г. вручена Эли Визелю с дарственной надписью на иврите.

Следует здесь же отметить, что в израильской русскоязычной прессе, как и в данной статье, рассказано далеко не обо всех находках, ставших достоянием общей исторической памяти россиян и русскоговорящих израильтян¹⁶, но можно

Большую землю в Москву. В апреле 1942 года ее отец Лейб Авидон узнал, что дочь жива: «...наша Олечка чудом вырвалась из лап фашистов». Ольга Гадасик была признана пережившей Холокост. Наиболее свежий пример – публикация в пятом российском сборнике «Сохрани мои письма...», с. 193-195, письма, адресованного эвакуированной из Керчи в Алма-Ату Доре Пеккер о зверствах нацистов в оккупированной Керчи, из которого следовало, что «...похоронить Ваших родственников не представляется возможным – из 7 тысяч трудно выбрать. Им сделана братская могила...». Сын Доры Пеккер, житель Ашдода, Биньямин Зельцер, эвакуированный вместе с матерью, добавил это письмо в качестве одного из доказательств того, что он пережил Холокост как беженец от нацистских преследований и получил статус пережившего Холокост, одноразовую выплату из Германии и соответствующие льготы от Государства Израиль.

¹⁶ Это, например, три письма Аарона Скульского (1912-1941) (1 выпуск 2007 г.), два письма Михаила Леверта (1905-1941) и четыре письма офицера Ильи Атта (1897-1980), сохраненные русскоязычными израильтянами Э. Скульским, М. Дробязко (Леверт) и Р. Сориной и опубликованные во втором российском сборнике в 2010 г. Нет публикаций о письмах в освобожденную Бершадь погибшего в 1945 г. танкиста Григория Ройтбурда (передала жительница Холона бывшая узница Бершадского гетто, сестра погибшего Софья Островская). Нет публикаций о переписке братьев и сестры Розенфельд, сохранившейся благодаря дочери одного из братьев, Михаила Розенфельда, израильской писательнице Любови Розенфельд; переданные ею материалы пополнили 3-й выпуск российского сборника писем в 2013 году. Нет публикаций в израильской прессе о вошедшей в 4-й выпуск сборника 2016 года переписке с родными погибшего в начале 1943 года в боях за Керчь крымчака Михаила Измерли, чьи письма и память о погибших в Крыму родных сохранила дочь, Жанна Измерли, недавно получившая удостоверение о посмертном награждении отца орденом Отечественной войны 1 степени. Копии документов, присланные израильским писателем Леонидом Сорокой, рассказывают о погибших членах семьи на Украине; копии и подлинники писем Абрама Шмидта, погибшего в районе Кенигсберга, мы передали для публикации в 4-й выпуск сборника (2016 г.); фрагменты дневника офицера-еврея Семена Мостового увидели свет в израильской русскоязычной прессе, а подлинник дневника был передан в НПЦ «Холокост» Ильей Мостовым уже после его смерти; публикация в российском сборнике состоялась в 2013 г.(3-й выпуск).

сделать однозначный вывод: без всех этих материалов, переданных для публикации из Израиля, все российские сборники были бы намного беднее.

Во втором выпуске российского сборника¹⁷ впервые опубликована копия письма курсанта М.Л. Миркина родителям в Черею (Витебская область, Белоруссия, 29 июня 1944 г.). В 2009 г. мы приняли участие в подготовке книги Михаила Миркина (1923-2014) в группе под руководством старшего научного сотрудника Тель-Авивского университета Л. Смиловицкого. Книга «От Череи до Чикаго» (Иерусалим, 2013)¹⁸ вышла за год до смерти автора в США в августе 2014 г. Основа ее – дневники военного и послевоенного времени; фотографии погибших родных. Судьба М. Миркина типична для европейской молодежи, покинувшей штетлы в поисках лучшей доли. Студент Белорусского университета, беженец на берегах Волги, он ушел добровольцем и участвовал в Сталинградской битве. Был тяжело ранен. После госпиталя – курсант Куйбышевского пехотного училища. Летом 1944 г. М. Миркин отправил запрос в едва освобожденную родную Черею о судьбе родных:

«Куйбышев, 29/VI-44

Дорогие родители!

Пишу письмо с надеждой, что вас здесь нет, но если нет, то может, кто-нибудь прочтет письмо и даст ответ мне, сыну вашему о вашей судьбе. Если вы каким-нибудь чудом оказались здесь и получите письмо, то непременно ответьте мне хотя бы два слова: «мы живы». О вас мне неизвестно стало с того момента, как началась война в 1941 г. Я рассстался с семьей, не зная о ее судьбе. На днях было сообщено, что м. Черея освобождено от немцев. Быть может, вы остались как-нибудь живы, поэтому и прошу сразу же дать ответ.

*Миркину М. Л.
29/VI-44»*

¹⁷ Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2, цв. вклейка, с. 19.

¹⁸ М. Миркин. От Череи до Чикаго. Иерусалим: Типография "Ной", 2013. 391 с., 278 илл., 31 прил.

Знал ли он о судьбах евреев в оккупированных районах? «Со всей категоричностью могу сказать, что нет, не было такой информации. Вероятно, никто (особенно свыше) не был заинтересован в ней. Более того, даже разговоров – официальных или частных – на эту тему не было. Однако внутреннее еврейское чувство, основанное на недавних тревожных событиях 1939–40 гг., когда евреи семьями покидали Польшу, подспудно существовавший и периодически вспыхивавший антисемитизм местных жителей, вызывали тревогу за судьбу родных»¹⁹. М. Миркин уже не испытывал иллюзий. «И тем не менее какая-то, пусть даже, и мизерная надежда на то, что они каким-нибудь чудом остались живы, всегда у меня теплилась. Но 14 августа 1944 года в 14.30 вернулся обратно просмотренный военной цензурой мой солдатский треугольник с ответом начальника почты Щуплякова [...]]: «Проживавшие в Черее Ваши родственники убиты немцами 6–III–42 г. при избиении ими еврейского населения. С прив. нач. почты Щупляков 24/VII/44 г.».

Худшее подтвердилось... Боль и глубокие переживания по безвозвратно потерянной семье меня никогда не покидали, они остались и по сей день...»²⁰. Во время остановки идущего на фронт эшелона в г. Борисове, в декабре 1944 года, он вместе с русским товарищем искал «живых евреев». Две еврейки, найденные им, были... родной погибшей матери. М. Миркин мстил нацистам в Восточной Пруссии, а День Победы встретил в госпитале. Письмо М. Миркин передал в Музей Холокоста г. Скоки (Чикаго), а его сын Леонид, посетив Черую в 2019 г., подарил книгу отца местным краеведам. В прессе Израиля и России²¹ и в научном сборнике в Беларуси²² о судьбе и книге М. Миркина – наши статьи.

¹⁹ М. Миркин. Указ. соч., с. 74.

²⁰ М. Миркин. Указ. соч., с. 74-75.

²¹ Хранитель памяти // Вести. Приложение «Ветеран и воин», 29 мая 2013; см. также: Новости недели. Приложение «Еврейский камертон», 8 августа 2013; Лехаим. 2013. № 7 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/255/novinki.html>

²² Вестник Брестского государственного технического университета. № 6 (102). 2016. Гуманитарные науки: <https://docplayer.ru/53023469-Vestnik-BGUTI-2016-6-chas-1.html>

Израильская публицистика оставила след для грядущих поколений. Дневник артиллериста Алексея (Алтера) Гершгорна (1914-1985) (*известен также как «Дневник сталинградца» – Г.Р.*) впервые опубликован (за исключением утраченной части) в 2010 г. писательницей Дорой Немировской в книге очерков о ветеранах²³; отрывки из него, благодаря рекомендации автора этих строк – в третьем выпуске «Сохрани мои письма»²⁴. Сын, Павел Гершгорн (Израиль), писал: «Отец прекрасно понимал, что рисковал, но вместе с тем, был обескуражен отношением власти к евреям, оно менялось с огромной скоростью в худшую сторону». Дневник спас жизнь – осколок пробил компас и застрял в 96-листовой тетради. В нем обостренное предчувствие вселенской беды, нависшей над еврейским народом, не в 1943-1944 гг., а в ноябре 1941 г. А. Гершгорн прошел путь от командира огневого взвода до начальника штаба отдельной истребительной противотанковой артбригады, орденоносец, закончил войну майором; его две сестры и два брата – жертвы Холокоста. Работал во Львове, стал автором учебников по теории вероятности. Запись от 28 ноября 1941 г. – рассказ о «странным сне»: «старая еврейская писательница рассказывает об ужасах, которые немцы творят с еврейским населением. Картины, которые она рисует, будто мне знакомы. Это "эпизоды" из проскуровской кровавой бойни... До утра я не спал, стараясь разрешить проклятую загадку: почему из всех народов Бог "выбрал" именно мой. Какие заслуги оказал мой бедный народ злому гению человечества, что на протяжении столетий реками льётся его невинная кровь... Бедный народ; веками во имя самых различных благ над ним издеваются и истребляют его. Но он продолжает жить. Более того, он более жив, чем любой другой из древних народов. Но всё же, ему нужна своя Земля. Ему нужна Земля, которой он, как тот великан, мог бы касаться, набираясь свежих сил»²⁵. Генная память, зрелость и смелость.

[brestskogo-gosudarstvennogo-tehnicheskogo-universiteta-nauchno-teoreticheskiy-zhurnal-izdaetsya-s-yanvarya-2000-g-periodichnost-raz-v-god.html](http://www.brestskogo-gosudarstvennogo-tehnicheskogo-universiteta-nauchno-teoreticheskiy-zhurnal-izdaetsya-s-yanvarya-2000-g-periodichnost-raz-v-god.html)

²³ Дора Немировская. Полет души. Тель-Авив: MeDial, 2010, с. 225-279.

²⁴ «Сохрани мои письма...» Вып. 3-й., с. 157-170.

²⁵ Дора Немировская. Указ. соч., с. 225-226.

Документ внутренней свободы, еще один ответ на вопрос, кем ощущали себя «советские граждане», несмотря на усилия тоталитарной Власти.

Источники личного происхождения вместе с другими документами войны являются связующим звеном для исторической реконструкции, сплетающей воедино трагедию Холокоста, героизм Сопротивления, участие в боях Красной армии – и все это историческая память, делающая нас единым народом.

Комплексный подход при такой реконструкции (письма, фотографии погибших, листы свидетельских показаний «Яд Вашем», наградные листы, справка об участии в партизанском движении, переписка с дочерьми и другие источники) помог показать уникальность еврейских судеб: например, девочки из Слуцка – студентки мединститута из блокадного Ленинграда, выжившей при второй волне эвакуации с Северного Кавказа летом 1942 г., Сони Теклиной; ее мужа, военврача Вольфа Пейсаховича, встреченного на дорогах войны, познавшего сталинские репрессии, прошедшего эвакуацию из Крыма и фронт, их погибших родных, как в Белоруссии, так и в Крыму. Личные истории и – панорама войны²⁶...

Анализ содержания 12 фронтовых писем помог нам восстановить боевой путь воина-еврея, лейтенанта Дмитрия Лещинского (1925-2014) и показать его в изданной журналистом Б. Бурле небольшой книге «Судьбы, достойные легенд...»²⁷; публикация иллюстрирована современной фотографией и копиями писем. Тексты писем в сочетании с наградными листами из ЦАМО РФ позволяют проследить путь становления от беженца из Белой Церкви (Украина) до зрелого воина; путь от Ферганы, где он был курсантом артуучилища, до освобождения Севастополя, в составе войск генерала Я. Крейзера; затем – участие в освобождении Прибалтики, в отражении контртруда немцев под Шауляем в августе 1944 г., на «стыке» с 16-й Литовской дивизией; в разгроме Курляндской группировки зимой и весной 1945 г. В письмах от 9 и 11 мая 1944 г. он писал: «...Оставшиеся жители Севастополя встретили

²⁶ «Вести», приложение «Окна», 22 июня 2017.

²⁷ Борис Бурле. Судьбы, достойные легенд... Солдаты Победы. Статьи. Очерки. Зарисовки. Израиль, 2019, с. 37-45.

нас радостно... Очень жестоко, по-звериному он обращался с населением». «Вы, конечно, читали в газетах о взятии Севастополя и полном очищении Крыма от фашистских варваров. В этом есть наша работа. Севастополь сильно разрушен. Жители рассказывают о неслыханных зверствах гитлеровцев. Но зато фрицы получили по заслугам сполна, но мы будем бить их в грядущих боях за наших близких друзей – товарищей...».

Остается предположить, что лейтенант, воспитанный в советском духе, знал, что немцы массово убивали евреев; однако у советских евреев «срабатывала» внутренняя самоцензура в переписке на русском языке. «Из писем не видно, что он осознавал себя евреем», – таково мнение российского историка Евгения Кринко, хотя в письмах изобилуют еврейские имена адресатов. В личной переписке с автором статьи он, отвечая на мои предположения о «последнем патроне, хранимом для себя», считал вероятность попадания советского офицера, тем более, офицера-еврея в 1944-1945 гг. в плен ничтожной, в отличие от первых лет войны. Знание о судьбе попавшего в плен в феврале 1945 г. в Венгрии, «побывавшего в звериных лапах» и чудом выжившего в «шталаге» Иосифа Береговского, спасенного евреями из Палестины – солдатами Британской армии²⁸, не позволяет согласиться с мнением уважаемого коллеги.

Пришло время обобщить результаты, подготовить ответы для грядущих поколений. Свидетели и их дети покидают этот мир. Сохранение памяти и ее передача – вопрос открытый. Так, например, о Холокосте не говорится ни слова в научной статье «Агрессия германского нацизма перед судом истории»²⁹; нет слова «евреи» в статье журналистки из «Московского

²⁸ Арон Шнеер. Плен, т. 2, Иерусалим, 2003, с. 183; «Вести», приложение «Ветеран и воин», 10 и 17 июня 2009; «Сохрани мои письма...» Вып. 3-й., с. 263-266.

²⁹ Е. М. Малышева. Агрессия германского нацизма перед судом истории. Адыгейский государственный университет, Россия, г. Майкоп (см. «Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сб. ст. Междунар. науч-практ. конф. (г. Новорос-сийск, 12-15 сентября 2016 г.) / Отв. ред.: Т.В. Лохова, С.Г. Новиков. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016, с. 11-17).

комсомольца» Е. Меркачевой о церемонии 27 января 2019 г. в Аушвице³⁰, что вызвало нашу отповедь³¹; в российских электронных СМИ восстание в Собиборе видится «интернациональным», хотя восставшие были евреями из европейских стран³². Холокост нивелируется, не осознается частью собственной истории в некоторых странах.

Мы попытались, не отрицая научную и гуманитарную роль академических сборников, показать необходимость более широкого подхода, требующего проникнуться судьбами погибших и выживших и тех, кто сохранил документы и помог опубликовать их в Израиле. Из анализа израильской русскоязычной прессы напрашивается вывод: публикации дневников воинов-евреев опровергают мнения некоторых историков о полном запрете со стороны командования: все зависело от конкретной ситуации.

Гибель родных и «еврейское одиночество» во многом стали «поворотным пунктом» для воспитанных в советском духе воинов-евреев, они в большей степени ощутили близость к национальным корням, от которых их отсекала советская власть.

Письма и дневники помогают в реконструкции еврейских семейных историй в контексте событий войны и Холокоста, а коллекции писем как дополнительные источники помогают воссоздать портреты героев, построить язык повествования еврейской коллективной исторической памяти.

В заключение укажем на перспективы исследований. Здесь видится два магистральных направления – публикация и комплексный анализ документов. Первое представлено трудами историков НПЦ «Холокост», заслуживающих благодарность за эту работу. В Израиле же набирает обороты второе направление: в 2016 г. под эгидой «Яд Вашем» на английском языке вышел сборник писем “To pour out my bitter soul” («Излить мою горькую душу») под редакцией директора

³⁰ См: www.mk.ru/social/2019/01/30/dve-tonny-chelovecheskikh-volos-strashnaya-pamyat-osvencima-glazami-pravozashhitnikov.html.

³¹ Григорий Рейхман. Стриптизы и скандалы в Освенциме. www.isrageo.com/2019/02/06/strip293/.

³² www.interfax.ru/culture/628733
novayagazeta.ru/articles/2018/04/30/76339-nauchili-evreev-ubivat

Института по изучению Холокоста на территории СССР при Яд Вашем доктора Аркадия Зельцера. В 2018 г. возникла инициатива перевода писем военных лет на иврит, осуществленная группой энтузиастов из числа студентов Беэр-Шевского университета во главе с Асей Дуник в рамках проекта «Письма Победы».

Центр сбора и изучения документов личного происхождения в настоящее время перемещается в Израиль. Архив военных писем и дневников евреев-солдат и командиров Красной Армии создан в Центре диаспоры Тель-Авивского университета доктором Леонидом Смиловичем, и сейчас он насчитывает не менее 17 тысяч единиц хранения. Израильские историки ведут неустанную работу по осмыслинию этого уникального национального наследия, запечатлевшего память военных лет, когда выживание евреев как народа стало очевидной реальностью. Сохранение и изучение документов личного происхождения, как семейных реликвий, имеет первостепенное значение в сохранении правды о войне.

Две пьесы о Собиборе (по материалам переписки Александра Печерского с Залманом Якубом)¹

*Д-р Илья Васильев, политолог,
куратор международных мемориальных проектов (Москва)*

*Д-р Михаил Эдельштейн, старший научный сотрудник
факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова,
научный директор Фонда Александра Печерского (Москва)*

Имя Александра Ароновича Печерского (1909-1990) ассоциируется прежде всего с восстанием в лагере смерти Собибор 14 октября 1943 г., организатором и руководителем которого он был. Однако, не меньшего внимания заслуживает деятельность А. Печерского по сохранению памяти о героях и мучениках Собибора – деятельность, бывшая основным содержанием его жизни в течение трех с лишним десятилетий. Об одном ранее не освещавшемся в исследовательской литературе эпизоде этой деятельности и пойдет речь ниже.

А. Печерский с юности был связан с театром. С середины 1920-х годов он посещал популярную в Ростове-на-Дону театральную студию при клубе ВСАСОТР (Клуб совторгслужащих, Клуб госторговли): выступал там как актер, ставил одноактные пьесы, писал музыку к спектаклям. Параллельно, с середины 1930-х годов, он руководил художественной самодеятельностью в Ростовском финансово-экономическом институте, где работал инспектором хозяйственной части. Последний спектакль А. Печерский отыграл вечером 22 июня 1941 г., а на следующий день ушел на фронт.

После демобилизации, с лета 1945 г., он работал в том же институте заместителем директора по хозчасти и руководил

¹ Авторы благодарят Иосифа Рочко и Галину Веревочникову (Даугавпилс), без помощи которых эта статья не была бы написана.

студенческим театром, а осенью 1948-го перешел на работу в Ростовский театр музыкальной комедии на должность заведующего Бюро организации зрителя (БОРЗ). В 1952 г. А. Печерский был обвинен в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях, исключен из партии (куда вступил в 1947-м) и отдан под суд. Приговор – один год исправительно-трудовых работ с вычетом 25% из зарплаты.² После этого он был вынужден уйти работать на завод, и его профессиональная связь с театром прервалась.

Залман Иосифович Якуб (1919-2009) всю жизнь, с перерывом на годы войны, прожил в Даугавпилсе (в первый год его жизни город еще назывался Двинск). В 1942-1945 гг. он был на фронте, прошел сержантом 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии от Москвы до Берлина, служил минометчиком и переводчиком, был дважды ранен.³ После войны З. Якуб увлекся краеведением, стал автором двух книг⁴ и сотни статей об истории Даугавпилса и латвийского еврейства. Одна из основных его тем – Холокост в Латгалии. З. Якуб встречался с выжившими узниками Даугавпилсского гетто, записывал их воспоминания, из-за чего, по свидетельству хорошо знавшего его Иосифа Рочко, имел неприятности с КГБ.⁵

² «Те годы были очень тяжелые в связи с кремлевскими врачами», – пояснял этот эпизод сам А. Печерский в письме к писателю и журналисту Валентину Томину от 2 апреля 1961 г. (United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Mikhail Lev Collection. Box 3. Folder 1). Об исключении А. Печерского из партии и уголовном деле против него см. в частности в справке Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС за подписью инструктора КПК Лисянского от 7 апреля 1954 г. (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 589. Оп. 16. Д. 11442. Л. 124-124 об.).

³ Краткую справку о З. Якубе см.: Российская еврейская энциклопедия. Т.3. Биографии: С-Я. М., 1997. Его письма с фронта опубликованы в книге: «Сохрани мои письма...»: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 5. / Сост. Р. Жигун, Л. Терушкин. М.: Центр «Холокост», 2019. С. 241–246.

⁴ Даугавпилс в прошлом: Публикации краеведа. Даугавпилс, 1998; Город Даугавпилс. Хронологический обзор: 1275–2001. Даугавпилс, 2002.

⁵ См. его итоговую работу по этой теме: З. Якуб. В те дни: Из истории Даугавпилсского гетто. – В сб.: Евреи в Даугавпилсе: Исторические очерки. [Вып. 1]. Даугавпилс, 1993. С. 287–394.

В 1946 г. З. Якуб стал одним из создателей еврейского драматического коллектива при даугавпилсском Доме культуры № 1. В 1957 г. он написал для этого кружка свою единственную пьесу «Последний звон» (начало работы над ней относится к 1951 г.), которая, однако, так и не была поставлена. Эту пьесу автор предлагал для постановки и местному драмтеатру: «Ее читали режиссеры, директор, некоторые актеры, и в общем получились неплохие отзывы, заговорили о возможной совместной работе над драмой, но в это время наш театр преобразовался в музикально-драматический, пришло новое руководство, и так все развеялось» (из письма З. Якуба к А. Печерскому от 1 апреля 1962 г.). С «Последним звоном» З. Якуб был в конце 1950-х или начале 1960-х гг. командирован на всесоюзный семинар драматургов. Пьеса написана на идише, два фрагмента из нее в переводе на русский опубликовала местная газета «Падомью Даугава» в 1959 г. (1 марта и 18 октября).

Действие пьесы происходит в октябре 1943 г. в концлагере в Польше, за которым, однако, безошибочно угадывается Собибор. В лагере готовится восстание заключенных, узницу, убивающую коменданта лагеря, зовут Люка⁶. А. Печерский выведен под именем Валерий (в позднейшем варианте пьесы – Александр Пенчорский), кроме него среди действующих лиц Шулаев (то есть Шубаев⁷), Борис (Цыбульский⁸), Давид

⁶ Люка – дочь гамбургского коммуниста, депортированная вместе с родными в Собибор из Голландии. А. Печерский познакомился с ней в лагере. Их отношениям уделено много места в книгах А. Печерского «Восстание в Собибровском лагере» (Ростов-на-Дону, 1945) и «Восстание в Собиборе» (М., 1946; на идише), а также в последующих версиях воспоминаний А. Печерского. А. Печерский потерял Люку в суматохе побега и разыскивал до конца жизни. Ни ее дальнейшая судьба, ни настоящее имя и фамилия неизвестны до сих пор. Предпринятая историком Юлиусом Шелвисом попытка идентифицировать Люку с узницей Собибора Гертрудой Попперт не кажется нам достаточно убедительной (см.: J. Schelvis. Sobibor: A History of a Nazi Death Camp. Oxford, 2007. P. 152; Л. Симкин. Собибор: Послесловие. М., 2019. С. 279).

⁷ Александр Шубаев (1917–1944) – уроженец Хасавюрта, депортирован в Собибор из Минска вместе с А. Печерским в сентябре 1943 г. Во время восстания уничтожил в портняжной мастерской заместителя коменданта Собибора Йоганна Ниманна, положив начало ликвидации эсэсовцев. После

Лейтман⁹ и др. О восстании в Собиборе З. Якуб, вероятно, узнал из записок А. Печерского, полагаем, из идишской их версии, опубликованной московским издательством «Дер Эмес» в 1946 г. (эта книжка была в библиотеке З. Якуба). Оттуда же были почерпнуты имена и реалии, использованные в драме.

Переписка З. Якуба и А. Печерского продолжалась с перерывами более 20 лет. К сожалению, до нас дошли не все их письма.¹⁰ Начало их эпистолярного общения относится к осени 1961 г., когда А. Печерский получил письмо из Даугавпилса и ответил на него.

побега перешел вместе с А. Печерским и группой других бывших узников Западный Буг и вступил в белорусский партизанский отряд им. Фрунзе. Когда фронт приблизился, был отправлен с группой разведчиков навстречу Красной армии и пропал без вести.

⁸ Борис Цыбульский – уроженец Донбасса, депортирован в Собибор из Минска вместе с А. Печерским. Во время восстания вместе с другими узниками ликвидировал четырех эсэсовцев в т. н. «втором лагере». После побега во время переправы через Западный Буг простудился, заболел воспалением легких и остался в одном из приграничных белорусских сел, где, по-видимому, и умер.

⁹ Шломо Лейтман – мебельщик из Варшавы, после оккупации Польши нацистами переехавший в Минск. В пьесе З. Якуба изображен бывшим узником Варшавского гетто, где на самом деле никогда не был. Депортирован в Собибор вместе с А. Печерским. Был «соавтором» плана восстания, посредником между не говорившим на идише А. Печерским и другими лагерниками. В ходе восстания был тяжело ранен и, видимо, вскоре умер.

¹⁰ В первую очередь это относится к письмам З. Якуба – после смерти А. Печерского часть его домашнего архива оказалась в Гомеле, где жили его вдова и падчерица, и там затерялась. В настоящее время выявлены 7 писем А. Печерского и 3 письма З. Якуба, хотя очевидно, что их было больше. Оригиналы всех писем находятся либо в собрании Фонда Александра Печерского, либо в фонде Залмана Якуба в Даугавпилсском краеведческом и художественном музее (там же находятся две поздравительные открытки от А. Печерского). Еще два письма З. Якуба к А. Печерскому известны одно в черновике, другое – по машинописной копии, посланной А. Печерским еврейскому писателю Мише Леву (хранится в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне – USHMM. Mikhail Lev Collection. Box 1. Folder 5). В дальнейшем все эти письма цитируются без ссылок, с указанием даты.

Видимо, до этого обмена письмами А. Печерский не знал о пьесе «Последний звон». Первое письмо З. Якуба не сохранилось, но в ответном письме от 25 ноября 1961 г. А. Печерский пишет: «Сразу Вам не ответил, потому что решил несколько раз перечитать отрывки, вжиться в них и только после этого написать Вам свое мнение». То есть соответствующие номера «Падомью Даугава» А. Печерский получил тогда же от З. Якуба¹¹. Впрочем, этими двумя фрагментами его знакомство с драмой и ограничилось – оригинал, напомним, был на идише, а А. Печерский этим языком не владел.¹²

Здесь надо пояснить, что с 1946 г., когда вышла брошюра на идише, А. Печерский в течение более чем десяти лет «молчал». Насколько нам известно, он возвращается к активной общественной деятельности лишь в конце 1950-х годов, и с этого времени распространение памяти о восстании в Собиборе становится главным делом его жизни. В 1958-м он посыпает или передает новую версию своих воспоминаний «Тайна Собибровского лагеря» Василию Гроссману.¹³ В 1959-м вступает в переписку с Бернардом Марком, директором Еврейского исторического института (ЕИИ) в Варшаве и редактором «Бюллетеня ЕИИ».¹⁴ В ростовской газете

¹¹ Газетные вырезки с фрагментами пьесы вклеены А. Печерским в альбом, названный им «Сборник материалов по лагерю смерти Собибор (Польша) и организации восстания 14 октября 1943 г.» (находится в собрании Фонда Александра Печерского).

¹² Полный русский перевод пьесы появился, видимо, позже; сейчас известны две машинописные копии, хранящиеся в фонде Залмана Якуба в Даугавпилсском краеведческом и художественном музее и в музее «Евреи в Даугавпилсе и Латгалии», находящемся в синагоге Даугавпилса. Насколько можно судить, А. Печерский так и не прочитал «Последний звон» целиком.

¹³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1710. Оп. 1. Ед. хр. 143. Опубликована в кн.: И. Васильев, Н. Сванидзе. Собибор: Возвращение подвига Александра Печерского. М., 2018. С. 103–170.

¹⁴ В ЕИИ к этому времени существовала небольшая экспозиция о восстании в Собиборе; в «Бюллетене...» (1952. № 1/3) был напечатан польский перевод книги А. Печерского 1946 г. Письма А. Печерского к Б. Марку опубликованы: После Собибора / Публ. Ф. Колодной, предисл. и

«Комсомолец» (1960. 18 сентября) появляется первая за долгие годы в советской прессе статья о А. Печерском и восстании – «Конец Собибура» Бориса Агуренко. Так же называется статья В. Томина и Л. Друзенко, вышедшая в «Комсомольской правде» (1962. 12 января) и положившая начало всесоюзному вниманию к подвигу Печерского, впрочем, довольно недолгому. Во многом благодаря В. Томину и его (в соавторстве с Алексеем Синельниковым) книге «Возвращение нежелательно» (М.: Молодая гвардия, 1964) первая половина 1960-х гг. становится периодом наибольшего прижизненного признания А. Печерского.

То есть первое письмо от З. Якуба А. Печерский получает в тот момент, когда перспектива увидеть на советской сцене пьесу о Собибore не кажется совсем уж невероятной. Но тема возможной публикации и постановки возникнет в их переписке позже. Пока же А. Печерский подробно разбирает присланные фрагменты, и сразу становится очевидна вся разница в подходе его и З. Якуба к этому материалу. Признавая, что для сцены требуются «интригующий сюжет, накал событий, напряженность», он тем не менее пытается заставить автора «Последнего звона» приблизить сценическую реальность к действительности Собибора: «Но я, переживший этот лагерь, смотрю на все это совершенно другими глазами».

Семь из 12 рукописных страничек письма посвящены Люке, с образом которой в пьесе З. Якуба А. Печерский «в корне не согласен». Для него Люка – не персонаж, а реальная женщина, которую он «за короткий срок, проведенный совместно в одном лагере <...> очень хорошо изучил» и «запомнил на всю жизнь». А. Печерский подробно описывает их общение, пытается наметить ее психологический портрет. Та Люка, которую он знал, при всей ее ненависти к врагам, не смогла бы никого убить – а, следовательно, полагает А. Печерский, Люка в пьесе тоже не должна уничтожать коменданта лагеря: «Мне кажется, что эта сцена себя как-то не

прим. М. Майкова – Лехаим. 2013. № 11. С. 40–42; Собибор: Взгляд по обе стороны колючей проволоки / Под ред. Л. Терушкина, К. Пахалюка. М., 2018. С. 313–316.

оправдывает, можно показать ее образ величественной, сильной, не прибегая к убийству».¹⁵

В том же духе выдержаны и остальные замечания А. Печерского. В пьесе выведена женщина-капо (лагерный полицейский из числа заключенных) – но в Собиборе капо были только мужчины. Из пьесы следует, что контакты между узниками женского и мужского бараков были строго запрещены – на самом деле, поправляет А. Печерский, такого запрета не было. В «Последнем звоне» после убийства эсэсовцев капо, сотрудничающий с восставшими, выводит колонну узников за пределы лагеря, где они нападают на охрану и разбегаются. А. Печерский вновь возражает: «С моей точки зрения, если бы Вы показали, как в действительности было проведено, то звучало бы на сцене гораздо сильнее. Ведь побег начался в лагере, люди прорывали проволочное заграждение, бежали через заминированное поле, была перестрелка, часть людей бросились на центральные ворота, вот в чем сила восстания и смелость голодных, измученных людей».

Несмотря на оговорки А. Печерского, что он не стремится «к исторической достоверности», а подходит «с точки зрения сценического эффекта», понятно, что его в данном случае интересует не столько «поэзия», сколько «правда».

Спор между З. Якубом и А. Печерским продолжается и в следующих письмах. Получив от автора «Последнего звона» возражения на критику, А. Печерский пишет: «Для того чтобы у Вас родилась драма, такая, о которой Вы мечтаете, я буду с Вами спорить о деталях, мелочах, с тем чтобы ее приблизить к действительности основательно» (письмо от 17 мая 1962 г.). Впрочем, в этом споре А. Печерский находит афористичную формулировку, касающуюся уже не близости к реальности, а

¹⁵ К образу Люки, исключительно важному для него, А. Печерский неоднократно возвращается и в позднейших письмах: «Сцену Вы чувствуете, это самое главное, но там в этой пьесе сплошной вымысел, и я бы сказал, вредный, особенно в отношении Люки, это совершенно не нужно <...> Откровенно говоря, в Вашем варианте Люка выглядит отрицательно, это в моем понятии, хотя, бесспорно, Вы этого не хотели» (письмо от 20 апреля 1969 г.).

эстетических достоинств пьесы З. Якуба: «Здесь звучит мелодрама, а в действительности была трагедия».¹⁶

Отдельного внимания заслуживает обсуждение в переписке национальной проблематики. В черновике письма З. Якуба от 1 апреля 1962 г. есть перечеркнутый автором абзац: «Как Вы пишете, заключенные в лагере были евреи. Но более правдиво, более обобщенно будет – если лагерь будет интернациональным, так я и сделал. От гитлеровских вандалов стонали многие народы, и это должно звучать со сцены». В «Падомью Даугава» в списке действующих лиц напротив Люки написано: «девушка венгерка» (в газетной вырезке, вклеенной А. Печерским в альбом, слово «венгерка» густо зачеркнуто – вероятно, им самим). В более позднем варианте эта помета исчезает, но один из советских военнопленных назван Андрей Васильев – очевидно, именно для того чтобы подчеркнуть «интернациональный» состав узников.

В последующей переписке на первый план выходит вопрос о постановке и публикации «Последнего звона». Надо сказать, что при обсуждении этой темы А. Печерский демонстрирует вообще свойственный ему pragmatism. Отчетливый идеализм, составлявший основу его личности и руководивший его поступками, на удивление естественно сочетался в нем с четким пониманием предлагаемых обстоятельств и готовностью без излишних переживаний в этих обстоятельствах существовать и действовать. В письмах А. Печерского к разным адресатам хорошо различимо тонкое знание внутреннего устройства советской жизни в самых разных ее аспектах, от «квартирного вопроса» до механизмов театрального быта. Не лишенный цинизма совет, который он дает З. Якубу, – лишнее

¹⁶ Отметим попутно одну характерную деталь, которую А. Печерский сообщает в этом письме, и которой нет ни в одном другом известном нам источнике. Характеризуя капо Шимона Пожицкого (А. Печерский в своей книге и в письме называет его Бжецким, в пьесе З. Якуба он выведен под фамилией Бушлецкий), который пользовался в лагере дурной репутацией, но незадолго до 14 октября стал сотрудничать с лагерным подпольем и сыграл определенную роль в подготовке и успехе восстания, А. Печерский пишет: «Отдельным лицам дана была установка, если его <...> встретят в лесу [после побега], то уничтожить. Слишком безнаказанно он издевался над людьми». Судьба Пожицкого после восстания неизвестна.

тому подтверждение: «Конечно, Вам одному “протолкнуть” пьесу невозможно. Здесь нужен соавтор с именем. Быть может, он ничего и не сделает по пьесе существенное, но в работу могут взять. Поэтому мой совет – попытайтесь такого найти, а еще лучше, если он работает в театре на режиссерской работе, тогда полная гарантия» (письмо от 26 октября 1963 г.).

Через несколько лет З. Якуб возвращается к идее если не поставить, то опубликовать пьесу: «Надеюсь на “Советиш Геймланд”, хотя и не очень верится, если смогу я им угодить. Из моей скромной практики у меня сложилось впечатление, что безвестному автору у них трудно пробиться» (письмо от 29 декабря 1968 г.). Но А. Печерский, друживший с его ответственным секретарем М. Левом и представлявший ситуацию изнутри, вновь корректирует представления своего корреспондента: «В отношении “Советиш Геймланд” скажу Вам откровенно, пробить будет трудно, и не потому что молодой автор или плохие люди там сидят, нет, это неверно. Люди там неплохие, я с ними знаком, но дело в том, что тему о лагерях им не рекомендуют печатать» (письмо от 20 апреля 1969 г.).

В этом же письме А. Печерский признается З. Якубу, что сам написал «так называемую “пьесу” о Собиборе»: «Я, конечно, ее никому не показывал, потому что я не могу претендовать, т. к. я не писатель и там, конечно, уйма ошибок сценических и других, но я мыслю пьесу приблизительно в таком плане». Экземпляр своей пьесы А. Печерский выслал З. Якубу – думается, не столько в расчете на «обратную связь», сколько надеясь подтолкнуть адресата переделать «Последний звон» в желательном А. Печерскому ключе: «Необязательно Вам писать, как хочется мне, но в принципе должна звучать правда». ¹⁷

¹⁷ Вероятно, какой-то набросок в драматической форме существовал у А. Печерского и раньше: «Написал по заданию ростовского радиоцентра инсценировку о Собибуре на 30 минут. Как будто одобрили и должны транслировать к 22 июня», – сообщал он З. Якубу в письме от 17 мая 1962 г. Вышла ли эта инсценировка в эфир, мы не знаем (вероятно, нет), и текст ее нам неизвестен.

Пьеса А. Печерского не сохранилась или не найдена. Единственный источник, по которому мы можем составить о ней некоторое впечатление, – письмо-«рецензия» З. Якуба, написанное в феврале 1970 г. Даже ее название, «Восстание в лагере смерти Собибор», известно нам только из этого письма.

Отмечая сходство двух пьес («отдельные сцены, эпизоды, порою даже реплики точь-в-точь совпадают»), З. Якуб в целом отзыается о работе А. Печерского не менее резко, чем тот о «Последнем звоне». Собственно, он критикует «Восстание...» как раз за то, что А. Печерскому кажется главным достоинством пьесы: за стремление к документальной точности, зачастую не считающееся со сценическими законами. Как самые удачные З. Якуб отмечает именно те места, которые заведомо придуманы автором, например, «разговоры эсэсовцев в офицерской столовой и в канцелярии, в которых они разоблачают свои черные дела, свое бандитское лицо».

Итак, пьеса А. Печерского открывается «историческим обзором», который читает Ведущий и который предшествует началу действия. Дальше следуют «16 картин, каждая из которых продолжается по минут десять». В связи с этим З. Якуб резонно замечает, что у А. Печерского получилась скорее «пьеса для чтения», не учитывающая «реальные творческие, технические и постановочные возможности театра». Для почти трехчасового спектакля «требуется девять декораций. Даже театру, имеющему вертящуюся сцену, не под силу <так> быстро менять декорации». Отдельно З. Якуб критикует изображение депортации евреев из Минска в Собибор: картина в товарном вагоне «занимает всего лишь одну машинописную страницу. Разве будет театр сооружать отдельную декорацию ради пяти минут игры, где требуется “много народу, едут почти стоя, сесть негде”?». Смущает З. Якуба и избыток действующих лиц – «около 30 человек (не считая массовых сцен) и все мужчины. Не знаю, какой театр располагает такими артистическими ресурсами, разве только МХАТ и ему подобные театры».

Кроме того, З. Якубу недостает в пьесе психологической достоверности: «То, что лагерники задумали – сделали, притом за считанные дни, как по заказу, как в сказке. Я знаю,

что это исторически достоверно. Никто этого не оспаривает, но со сцены такой ход событий звучит несерьезно, неубедительно». Впрочем, иногда он смешивает достоверность с клише, утвердившимися в массовой советской литературе о войне. Так, ему не нравится, что члены действующего в Собиборе подпольного комитета приглашают руководить восстанием советских военнопленных, которые только несколько дней назад прибыли в лагерь: «Даже если в жизни так и было, оно со сцены – звучит нереально, наивно. Каждый скажет, что истинные подпольщики так не действуют».

Среди других недостатков документальной пьесы А. Печерского, отмеченных З. Якубом, – «однообразие языка действующих лиц», «длиннейшие монологи». Не обошлось и без продолжения спора про образ Люки: «Вы ее, естественно, показали такой, какой ее знали, но мне кажется, что для драматического произведения стоило бы ее сделать более активной участницей в организации восстания».

Недоумение З. Якуба вызвал также подзаголовок пьесы – «По книге В. Томина и А. Синельникова “Возвращение нежелательно”»: «Позвольте, эта книга же в основном написана по Вашим воспоминаниям, по Вашим данным. Разве все, о чем Вы повествуете в пьесе, не Ваши воспоминания? Не страницы Вашей биографии? Не Ваш подвиг?» Впрочем, здесь З. Якуб, очевидно, недооценил тот pragmatizm А. Печерского, о котором речь шла выше. Подзаголовок скорее всего носил «маскировочный» характер: А. Печерский прекрасно понимал, что инсценировка «официальной» книги, вышедшей в крупном издаельстве, имеет больше шансов на постановку, чем «просто» пьеса.

«Написанное представляет собой каркас, основу для будущего интересного драматического произведения, но над этим сценическим вариантом предстоит еще немало потрудиться, чтобы довести его до сцены. И стоит трудиться, как Вам, так и мне, ради воплощения на сцене героического подвига группы советских военнопленных в лагере смерти Собибор. Возможно, не разделяй нас большое расстояние, мы могли бы это осуществить совместными усилиями», – резюмировал свою критику З. Якуб.

Дальнейшая судьба пьесы А. Печерского неизвестна. Мы даже не знаем, были ли у нее другие читатели, кроме З. Якуба. Очевидно лишь, что она никогда не была поставлена.

З. Якуб же впоследствии неоднократно возвращался к своему замыслу: «Должен признаться, что и по сей день, спустя более двадцати лет, как о нем писал, восстание в Собиборе мне близко и интересует меня, ибо в его литературу, и я внес свою скромную, малую лепту и, кажется, был первым, кто отозвался на эти события. По сей день думаю когда-то снова взяться за свою драму» (письмо от 5 ноября 1980 г.). А. Печерский, впрочем, своего скептического отношения к «Последнему звону» с годами не изменил: «Я не читал всю пьесу, но эти отрывки [из «Падомью Даугава»] слишком наивны, откровенно надуманы, и я, конечно, написал ему [З. Якубу] правду», – сообщал он в 1980 г. М. Леву.

В заключение стоит обратить внимание на одну фразу из письма З. Якуба от февраля 1970 г.: «Может быть, стоит пьесу переработать на киносценарий. Предложите ее какому-нибудь кинорежиссеру. Ведь тема благородная, захватывающая». Не исключено, что это пожелание стало одним из толчков для обращения А. Печерского спустя несколько лет в творческое объединение «Экран» с предложением создать фильм о восстании узников нацистского лагеря смерти.

Само это письмо до нас не дошло, но содержание его легко восстанавливается по ответу заместителя директора «Экрана» Тамары Огородниковой от 11 июля 1978 г.: «Мы очень внимательно обсудили Ваше предложение создать антифашистский фильм о сопротивлении, узниках немецких лагерей смерти. Совершенно согласны с Вами: антифашистская тема всегда останется центральной в нашей пропагандистской работе. И во многих телевизионных фильмах, посвященных Великой Отечественной войне, мы касаемся материала героического сопротивления узников лагерей смерти. Назовем лишь такие фильмы, как “Руины стреляют” – 6 серий, “Вызываю огонь на себя” – 4 серии, одна из серий телефильма “Вечный зов”, “Назначаешься внучкой” и др. Хочется напомнить Вам нашу картину “Был месяц май”. Этот фильм – страстное предупреждение против фашизма,

Две пьесы о Собиборе
(по материалам переписки Александра Печерского с Залманом Якубом)

разоблачение его античеловеческой сущности, зверство фашизма в лагерях смерти. Думается, что эта работа режиссера М. Хуциева всецело отвечает тем задачам, которые Вы в своем письме ставите перед создателями такого фильма. Но мы и в новых своих планах неизменно будем учитывать Ваше пожелание больше видеть фильмов, которые воспитывают молодое поколение на примерах героической борьбы с фашизмом старшего поколения нашего народа»¹⁸.

Остается добавить лишь, что ни спектакль, ни фильм о восстании в Собиборе так и не появились. Как представляется, многолетний эпистолярный диалог А. Печерского с З. Якубом свидетельствует не только о тех трудностях, с которыми сталкивались в советское время попытки рассказать о лагерях смерти и Холокосте в целом, но и о том, как неоднозначно воспринимали эту тему сами «хранители памяти» – советские евреи фронтового поколения.

¹⁸ После Собибора / Публ. Ф. Колодной, предисл. и прим. М. Майкова – Лехаим. 2013. № 11. С. 43.

Участники конференции

Д-р Ирина Реброва, научный сотрудник Центра исследований антисемитизма при Техническом университете Берлина. В сентябре 2018 г. в Берлине защитила диссертацию «Реконструкция народной памяти о Холокосте на примере Северного Кавказа». Стипендиат Конференции по еврейским материальным претензиям (2015-2017) в Центре исследований Холокоста Института современной истории в Мюнхене, а также в Центре исследований геноцида (2016-2017). Автор ряда статей по устной истории, гендерной истории и социальной памяти о Второй мировой войне в академических журналах Великобритании и Германии.

Георгий Шепелев, преподаватель Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж), выпускник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1994) и Высшей школы социальных наук (Париж, 1996). Руководитель проекта «Война на Востоке: создание архивной коллекции неопубликованных фотографий Второй мировой войны» (более 5000 оригинальных экземпляров). Автор ряда публикаций, выставки «Война на Востоке. Неизвестные фотографии с Восточного фронта и оккупированных территорий Советского Союза, 1941-1945» (Париж, Москва, Минск, 2013-2015), каталога «Восток, война. Неизвестные фотографии с Восточного фронта и оккупированных территорий Советского Союза, 1941-1945» (Москва, 2016).

Д-р Александр Фридман, в 2001 г. окончил исторический факультет Белорусского Государственного Университета (Минск), в 2005 г. получил магистерскую степень по новой и новейшей истории, философии и германистике в Саарлан-

ском университете (Саарбрюккен, ФРГ). В 2009 г. защитил докторскую диссертацию. В настоящее время преподает в Саарландском университете и в Высшей школе полиции и государственного управления Северного Рейна-Вестфалии (Дуйсбург, ФРГ), а также является исследователем в архивных проектах «Евреи в Третьем рейхе» (Яд Вашем, Иерусалим) и «Движение Сопротивления в Рейнской области, 1933-1945» (Институт региональных исследований Краевого союза Рейнских земель, Бонн).

Д-р Леонид Смиловичкий, старший научный сотрудник Центра исследований диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета, выпускник Белорусского государственного педагогического университета им. А.М. Горького (1977), защитил диссертацию в Белорусском государственном университете (1984). Руководитель проекта «Евреи Белоруссии», работал научным сотрудником Музея Холокоста «Яд Вашем» (1994-1995), доцентом Белорусского государственного университета культуры, Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина (1980-1992), сотрудником Белорусского государственного музея истории Великой отечественной войны (1979-1980), автор 450 научных публикаций, в т. ч. семи монографий.

Д-р Арон Шнеер, старший научный сотрудник Музея Холокоста «Яд Вашем» (2002-2015), выпускник Даугавпилсского педагогического института (1975) и Латвийского университета (1984), защитил диссертацию в Латвийском университете (Рига) в 1991 г. Член Государственной исторической комиссии Латвии (с 2004), награжден медалью Александра Пушкина «за вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между Израилем и Российской Федерацией» (2013), лауреат литературной премии им. Виктора Некрасова (2011), премии «Олива Иерусалима» за вклад в изучение еврейской истории (2007), автор восьми книг.

Д-р Хаим Бен Яаков, Генеральный директор Евро-Азиатского Еврейского Конгресса (с 2015 г), Глава отдела

академического развития Тель-Авивского Университета. Работал Главой Представительства Ерейского Агентства в Москве и странах Балтии, советником по вопросам образования Ерейского Агентства в Израиле, основал и руководил Институтом изучения иудаизма и подготовки общинных работников в Москве, преподавал в ряде университетов в Израиле и других странах. Председатель сессии "Мировая Ерейская Диаспора выходцев из стран бывшего СССР – современные вызовы" (Герцлийская Конференция). Сфера научных интересов – традиционные ритуалы иудаизма, принципы формирования национального государства и национально-культурной идентичности, взаимодействие универсальных и партикулярных культурных ценностей, структура израильского общества и ерейской диаспоры, история сионизма.

Д-р Владимир Месамед, старший преподаватель кафедры иранистики Института Афро-азиатских исследований Ерейского университета в Иерусалиме, выпускник Ташкентского государственного университета (1974), защитил диссертацию в Институте востоковедения Академии наук СССР (Москва, 1984). Редактор иранского отдела радио «Коль Исраэль» (1995-2008), научный сотрудник Института Трумэна по улучшению мира Ерейского университета в Иерусалиме (1995-2004). Член редколлегии журналов «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция, с 1997 г.), «Центральная Азия: экономика и политика» (Казахстан, 2001-2003). Политический обозреватель ТВ-канала «Израиль плюс» (с 2002 г.), эксперт Института Ближнего Востока (Москва, с 2006 г.), автор ряда публикаций, в т. ч. 6 монографий.

Д-р Моисей Беккер, ведущий научный сотрудник Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, бывший председатель Общины европейских евреев Азербайджана, автор книги «Евреи в этнической мозаике Азербайджана».

Д-р Анатолий Подольский, директор Украинского центра изучения истории Холокоста (Киев), ведущий научный сотрудник Института политических и этносоциальных исследований им. И. Кураса Национальной академии наук Украины, выпускник Киевского государственного педагогического института (1993), защитил диссертацию (1996). Автор более 90 статей по еврейской истории и истории Холокоста, в т. ч. «Трагическая судьба украинской еврейской женщины при нацистской оккупации, 1941-1944», в сборнике: «Сексуальное насилие против еврейской женщины в период Холокоста», Университет Брандейса, 2010; учебника «Уроки прошлого. История Холокоста в Украине» (Киев, 2017), и других.

Д-р Борис Забарко, бывший узник Шаргородского гетто (Винницкая область), выпускник исторического факультета Черновицкого государственного университета, закончил аспирантуру Института истории Национальной Академии наук Украины, после защиты диссертации – ведущий научный сотрудник Института истории и Института мировой экономики и международных отношений НАНУ. Председатель Всеукраинской Ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей, вице-президент Международного союза общественных объединений евреев – бывших узников фашизма, член Наблюдательного совета Международного фонда "Взаимопонимание и толерантность". Заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат премии Национальной Академии наук Украины, премии Европейского союза «Бней-Брит» «In Recognition for immortalizing the Holocaust tragic memory», автор более 250 публикаций.

Д-р Ирина Шихова, старший научный сотрудник Института культурного наследия Министерства образования, культуры и науки Молдовы, окончила Молдавский государственный университет (1996), в 2006 г. получила степень доктора. Директор неправительственной организации «Магид» и куратор проекта «Еврейское наследие Молдовы». Автор книг «Культурное наследие евреев Молдовы»

(Кишинев, 2010) и «Мы выживем: еврейская история Молдовы в образах» (Кишинев, 2015) и ряда научных статей.

Давид Зельвенский, председатель военно-исторической комиссии израильского союза ветеранов Второй мировой войны. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета (Свердловск, 1964), подполковник в отставке, автор 6 книг, основатель первого в Израиле музея евреев-участников Второй мировой войны и еврейских воинских традиций (Нетания – Хадера). Автор мультимедийной экспозиции «На линии огня» (евреи СССР в Великой отечественной войне), лауреат литературных премий, член Союза русскоязычных писателей Израиля.

Григорий Рейхман, исторический обозреватель, участник Всеизраильского проекта подтверждения прав переживших Холокост муниципалитета Ашдода (Израиль), выпускник исторического факультета Ивановского государственного университета (1979, СССР); школы преподавания истории Холокоста «Яд Вашем» (2007). Принимал участие в проектах по сохранению памяти о Холокосте в России, Латвии, Украине, Беларуси в 2007-2019.

Д-р Илья Васильев, политолог, выпускник Российской академии государственной службы при президенте РФ. Кандидат политических наук (2005), научный сотрудник Социологического института РАН в 2008-2009 гг. Автор и составитель нескольких книг, в т. ч. «Александр Печерский: прорыв в бессмертие» (2013, легла в основу х/ф «Собибор», 2018), «Династия Медалье» (2015), «Собибор: возвращение подвига Александра Печерского» (в соавторстве с Николаем Сванидзе, 2018). Автор идеи и куратор международных проектов «Герои Собибора», «Немецкая оккупация», «Династия Медалье». Лауреат премии Министерства обороны РФ в области культуры и искусства.

Д-р Михаил Эдельштейн, старший научный сотрудник факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, выпускник Ивановского государственного университета (1994), кандидат филологических наук (1997), заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели: 1800-1917» (2005-2017), преподаватель филологического факультета ИвГУ (1997-2005). Научный директор Фонда Александра Печерского (с 2016), автор ряда работ о лагере смерти Собибор и Александре Печерском, в т. ч. книги «Собибор: хроника восстания в лагере смерти» (2018, в соавторстве с Ю. Макаровой и К. Могилевским).

Милда Якулите-Василь, главный куратор выставки «Утраченный штетл» еврейского мемориального фонда евреев Шедувы (Литва), исследователь в Государственном еврейском музее Виленского Гаона (2006-2016), закончила Вильнюсский университет (степень бакалавра – 2001, степень магистра – 2003 и 2005). С 2014 – докторант школы изучения наследия и памяти Университета Амстердама. Автор и составитель Атласа Холокоста в Литве, соавтор ряда выставок и каталогов по Холокосту в Литве и истории евреев Литвы за «железным занавесом». Участник проекта «Память о Холоксте в Балтии» Центра иудаики Латвийского университета и ряда других международных проектов.

Александра Щепан, со-организатор и член исследовательского центра культуры памяти факультета полонистики Ягеллонского университета (Краков), выпускница Ягеллонского университета, степень магистра по литературоведению (2008) и философии (2016). Участник проекта «Неувековеченные места геноцида и их влияние на коллективную память, культурную идентичность, этические установки и межкультурные отношения в современной Польше» (2016-2019). Участник проекта по устной истории «Лемберг», организованного Вашингтонским музеем Холокоста (2018). Автор ряда публикаций и книги «Реалист Роб-Грийе» (2016).

Д-р Оксана Соловьева, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель декана и ученый секретарь исторического факультета, член Совета по делам национальностей при правительстве Москвы, профессор кафедры постсоветской истории Российского государственного гуманитарного университета (2008-2013), доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ (2007-2008). Получила степень магистра на историческом факультете МГУ (1994) и на юридическом факультете Высшего института управления (1996). В 2005 г. защитила диссертацию. Автор 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. трех учебников.

Илья Ленский, директор Еврейского музея Латвии (Рига, с 2008 г.), член латвийской делегации в Международном альянсе памяти жертв Холокоста, член Совета Центра еврейских исследований в Латвийском университете, автор трех книг.

Participants of the Conference

Dr. Irina Rebrova, researcher at the Centre for Research on Anti-Semitism at Technical University, Berlin, defended her PhD thesis “Re-constructing grass roots Holocaust memory: the case of the North Caucasus” (Berlin, September 2018), fellow at the Claims Conference Kagan Fellowship in Advanced Shoah Studies (2015-2017), at the Centre for Holocaust Studies at the Institute for Contemporary History, Munich, at the USC Shoah Foundation Center for Advanced Genocide Research’s in (2016-17), published a number of articles on Oral History, Gender History and Social Memory on World War II in Russian, English and German academic journals.

Gueorgui Chepelev, lecturer of the National Institute of Oriental Languages and Civilizations (INALCO), Paris, graduated from the Moscow State University Lomonosov (M. A., 1994); High School for Social Sciences (EHESS), Paris (M. A.1996). Head of the project «War in the East»: creation of an archive collection of unpublished WWII photos (more than 5000 original items). Author of numerous publications and the exhibition «The War in the East. Unknown photos from the Eastern front and the occupied territory of the Soviet Union, 1941-1945» (Paris, Moscow, Minsk 2013-2015) and catalogue «A l’Est, la guerre. Photographies inconnues prises sur le front de l’Est et sur le territoire occupé de l’URSS, 1941-1945» Moscow: Rousskii Pout’ (2016).

Dr. Alexander Friedman, graduated in History from the Belarusian State University in Minsk (1996–2001) and obtained an M. A. in Modern and Contemporary History, Philosophy and German as Foreign Language from the University of Saarland (2002–2005). He received his PhD from the University of Saarland

(2009). Currently he is a lecturer at the University of Saarland (Saarbrücken) and at the University of Applied Sciences for Public Administration and management of North Rhine-Westphalia (Duisburg) as well as a researcher for the documentary projects “Jews in the Third Reich” by Yad Vashem (Jerusalem) and “Resistance in the Rhineland, 1933–1945” by LVR-Institute for Regional Studies (Bonn).

Dr. Leonid Smilovitsky, senior researcher at The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, graduated from Belarus State Pedagogical University named after Maxim Gorky (B. A. 1975), (M. A. 1977), State University of Belarus named after Lenin (PhD 1984). Head of the project “Jews in Belarus”, and a former researcher at the Yad Vashem Holocaust Museum (1994-1995), Associated Professor of History at the Belarus State University of Culture, the Belarus State University (1980-1992), Belarus State Museum of the History of the Great Patriotic War (1979-1980), and author of the 450 scholar publications, including 7 monographs.

Dr. Aron Shneyer, senior researcher retired at the Yad Vashem Holocaust Museum (2002-2015), graduated from the Daugavpils State University (M.A. 1985) and the Latvian State University of Riga (PhD, 1991), member of the State Commission of Historians of Latvia (since 2004); awarded the Alexander Pushkin Medal "for the contribution to strengthening friendship and cooperation Israel with the Russian Federation" (2013), the Victor Nekrasov literature award (2011), Laureate of the Olive Tree of Jerusalem Price for the contribution to the study of Jewish history (2007), author of 8 books, including *Pariahs among Pariahs. Soviet-Jewish POW in German Captivity, 1941-1945*. Jerusalem. 2016, *Profession is Death. SS “Travniki” training camp. Crime and retribution*. Moscow, 2019.

Dr. Haim Ben Yakov, CEO of the Euro-Asian Jewish Congress. Served as Head of the Jewish Agency for Israel in Moscow and in the Baltic States, as Educational Consultant of the Jewish Agency for Israel. Founded and managed an Institute for

Jewish Studies and Training Community Leaders in Moscow. Chair of the Herzlia Conference Session "Jewish Russian Speakers in the World – Shared Challenges".

Dr. Vladimir Mesamed, senior lecturer of Persian and Iranian Studies, Institute of the Afro-Asian Studies, Faculty of Humanities, the Hebrew University of Jerusalem, graduated from the Tashkent State University (B. A. 1972, M. A. 1974) and Institute of Oriental Studies, Academy of the Sciences of the USSR in Moscow (PhD, 1984), former editor of the Persian Department, Radio "Kol Israel" (1995-2008), research fellow of the Truman Institute for the Advancement of Peace, the Hebrew University of Jerusalem (1995-2004), member of the Editorial Board "The Central Asia & Caucasus" Journal in Sweden (since 1997) and "Central Asia: Economy and Politics" Journal, Almaty, Kazakhstan (2001-2003), political observer, Israel plus TV Channel, Jerusalem (since 2002), expert of the Middle East Institute, Moscow (since 2006), author of the numerous scholar publications and 6 monographs.

Dr. Moses Becker, Leading Researcher at the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Philosophy in Political Sciences, former head of the European Jewish community of Azerbaijan, an author of the book "Jews in the ethnic mosaic of Azerbaijan".

Dr. Anatoly Podolsky, director of the Ukrainian Center for Holocaust Studies (Kyiv), leading research associate of the Kuras Institute Political and Ethnic Studies National Academy of Science of Ukraine, graduated from the Kyiv State Pedagogical Institute (M. A. 1993 and PhD 1996), author more than 90 articles in the field of the Jewish History and Holocaust in Ukraine during WW2, including "The Tragic Fate of Ukrainian Jewish Women under Nazi occupation, 1941-1944" In: *Sexual Violence Against Jewish Women During the Holocaust*. Brandeis University Press (2010); Textbook "Lessons of the Past. History of the Holocaust in Ukraine", Kyiv (2017), and others.

Dr. Boris Zabarko, former prisoner of the Shargorod ghetto (Vinnitsa region, Ukraine). Graduated from the historical faculty of Chernovtsy State University, he worked as a teacher, head of the educational section of a rural secondary school, University lecturer. Getting a PhD degree, he was leading researcher at the Institute of History and the Institute of World Economy and International Relations of National Academy of Sciences of Ukraine. Chairman of the All-Ukrainian Association of Jews – former prisoners of the ghetto and Nazi concentration camps, vice-president of the International Union of Public Associations of Jews – former prisoners of fascism, member of the Supervisory Board of the International Fund "Understanding and Tolerance". Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Laureate of the National Academy of Sciences of Ukraine Prize, European "B'nai-B'rith" Prize "In Recognition for immortalizing the Holocaust tragic memory", author of more than 250 printed works.

Dr. Irina Shikhova, senior researcher at the Institute of Cultural Heritage of the Ministry of Education, Culture and Research of Moldova, graduated from the Moldovan State University (B. A. and M. A., 1996), Academy of science (PhD 2006), has a wide experience in university and non-formal education, and museum work, director of *Maghid* Non-Government organization and manager of a permanent project *Jewish Heritage of Moldova*, author *The Cultural Heritage of Jews in Moldova* (Chișinău, 2010) and *We Will Survive: Jewish History of Moldova in Images* (Chișinău, 2015) monographs, and numerous scientific papers.

David Zelvensky, Chairman of the Military History Commission of the Union of Veterans of the Second World War of Israel, graduated from the History Department of the Ural State University in Sverdlovsk (1964), Lieutenant Colonel, author of six books, in 1995 founded the first museum in Israel about Jewish soldiers of World War II and the Jewish military traditions (Netanya – Hadera), author of the multimedia exhibition "On the Line of Fire" (Jews of the USSR in the Great Patriotic War 1941–1945), laureate of the "Work of Life" award (2007), the Literary

Prize named after Victor Nekrasov (2018), member of the Union of Russian-speaking writers of Israel.

Gregory Reikhman, historical observer, participant in the All-Israel project to confirm the rights of Holocaust survivors in the municipality of Ashdod (Israel), graduate of the history department of Ivanovo State University (1979, USSR); Yad Vashem Holocaust Teaching School (2007). He took part in projects to preserve the memory of the Holocaust in Russia, Latvia, Ukraine, Belarus in 2007-2019.

Dr. Ilya Vasiliev, political scientist, graduated from Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, PhD (2005), researcher at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (2008-2009). Author and compiler of several books, including “Alexander Pechersky: a breakthrough into immortality” (2013, formed the basis of the feature film “Sobibor”, 2018), “Medalie Dynasty” (2015), “Sobibor: the return of the feat of Alexander Pechersky” (co-author N. Svanidze, 2018). The author of the idea and the curator of the international memorial projects “Heroes of Sobibor”, “Nazi Occupation”, “Medalie Dynasty”. Laureate of the prize of the Ministry of Defense of the Russian Federation in the field of culture and art.

Dr. Mikhail Edelshteyn, senior researcher at Faculty of Journalism, Moscow State University, graduated from Ivanovo State University (M. A. 1994), PhD (1997). Head of the editorial office of “Russkie Pisateli: 1800-1917” (“Russian Writers: 1800—1917”) biographical dictionary (2005-2017), Associate Professor at Faculty of Philology, Ivanovo State University (1997-2005). The scientific director of Alexander Pechersky Foundation (since 2016), author of some publications on the history of Sobibor death camp and the life of Alexander Pechersky, including “Sobibor: the Chronicle of the Uprising in the Nazi Death Camp” (2018, co-authors Yu. Makarova and K. Mogilevsky).

Milda Jakulytė-Vasil, chief curator of the core exhibition of the Lost Shtetl Museum for the Seduva Jewish Memorial Fund in Lithuania and former researcher at the Vilna Gaon State Jewish Museum (2006-2016), graduated from Vilnius University (B. A. 2001, M. A. 2003 and heritage protection in 2005), doctoral candidate at the Amsterdam School for Heritage and Memory Studies of the University of Amsterdam since 2014, author and compiler of the Holocaust Atlas of Lithuania project, an interactive website (www.holocaustatlas.lt), co-author of a number of exhibitions and catalogues on the Holocaust in Lithuania and Lithuanian Jews behind the Iron Curtain, member of the Holocaust Commemoration in the Baltic project of the University of Latvia's Center for Judaic Studies, involved in the Minor Projektkontor für Bildung und Forshung and Columbia University's Wir Fluechtende/We Refugees. Transnational Research and Education Center on Refugees.

Aleksandra Szczepan – co-founder and member of the Research Center for Memory Cultures at the Faculty of Polish Studies of the Jagiellonian University in Kraków, graduated from the JU, where she was trained in literary studies (M. A. 2008) and philosophy (M. A. 2016). Research assistant within the project “Unmemorialized Sites of Genocide and Their Impact on Collective Memory, Cultural Identity, Ethical Attitudes and Intercultural Relations in Contemporary Poland” (Polish Ministry of Science and Higher Education, 2016–2019), member of the oral history project “Lemberg” run by the US Holocaust Memorial Museum in Washington (2018), author of the numerous articles and the book *Realista Robbe-Grillet* (2016).

Dr. Oksana Solopova, Head of the Diaspora research Laboratory at the History department of the M. V. Lomonosov Moscow State University, deputy dean and academic secretary of the History department, Member of the Council for Nationalities under the Government of Moscow, former professor of the post-Soviet history department of the Russian State Humanitarian University (2008-2013), former associated professor at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow

Participants of the Conference

State University (2007-2008), graduated from Lomonosov Moscow State University History Department (M. A. 1994); Higher Management Institute (M. A. 1996) and defended PhD thesis (2005), the author of 90 scientific and educational works, including three textbooks and teaching aids.

Ilya Lensky, Director of the Jewish Museum of Latvia in Riga (since 2008), member of the Latvian delegation to the International Holocaust Remembrance Alliance, member of the Board of the Center for Jewish Studies at the University of Latvia, author of the 3 books.

Фотоотчет о конференции

(автор – Григорий Рейхман)

Pictures from the conference

(author – Gregory Reikhman)

Профессор Симха Гольдин,
директор научно-исследовательского Центра диаспоры
имени Гольдштейна-Горена при Тель-Авивском университете

Д-р Салхат Аббасова,
руководитель
сектора стран
Америки и Израиля
Государственного
комитета
Азербайджанской
Республики
по работе
с диаспорой

Марк Ифраимов,
депутат Кнессета
от партии
«Наш дом Израиль»

Лев Спивак,
генеральный
директор
международной
ассоциации
Израиль-
Азербайджан
«АзИз»

Д-р Хаим Бен Яков,
генеральный директор
Евро-Азиатского
Еврейского Конгресса,
глава отдела
академического развития
Тель-Авивского
Университета

Д-р Леонид Смиловицкий,
старший научный сотрудник в Центре диаспоры
им. Гольдштейна-Горена, Тель-Авивский университет

Д-р Оксана Солопова, руководитель лаборатории
истории диаспор исторического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова

Д-р Ирина Реброва, научный сотрудник
Центра исследований антисемитизма
при Техническом университете Берлина

Слева направо: д-р Арон Шнеер, старший научный сотрудник
Музея Холокоста «Яд Вашем»
и д-р Владимир Месамед, старший преподаватель
кафедры иранистики Института Афро-азиатских исследований
Еврейского университета в Иерусалиме

Георгий Шепелев, преподаватель Национального
института восточных языков и цивилизаций (Париж)
и профессор Захар Шибеко (Хайфа)

Слушатели и участники конференции

Вопрос во время обсуждения докладов задает
профессор Захар Шибеко

На вопросы коллег и участников конференции отвечают
д-р Ирина Реброва, Георгий Шепелев
и Александра Щепан (Ягеллонский университет, Краков)

Обсуждение доклада. Вопрос задаёт Михаил Альшанский,
председатель Всеизраильского объединения
выходцев из Беларуси

Слева направо: Авива Валк, Александр Шнайдмессер,
д-р Аркадий Зельцер, Шломит Шулхани (Яд Вашем, Иерусалим)

Илья Ленский,
директор
Еврейского
музея Латвии (Рига)

Д-р Милда
Якулите-Василь,
главный куратор
выставки
«Утраченный штетл»
еврейского
мемориального
фонда
евреев Шедувы
(Литва)

Д-р Константин
Бондарь, научный
сотрудник
Центра диаспоры
им. Гольдштейна-
Горена
при Тель-Авивском
университете

Д-р Ирина Шихова,
старший
научный сотрудник
Института
культурного наследия
при Министерстве об-
разования, культуры и
науки Молдовы

Вопрос из аудитории задает Эли Валк, посол Израиля в Беларусь (1993-1995 гг.), председатель ассоциации евреев-выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле

Ответы на вопросы коллег и слушателей конференции:
д-р Милда Якулите-Василь, Илья Ленский, д-р Арон Шнеер

Д-р Борис Забарко, председатель
Всеукраинской Ассоциации евреев-бывших узников гетто
и нацистских концлагерей (Киев)

Д-р Моисей Беккер,
ведущий научный сотрудник Института права и прав человека
Национальной академии наук Азербайджана

Д-р Ирина Шихова (Молдова)

Слушатели и участники конференции

Григорий Рейхман (Ашдод, Израиль) и бывший узник Минского гетто Борис Млынский (Хадера, Израиль)

Слушатели и участники конференции

Д-р Анатолий
Подольский,
директор
Украинского
центра изучения
истории Холокоста
(Киев)

Давид Зельвенский,
основатель первого
в Израиле музея
евреев-участников
Второй мировой войны
и еврейских
воинских традиций
(Нетания-Хадера)

Рабочий момент конференции

Сидят: профессор Захар Шибеко (Хайфа)
и Леон Гершович (Шломи, Израиль),
докторант Тель-Авивского университета

Стоят: Юлий Мордек (оператор),
Шауль Симан-Тов

(руководитель израильского отделения STMEGI-TV)

Конференция освещалась интернет-телевидением
международного благотворительного фонда СТМЭГИ.

<https://youtu.be/BLcfxw8Mfx0>

Общее фото участников конференции. Стоят слева направо первый ряд: Леонид Смиловичий,

Владимир Мессамед, Ольга Богомазова, Оксана Солопова, Ирина Реброва, Ирина Шихова,

Милица Якулите-Басиль, Александра Щелан, Григорий Рейхман, Анатолий Подольский.

Второй ряд: Шауль Симан-Тов, Арон Шнеер, Лев Сливак, Моисей Беккер, Георгий Шепелев, Константин Бондарь, Борис Забарко, Леон Гершович, Илья Ленский (Фото Михаила Альянского)

